

Василий
ГРИШАЕВ

АЛТАЙСКИЕ
КРАЕВЕДЫ

Василий Гришаев

АЛТАЙСКИЕ КРАЕВЕДЫ

**Барнаул
2010**

ББК 26.891
Г859

Редакционный совет:
В. С. Олейник, д.и.н. В. А. Скубневский, Л. В. Фарафонова

Г 859 **Гришаев В. Ф.** Алтайские краеведы. – Барнаул, 2010. – 225 с.

ISBN 978–5–98550–159–9

Книга знакомит с жизнью и деятельностью известных краеведов, внесших вклад в изучение истории, природы, культурной жизни Алтая. Среди них – Г. И. Спасский, семья Кулибиных, отец и сын Гуляевы, С. П. Швецов, В. И. Верещагин и др.

ББК 26.891

ISBN 978–5–98550–159–9

© Г. Б. Егорова

Каждый период времени в истории отмечен своими приметами, событиями, переломными моментами.

Василий Федорович Гришаев многое сделал для того, чтобы мы хорошо знали историю своей малой родины, людей, составляющих честь и гордость Алтая, знали исследователей, путешественников, горных инженеров, участников войн, людей, невинно пострадавших в годы репрессий, знали тех, кто занимается изучением истории Алтая – ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ, к числу которых принадлежал он и сам.

Свою последнюю рукопись с просьбой посмотреть, посоветоваться он принес в Алтайскую краевую библиотеку им. В. Я. Шишкова не случайно. Библиотека ведет большую работу по сбору и распространению краеведческих знаний. С 1995 г. библиотека издает серию библиографических указателей «Алтайские краеведы», и первый выпуск ее был посвящен именно Василию Федоровичу Гришаеву.

Библиотеку с Василием Федоровичем связывали долгие годы творческого сотрудничества и в подготовке ежегодных календарей знаменательных и памятных дат «Алтайский край» и «Барнаульский хронограф», и в работе Клуба любителей алтайской старины, членом которого В. Гришаев был с момента его организации. Одним из первых Василий Федорович стал Почетным читателем библиотеки.

Мы очень дорожим доверием Василия Федоровича и бережно относимся к его творчеству. Текст рукописи В. Ф. Гришаева дан в авторской редакции, дополнен только именованным указателем. Это его взгляд на жизнь, на время, на события, на людей, деятельность которых он тщательно изучал по документам, это его взгляд на людей, которые его окружали и которых он хорошо знал.

Это мудрый и точный взгляд очевидца нашего с вами времени...

В. С. Олейник
зав. отделом краеведения
Алтайской краевой
универсальной научной
библиотеки им. В. Я. Шишкова

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

В этой книжке собраны в основном мои прежние публикации об алтайских краеведах, к ним добавлено лишь несколько новых.

Конечно, я рассказал далеко не обо всех. «За бортом» остались многие, не менее известные и заслуженные представители этой славной когорты как из ныне живущих, так и ушедших уже в мир иной.

Впрочем, о краеведах и без меня немало написано, в том числе и о тех, кто вошел в эту книжку. Я лишь добавил к уже известному некоторые новые факты и подробности их жизни и деятельности. Имеет ли такая книжка право на существование, судить Вам, читатель.

Все, что Вы здесь прочтете, написано в основном по документам краевого государственного архива, в котором мне довелось, а лучше сказать – посчастливилось работать в 1976–1983 гг. Но и после увольнения еще много лет я продолжал ходить туда чуть не каждый день как на работу, и мои бывшие коллеги оказывали мне всемерную помощь в поисках нужных материалов, за что я им искренне благодарен.

За время занятий краеведением, а началось оно с 1974 г., после демобилизации из армии, я увлекался самыми разными вопросами истории Алтая – от горнозаводского производства до сталинских репрессий. Когда не хватало архивного материала, шел в отдел редкой книги, к Валентине Петровне Кладовой или в отдел краеведения к Вере Сергеевне Олейник; не раз и не два приходилось обращаться в Алтайский государственный краеведческий музей, Бийский музей имени В. В. Бианки, музей-заповедник В. М. Шукшина в Сростках к Лидии Александровне Чудновой, в литературно-краеведческий музей 27-й школы к Людмиле Михайловне Остертаг; при сборе материалов об алтайских партизанах (для книги «Ефим Мамонтов») неоценимую помощь оказали Владимир Максимович Комаров из Волчихи, Евгений Семенович Назаров из Заринска, создавшие прекрасные краеведческие музеи в своих районах; при сборе материалов о репрессиях православного духовенства немало помогли архивариус Барнаульской епархии Тамара Владимировна Скворцова и священник Георгий Крейдун; когда заинтересовался репрессиями алтайского казачества, атаман Юрий Алексеевич Белозерцев даже сам привез меня по бывшим казачьим станицам.

Каюсь, немало надоедал с вопросами профессиональным историкам: Валерию Анатольевичу Скубневскому, Александру Владимировичу Старцеву, Аркадию Васильевичу Контеву, Вадиму Борисовичу Бородаеву и другим.

Очень многим обязан бийским друзьям-краеоведам Борису Хатмиевичу Кадикову, Виктору Васильевичу Буланичеву, Александру Георгиевичу Бошкову, Павлу Сергеевичу Коваленко, Василию Филипповичу Белозерцеву.

Из писателей больше всех, особенно на первых порах, помогли мне советами и своими богатыми знаниями Петр Антонович Бородкин, Георгий Васильевич Егоров, а особенно Марк Иосифович Юдалевич – первый читатель еще в рукописи большинства моих публикаций.

Прошу прощения у тех моих добрых помощников, кого здесь не назвал. А не назвал многих и многих. Без них, названных и неназванных, я не сделал бы и малой доли того, что удалось сделать.

Взрослая, сознательная жизнь моя (пишу это в 2007 году) состоит из двух примерно равных частей: 30 лет в армии и столько же – в краеведении. Ничего плохого не хочу сказать об армии, хотя было в ней всякое. Но лучшей, более интересной и содержательной, больше дающей сердцу и уму, считаю вторую половину своей жизни.

Благодарю судьбу за то, что оказался я, пусть на склоне лет моих, в славной семье алтайских краеведов.

В. Гришаев

ЕГО ЗНАЛ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Григорий Иванович Спасский принадлежал к той категории людей, о которых говорят, что они сделали себя сами.

Он родился в 1783 г. в городе Егорьевске Рязанской губернии в многодетной и довольно скромной по достатку семье священника. По достижении школьного возраста был определен в Коломенскую духовную семинарию, но рано проснувшаяся жажда знаний побудила его свернуть с отцовской дорожки.

В 1799 г. 16-летний недоучившийся семинарист отправился в Москву с намерением поступить в университет. Но на казенный кошт его не приняли, а средств на учебу «по недостаточному состоянию» не было, и заработать их не удалось.

Потеряв целый год, Спасский в декабре 1800 г. переезжает в Петербург. Здесь ему больше повезло. Он поступает на службу в Берг-коллегию, начинает посещать лекции в Академии наук, педагогическом институте и, сверх того, усиленно занимается самообразованием (кстати, это осталось его страстью до конца жизни). Через три года он становится вполне образованным человеком, заводит знакомства с писателем А. Е. Измайловым, поэтом и филологом А. Х. Востоковым, сам пробует сочинять вирши, но вскоре оставляет это занятие: что не дано – то не дано.

В июне 1803 г. о любознательном и отменно трудолюбивом молодом чиновнике Берг-коллегии узнал губернатор только что учрежденной Томской губернии В. С. Хвостов. Он пригласил его к себе на службу, пообещав дать возможность объехать «все достопримечательные места сей забытой страны».

Слово губернатор сдержал. Уже в 1804 г. Спасский командировается «по Красноярскому и Кузнецкому округам для исполнения разных

поручений, заключающих в себе исторические и топографические сведения и требующих особых познаний и деятельности».

В 1805 г. в Китай отправилось посольство во главе с графом Н. А. Головкиным, а при посольстве – научная экспедиция «для собирания сведений, относящихся к сибирской истории и филологии». В ее состав был включен и Спасский. Интересно отметить, что письмо-приглашение поступило ему непосредственно от генерал-губернатора Восточной Сибири. Такое признание уже получили ученые занятия Спасского у высокого сибирского начальства!

Посольство не было принято, и Спасский вернулся к своим обязанностям заседателя Красноярского уездного суда.

В июне 1809 г. он «по желанию своему и склонности» поступает в штат Колывано-Воскресенских заводов. «Во время службы в заводах, – читаем в его автобиографических заметках, – в 1809 году находился при разработке открытых в Бухтарминском крае рудных приисков, а в конце одного отряжен в Санкт-Петербург за препровождением каравана с серебром и каменными изделиями (Колыванской шлифовальной фабрики – *В. Г.*). По возвращении в Барнаул в ноябре 1810 г. состоял в распоряжении начальника заводов; с июля 1812 г. в Змеиногорском руднике в бергмейстерской должности и приставом части команды. С 8 февраля по 11 апреля 1813 г. по поручению начальства свидетельствовал у крестьян хлеб в 51-м заводском селении на предмет снабжения оным по случаю бывшего неурожая нуждающихся жителей, потом определен членом Змеиногорской конторы и бергмейстером... В отсутствие управляющего Змеиногорским рудником, заводом и всем тамошним краем в разное время занимал его место. В феврале 1817 г. отряжен для сопровождения в Санкт-Петербург каравана с серебром...»

На этом его служба в Сибири закончилась. «Согласно прошению», он был назначен в Горную экспедицию Кабинета с повышением в чине. Но Спасского не карьера интересовала, когда он подавал прошение. За 13 лет службы в Сибири им был собран огромный материал по истории, археологии, этнографии (кстати, он первый ввел это слово в научный оборот), жизни и быту народностей, природе, эпиграфике (надписям на камнях).

Как всякий исследователь, он стремился сделать свои находки общим достоянием. Однако осуществить это на Змеиногорском

руднике было сложно. За семь лет, с 1810 по 1817-й, он сумел опубликовать в столичных журналах лишь две статьи. За первую из них, «Сибирские древности» (1810), Спасский был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду восточной словесности и древностей. Вторая статья «Замечания хозяйственные и до климата относящиеся, учиненные в 1811 и 1812 гг. в Барнауле» появилась лишь в 1814 г.

Поселившись в Петербурге, он в 1818 г. основывает журнал «Сибирский вестник», где начинает публиковать материалы по истории Сибири. Значительную их часть составляли статьи самого Спасского. Назову лишь некоторые: «Изображения обитателей Сибири» (1818), «Путешествие на Тигирецкие белки» (1818), «Нечто о кочующих в Сибири народах» (1820), «Путешествие к алтайским калмыкам» (1823)...

В журнале впервые увидели свет многие памятники сибирской истории, описания путешествий, местных промыслов, памятников древности и т. д. Так, в 1818 г. были опубликованы записки алтайского горного инженера Бурнашева Тимофея Степановича о путешествии в Бухару (1795) и Ташкент (1800), любезно предоставленные издателю начальником Кольвано-Воскресенского округа Петром Козьмичем Фроловым. Их связывала многолетняя дружба, основанная на любви к истории Алтая, Сибири. Спасский опубликовал описание путешествий сибирского казака Ивана Петлина в Китай в 1620 г. (тоже из собрания П. К. Фролова), боярского сына Байкова туда же в 1665–1669 гг., геодезиста Пшеницына и промышленника Санникова на острова «Ледовитого моря»; из летописей: Строгановскую, Есиповскую, часть Черепановской; переводы с иностранных языков всего относящегося к Сибири.

О журнале с похвалой отзывался М. М. Сперанский и некоторые другие выдающиеся люди России, он был известен за границей. Но, к сожалению, даже при малом тираже (600 экз.) журнал расхodziлся плохо и приносил издателю убытки. В 1825 г. Спасский переименовал его в «Азиатский вестник», расширил отдел, посвященный азиатскому вопросу, но и это не помогло. Через два года журнал прекратил существование.

Столь обидная неудача объясняется, видимо, не прохладным отношением россиян к отечественной истории. Это опровергается триумфальным успехом «Истории государства Российского»

Н. М. Карамзина, выходявшей в то же время. Она покорила читателей высокой художественностью изложения, глубиной проникновения в суть исторических событий, широтой обобщений. Всего этого, увы, не доставало журналу Спасского. В то время, когда «Историей» Карамзина зачитывалась «вся Россия», журнал Спасского привлекал внимание лишь специалистов...

В 1835 г. Спасский переводится заведующим соляными промыслами Крыма. И здесь остается верным себе. За три года он собрал уйму материала по истории, археологии, этнографии Крыма; обработка и публикация его продолжалась много лет после того, как он в 1838 г. вышел в отставку и поселился в Москве. Наряду с этим Спасский немало пишет о Сибири.

Подлинным его научным подвигом стало создание трехтомного «Горного словаря», изданного в 1841–1843 гг. Правильнее было бы назвать его не словарем, а горной энциклопедией. В нем даны объяснения не только слов и терминов, смысл которых теперь знают лишь немногие специалисты, но и подробно описаны устройство плавильных печей всех типов, станков, механизмов, процессы медной, серебряной плавки и т. д. и т. п. Это уникальное учебное пособие по изучению истории горнозаводского производства в России в XVIII – первой половине XIX в.

Мысль о составлении «Горного словаря» подал член-корреспондент Петербургской Академии наук С. А. Ярцов, писавший «по Высочайшей воле» книгу о российской горной истории. По его просьбе Кабинет в октябре 1813 г. дал указание во все горнозаводские районы о собирании «горных слов» для словаря. Руководство Кольвано-Воскресенских заводов разослало это указание горным конторам.

Первым, как видно из документов, откликнулся со Змеиногорского рудника Григорий Спасский. Уже в январе 1814 г. он донес: «...Собранные мною в течение месяца слова, употребляемые в горном производстве, с кратким оных изъяснением при сем представить честь имею».

Для начала он прислал 23 слова.

Активное участие в этом приняли П. К. Фролов, П. М. Залесов, М. С. Лаулин и др. В 1819 г. по указанию П. К. Фролова собранные в округе около 2000 слов были обработаны берггешвореном Е. П. Дейхманом и высланы в Кабинет. Туда стекались подобные

рукописи со всей страны. Завершить эту огромную работу выпало на долю Спасского, что он и сделал с блеском.

Научные заслуги Спасского получили широкое признание. Он состоял членом-корреспондентом Российской Академии наук, Археолого-нумизматического общества, Общества истории и древностей российских, Петербургского общества любителей наук, словесности и художеств, а также ряда других научных и литературных обществ.

В жизни Спасский был добрым, мягким, любезным, безукоризненно честным человеком. Эти его качества, а также изумительное трудолюбие и ненасытная любознательность, сохранившиеся до глубокой старости, снискали ему всеобщее уважение. Он был в добрых отношениях со многими выдающимися людьми того времени: А. Гумбольдтом, М. М. Сперанским, А. Х. Востоковым, Н. Я. Бичуриным (Иакинфом), художником А. Г. Венециановым, Н. В. Гоголем, Н. М. Карамзиным, А. С. Пушкиным.

Карамзин при написании «Истории Государства Российского» использовал сибирские летописи из личного архива Спасского.

Пушкин обратился к нему за материалами к «Истории Пугачевского бунта». В 10-м томе собрания сочинений поэта (М., 1978) опубликовано его письмо Спасскому (дата определена составителем ориентировочно: около 18–22 июля 1833 г.) Привожу его полностью:

«Милостивый государь Григорий Иванович!

Осмеливаюсь обратиться к Вам с покорнейшею просьбою. Мне сказывали, что у Вас находится любопытная рукопись Рычкова, касающаяся времен Пугачева. Вы оказали бы мне истинное благодеяние, если б позволили пользоваться несколько дней сей драгоценностию. Будьте уверены, что я возвращу ее Вам во всей исправности и при первом Вашем востребовании.

С истинным почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь.

Ваш покорнейший слуга Александр Пушкин».

Речь идет о рукописи историка Оренбургского края, члена-корреспондента Петербургской Академии наук П. И. Рычкова (1712–1777) «Топография Оренбургская». Ссылки на нее не раз встречаются в «Истории Пугачевского бунта».

К сожалению, Григорий Иванович Спасский пережил свою славу. Когда он умер (29 апреля 1864 г.), в годовом отчете Императорского Русского географического общества даже не упомянули о смерти своего старейшего и заслуженного действительного члена. Лишь небольшой некролог появился в «Северной пчеле»...

ИСТОРИОГРАФ КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИХ ЗАВОДОВ

Имя знаменитого механика-самоучки Ивана Петровича Кулибина известно у нас каждому мало-мальски грамотному человеку. Но, возможно, не все знают, что на Алтае, на Колывано-Воскресенских заводах, служили два его сына и четыре внука. Судя по их формулярам, все они пошли в отца и деда отменным трудолюбием и даже в немалой степени разнообразными его талантами.

Наиболее заметный след в истории нашего края оставил старший из сыновей, Александр. Он родился в 1799 г. в Петербурге. Детство его прошло в Нижнем Новгороде, куда вскоре после выхода в отставку вернулся отец. Первоначальное образование он дал сыну сам, а в 1815 г. определил его в Горный кадетский корпус (с 1833 г. – Горный институт).

Учили в корпусе основательно. Наряду с горным делом и точными науками (физикой, математикой и др.) здесь преподавались всеобщая и российская история, российская словесность, немецкий и французский языки, логика, артиллерия, фортификация, уголовное право, мифология, рисование, фехтование, пение и даже танцы. Словом, будущие горные инженеры готовились не только как узкие специалисты, о которых незабвенный Козьма Прутков выразился, что они «флюсу подобны».

Кадеты много читали, у них поощрялась тяга к сочинительству. Немаловажную роль в этом сыграл преподаватель российской словесности А. А. Никитин, сам довольно известный в свое время литератор, один из учредителей «Вольного общества любителей российской словесности».

На выпускных вечерах в корпусе нередко бывали Н. М. Карамзин, И. А. Крылов, В. А. Жуковский.

Ставили кадеты и спектакли. Но что поощряло корпусное начальство, не одобрял старик Кулибин, пустой забавой считал, лишь отвлекавшей от учебы. Когда Александр написал однажды младшему брату Петру, что участвовал в спектакле, отец резко отчитал его, а следом прислал «Размышление» – родительское наставление, как вести себя в разных случаях жизни... Ответ Александра от 12 марта 1816 г. стоит привести целиком. Вот он:

«Прошу у Вас прощения, любезнейший батюшка, за мое письмо брату Петиньке. В одном единственно я хотел показать мысли сегодняшнего петербургского общества... Но в иных случаях необходимость принуждает человека даже против воли. Если бы я не согласился играть на корпусном театре, я бы мог тем на себя навлечь гнев начальства.

Присланное Вами «Размышление» читал и списал оное для себя. Я всегда считал и буду почитать для себя первым долгом следовать Вашим наставлениям.

Покорнейший Ваш сын
Александр Кулибин».

Возможно, кому-то смешной, старомодной покажется такая покорность сына. Ах, побольше бы нам пусть не покорности, а хотя бы простого уважения к старости, тем более к родителям! Насколько поубавилось бы горя и несчастий на земле...

2

Водился за Александром еще один «грешок», наверное, неизвестный отцу: он сочинял стихи. Юный «пиита» был не одинок: стихи сочиняли кадеты Николай Языков, Федор Бальдауф, Алексей Таскин. И Кулибин в их кругу был не на последнем счету.

Его мнением, например, очень дорожил Николай Языков и совсем не потому, что был на четыре года моложе. Первое опубликованное им стихотворение называется «Александрю Кулибину». В нем есть такие строки:

Когда я, увлечен мечтой,
Почувствовав огонь поэзии сердечный,
Тебе вверять восторги приходил,
О сколь тогда приятен был
Мне дружеский совет нельстивый!..

С этого стихотворения начался путь Николая Языкова к «парнасским высотам». Горного инженера из него не получилось: он был отчислен из корпуса «за непосещение занятий», зато как поэт в конце 20-х – начале 30-х гг. соперничал по своей популярности с самим Пушкиным, с которым, кстати, находился в дружеских отношениях.

Александр Кулибин первое свое стихотворение опубликовал в 1819 г. в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения». Этот журнал являлся печатным органом «Вольного общества любителей российской словесности». В нем печатались К. Рылеев, В. Кюхельбекер, А. Бестужев, Н. Гнедич, юный Пушкин.

Этого стихотворения целиком найти не удалось, вот лишь его часть:

...Один только я,
Не чувствуя в сердце огня,
Печально взираю на мир обновленный,
Несчастному нет и весны во вселенной.
Ах! Время прошло,
Как волны в теченьи,
И в быстром стремлении
С собой унесло
Веселье и радость на легких крылах,
Оставля страдальца в тоске и слезах...

Стихи, что и говорить, грустные. Возможно, повлияла недавняя смерть отца (1818), еще раньше – матери, перспектива предстоящей службы где-нибудь у черта на куличках... А, может быть, он по-другому, веселее, писать не умел? Недаром же друзья прозвали его «унылым», «печальным» поэтом.

Александр Кулибин окончил корпус 30 июня 1820 г., получил звание шихтмейстера, за успехи в учебе был награжден Большой серебряной медалью, в фехтовании – эспадроном. Назначение получил «за хребты Рифея» (Урала) – в Кольвано-Воскресенский горный округ.

3

15 октября 1820 г. новоиспеченный шихтмейстер прибыл в Барнаул и был определен «при Главной чертежне», одновременно – помощником правителя дел в Горном совете. Но уже за май 1821 г.

в его формуляре стоит запись: «При делах начальника Нерчинских заводов и разных поручениях». Способного молодого офицера приметил и взял с собою обербергмейстер Бурнашев Тимофей Степанович, как раз в это время назначенный начальником Нерчинского горного округа.

Вскоре Кулибин женился на его дочери Анне, но подозревать в этом не любовь, а расчет оснований нет. Суровый и прямолинейный служака, выбившийся из низов, превыше всего ценивший в подчиненных трудолюбие и честность, Бурнашев подхалима у себя под боком не потерпел бы. Да Кулибин и повода такого не давал.

В Нерчинском заводе он снова встретился с друзьями-поэтами, окончившими корпус позже его: Федором Бальдауфом и Алексеем Таскиным. Они объединились в кружок, читали друг другу свои стихи, уносились воспоминаниями из забайкальских дебрей в столицу, в незабываемые годы, проведенные в стенах корпуса. По свидетельству Таскина, Кулибин стихи продолжал писать, но «никому не передавал копий с них, а только читал в кружке товарищей». Несмотря на уверения друзей, что он наделен «талантом песнопенья», Кулибин оставался при своем мнении: его удел – служба...

У него рано проявилась склонность к научной работе. Каждое лето он возглавляет геологоразведочные партии, забираясь с ними в самые глухие уголки Забайкалья. Так, в 1826 г., изучая геологию и минералогию Адун-Челонского хребта, составил описание 80 минералов, два из них были неизвестны науке. Описание опубликовано в «Указателе открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», издававшемся в Петербурге. Издатель Н. Щеглов писал: «А. И. Кулибин, правящий Канцеляриею начальника Нерчинских заводов, доставил сей список... Желательно, чтобы в обширной и богатой минеральными произведениями Сибири было поболее просвещенных минералогов, каков г. Кулибин».

Один из открытых им минералов (разновидность обсидиана – вулканического стекла), по предложению Н. Щеглова, был назван «кулибинитом»¹.

В 1828 г. Кулибин в сотрудничестве с горными инженерами А. Н. Таскиным и И. Н. Ковригиным перевел с французского учебник геогнозии Добейсена, за что был награжден годовым окладом жалованья (его помощники – тоже).

¹ Сведения взяты из статьи Ю. Галая «Династия горных инженеров» (сб. Записки краеведов. Горький, 1983. С.115–125).

В 1829 г. Т. С. Бурнашев вышел в отставку и вернулся в Барнаул. Вслед за ним на Алтай был переведен и Кулибин. С апреля 1829 г. он – помощник управляющего Змеиногорским краем. В августе того же года Змеиногорск посетил Александр фон Гумбольдт. Главным его консультантом по местным рудам и самоцветам был Александр Кулибин. Вернувшись в Берлин, Гумбольдт писал 3 апреля 1830 г. своему доброму знакомому, Главноуправляющему корпусом горных инженеров графу Е. Ф. Канкрину: «У вас есть там чудесный молодой человек, бергмейстер Кулибин, от которого можно ожидать многого, если у него будет время и для практической работы».

Лестный отзыв великого ученого в общем-то не был открытием для Кабинета. Еще годом раньше Александр Кулибин «в знак уважения к отличным сведениям его в горных науках» был избран, несмотря на молодой возраст и скромный чин, членом Ученого комитета по горной и соляной части, где заседало немало горных генералов.

Приметил «чудесного молодого человека» и начальник Алтайских горных заводов генерал-майор Е. П. Ковалевский. В связи с передачей рудников и заводов в аренду Министерству финансов министр Е. Ф. Канкрин пожелал иметь подробное их описание. Ковалевский поручил это сделать Кулибину, для чего тот был переведен в Барнаул.

5 февраля 1834 г. Кулибин представил первую часть «Описания Колывано-Воскресенских заводов по 1833 год», а 27 июня – вторую и третью.

В первой части (151 лист) содержатся сведения «о пространстве и границах округа», истории зарождения и развития горнозаводского дела на Алтае, приводятся тексты основных царских, сенатских и кабинетских указов, определявших деятельность рудников и заводов.

Вторая часть (190 листов) включает разделы: «Общее описание заводов» и «Часть хозяйственная». В «Общем описании» рассказывается об устройстве плавильных печей разных типов, составе руд, шихты, технологии выплавки серебра, меди, железа, свинца. Во втором разделе дается описание каждого завода, а

также Монетного двора при Сузунском медеплавильном заводе в таком примерно плане: историческая справка, устройство, производственные мощности, численность рабочих, данные о количестве выплавленного металла (отчеканенной монеты).

«Часть хозяйственная» содержит сведения о материально-техническом обеспечении заводского действия и жизни рабочих людей (провианте, фураже, ценах, прибылях и пр.).

И, наконец, третья часть (приложения), 134 листа, состоит из таблиц, содержащих цифровые данные о затратах труда, руд, шихты, стоимости их добычи, перевозки, заработной платы.

Общий объем «Описания» составляет, таким образом, 465 рукописных листов, заполненных с обеих сторон. Чтобы собрать и систематизировать один только цифровой материал, нужно было изучить огромное количество архивных документов за 100 лет, объехать рудники и заводы для ознакомления с их современным состоянием. Титанический труд! И выполнен он был всего за два с половиною года.

«Труд А. И. Кулибина, – писал известный исследователь Алтая профессор Г. Е. Щуровский, – написан с совершенным знанием дела и заслуживает полную благодарность».

По представлению начальника округа Е. П. Ковалевского, император Николай I «за отлично-усердную службу и труд по составлению описания Колывано-Воскресенских заводов» наградил Александра Кулибина орденом св. Владимира 4-й степени.

Интересна следующая история «Описания». Первая его часть была опубликована в 1836 г. в «Горном журнале» (кн. 1–7). Продолжения почему-то не последовало, и о нем долгое время ничего не было известно. Лишь в 1968–1969 гг. краевед А. Д. Сергеев обнаружил все три части «Описания» в Центральном Государственном историческом архиве в Ленинграде (ныне РГИА), а несколько позже – в госархиве Алтайского края черновики.

К сожалению, вторая и третья части «Описания» до сих пор не опубликованы, хотя научная ценность их, как я полагаю, несомненна².

² Сокращенный вариант «Описания Колывано-Воскресенских заводов» опубликован в сборнике «Алтай в трудах ученых и путешественников XVIII–начала XX веков». Барнаул, 2005. С. 103–160. Перепечатка из «Горного журнала», 1836 г., кн. 1–7.

«Описание Кольвано-Воскресенских заводов» – не единственная научная работа Александра Кулибина. С конца 1830 г. на Алтае началась добыча россыпного золота. В 1834 г. золотые промыслы были выделены в особое управление, и во главе его поставлен Александр Кулибин. Должность по правам и ответственности приравнивалась к управляющему заводом, хотя, пожалуй, была хлопотней. В добавление к ней Кулибин был привлечен к составлению проекта штатов управления Кольвано-Воскресенскими заводами; никто не снимал с него и обязанностей помощника горного начальника, а также инспектора школ округа.

В августе 1835 г. Кулибин, по личному приказанию Е. П. Ковалевского, представил «Краткое описание всех известных золото-содержащих россыпей, открытых в округе Кольвано-Воскресенских заводов с 1830 по 1835 год» объемом 25 листов. Это был еще один его вклад в историографию Алтая.

Он еще работал над рукописью, а от Е. П. Ковалевского поступило новое предписание: составить сведения о золотосодержащих россыпях Алтая, осветив при этом общую теорию золотоносных месторождений Алтая, наиболее вероятные их места, а заодно разработать правила для руководителей поисковых партий. Словом, от него требовали разработать нечто вроде научно-практического пособия для золотоискателей. Любопытно, что и сам Е. П. Ковалевский, и сменивший его вскоре Н. А. Шленев, и горный начальник округа Ф. Ф. Бегер были крупными специалистами в данной отрасли, но такую работу на себя не взяли, поручили Кулибину. Так в него уверовали!..

Похоже, они считали, что Кулибину любая задача по плечу. Стоило ему в 1830 г. обнаружить на берегу р. Чарыш две пещеры с костями гиены, носорога и др. животных (одну из пещер он посетил с Ф. В. Геблером, другую – с молодым удачливым золотоискателем Александром Фрезе, будущим начальником округа) Ковалевский немедленно шлет предписание: «Покорнейше прошу Вас, милостивый государь, снова посетить пещеры и, собрав из них кости и другие окаменелости с горными породами, доставить оные в целости ко мне с кратким геогностическим описанием».

Записка свидетельствует о широте научных интересов и самого Евграфа Петровича Ковалевского. Недаром он стал впоследствии министром народного просвещения России, членом многих научных обществ.

В разгар работы над историей заводов Кулибину пришлось сделать и требуемое описание, а к нему приложить три ящика костей.

В январе 1835 г. Кулибин получает предписание Алтайского горного правления о сборе коллекции минералов для Главного горного музея в Петербурге.

В июне 1836 г. горный начальник Ф. Ф. Бегер поручает ему провести испытания изобретенной им, Бегером, золотопромышленной машины и определить ее эффективность.

Между тем управляющему золотыми промыслами и без того забот хватало. Дело-то еще находилось в стадии организации, а Кабинет и руководство округа настойчиво требовали увеличения добычи золота.

«Господин Кулибин, – писал Е. П. Ковалевский в одном из своих отзывов, – проходя всю свою службу в отдаленных местах империи, неся в одно и то же время несколько важных и многотрудных должностей и заслужив о себе отличный отзыв всех его начальников, явно выходит из разряда обыкновенных чиновников».

Вне всякого сомнения, его ждала блестящая карьера. Но 27 апреля 1837 г. несчастный случай на охоте оборвал жизнь талантливого горного инженера, историка, притом, по уверению друзей, и неплохого поэта, Александра Ивановича Кулибина...

29-летняя вдова его Анна Тимофеевна осталась с шестью детьми: три сына и три дочери. Старшей, Наталье, было 11 лет, младшему, Костику, около двух. Ни родового, ни благоприобретенного имения у них не было, жили на жалованье мужа.

Семье помог император Николай I и помог по-царски. «В уважение отлично-ревностной службы» Александра Кулибина он распорядился, независимо от назначенной по закону пенсии вдове, выплачивать на воспитание каждого из трех сыновей, до поступления их в Горный институт, по 500 руб. в год; дочерей, по достижении надлежащего возраста, определить в «приличные учебные заведения», также за казенный счет.

6

Все три сына Александра Кулибина: Николай, Владимир и Константин после окончания Горного института служили на Алтае. Из них наибольших успехов достиг Николай. Он окончил Горный

институт в 1851 г. с Большой золотой медалью. Его имя было занесено на Золотую доску в конференц-зале института. После двух лет службы в качестве помощника управляющего Барнаульской главной лабораторией он был направлен на два года в Германию и Бельгию для изучения металлургии и пробирного искусства. По возвращении стал преподавателем, затем профессором Горного института, с 1876 г. – членом Горного ученого комитета, с 1882 г. – директором Горного департамента, то есть фактическим руководителем всей горной промышленности России. Умер в 1903 г., на 73-м году жизни, в чине тайного советника (соответствует генерал-лейтенанту).

Владимир Александрович окончил Горный институт с Малой золотой медалью. Служил на Алтае более 20 лет на различных должностях, последняя – механик алтайских заводов.

Константин Александрович закончил Горный институт также с Малой золотой медалью (1853). До 1870 г. с трехлетним перерывом (по болезни) служил на Алтае в золотоискательских партиях и на открытых им золотых промыслах, в дальнейшем – в Подмосковье и на Урале, в основном как специалист по золоту. Изобрел и построил золотопромывочную машину («кулибинку»), успешно применявшуюся в течение многих лет. Автор 38 научных работ, в основном о золоте. Умер в 1914 г., 80-ти лет, в чине действительного статского советника (соответствует генерал-майору).

Четвертого внука механика-самоучки (от старшего сына, крупного чиновника Кабинета) звали Иваном Семеновичем. В отличие от двоюродных братьев он по каким-то причинам «в учебных заведениях не обучался и аттестата о науках не имел». На Алтай прибыл в 1827 г. шестнадцатилетним юнцом. В первый офицерский чин произведен через 11 лет. Служил на разных административных должностях, в том числе около двух лет Барнаульским городничим (с 24 декабря 1841 г. по 30 сентября 1842 г. и с 22 января 1846 г. по 16 мая 1847 г.).

Младший брат Александра Кулибина Петр вышел из Горного кадетского корпуса в 1821 г. шихтмейстером. До конца жизни служил на Алтае. Последняя должность – управляющий Локтевским сереброплавильным заводом. В 1848 г. овдовел, на руках у него остались две дочери, четырех и двух лет. В 1850 г. серьезно заболел, около двух лет лечился в госпитале Змеиногорского рудника, но безрезультатно. В 1852 г. вышел по болезни в отставку в чине

полковника, остался жить в поселке Змеиногорского рудника, где и умер в 1854 или в 1855 г.

Теща Петра Ивановича и опекунша его младшей дочери установила на могиле зятя чугунный памятник весом 586 пудов, отлитый по ее заказу на Гурьевском заводе.

Стоять бы этому памятнику века, если бы не 1917-й год, не воинствующие невежды, ринувшиеся уничтожать могилы «буржуев» и самую память о них.

К счастью, сохранились архивные документы. Они позволяют восстановить имена и деяния многих славных сынов Отечества. К ним, без сомнения, относятся и «алтайские» Кулибины.

ОТЕЦ И СЫН ГУЛЯЕВЫ

1. ОТЕЦ

Имя Степана Ивановича Гуляева широко известно не только на Алтае. Казалось бы, в его биографии не должно остаться «белых пятен». Тем не менее, они есть. Так, годом рождения его считается 1805, это сказано во всех публикациях о нем. Но сын его Николай Степанович, архивариус Алтайского округа, называет 1803. А если заглянуть в служебные формуляры С. И. Гуляева и вычесть из года их составления возраст (в них указывался только возраст), то получим такие даты рождения: 1806 (дважды), 1807 и даже 1808! А ведь формуляры заполнялись, должны были заполняться с его слов!..

Как ни странно, Степан Иванович сам не знал, когда он родился. Живя в Петербурге, он обратился с этим вопросом к оставшимся на Алтае родственникам. И вот что ответил ему 24 января 1834 г. младший брат Василий Иванович:

«Извещаю Вас, любезный братец... Вы родились в 1806 году июля 28 дня, восприемниками были дядюшка Иван Степанович с женой покойного Кабинетного секретаря Алексея Басина Степанидой Кузьмовной, а 2-м восприемником – покойный брат Федор Ефтифьевич с женой унтер-шихтмейстера Андрея Чургутанова Настасьей Ивановой. Крещение произведено священником Змеиногорской Преображенской церкви Никитой Одинцовым³...»

Сведения эти, столь подробные, Василий Иванович взял, очевидно, из церковной книги или от матери (отец к тому времени умер). Словом, в достоверности их сомневаться не приходится.

³ Тишкина Т. В. *Некоторые сведения о С. И. Гуляеве и его родственниках // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998. С. 116.*

Итак, благодаря Татьяне Владимировне Тишкиной, одним «белым пятном» в биографии С. И. Гуляева стало меньше.

Но осталось еще одно. Во всех публикациях о С. И. Гуляеве место его рождения названо так: «село Алейское Колывано-Воскресенского (или Алтайского) горного округа». Но сохранилось ли это село, а если да, то каков его современный адрес? Об этом нигде – ни слова.

Рискну высказать предположение, что это – село Староалейское Третьяковского района, основанное в 1766 г. К сожалению, это всего лишь предположение. Подтвердить или опровергнуть его можно было бы «ревизской сказкой» по названному селу, но документов последних двух ревизий в краевом госархиве нет.

А в остальном жизнь и деятельность нашего замечательного земляка достаточно изучены, не раз описаны, и мне остается лишь пересказать самое существенное.

Отец его имел горный чин унтер-шихтмейстера (соответствует сержанту) служил на Локтевском сереброплавильном заводе, мать была дочерью казака – потомка сибирских землепроходцев, пожалованного через 25 лет беспорочной службы чином прапорщика. Почти все заботы по дому и хозяйству лежали на матери. Это была веселая, добрая, работающая и к тому же грамотная женщина (редкий случай по тем временам). Она научила сына читать и писать, всячески поощряла его неутолимую любознательность. Степана в семье прозвали «Почемучкиным». Им он и остался до седых волос.

Позже Степан Иванович так вспоминал о своей матери:

«Это была энергичная красивая женщина, каких немного встречалось мне в жизни... Она имела отличный голос и пела много народных и обрядовых песен...»

Когда он увлекся этнографией и фольклористикой, мать стала активной его помощницей.

В 1827 г., по окончании Барнаульского горного училища, Степан Гуляев, как лучший из лучших, был направлен в Петербург писцом Горного отделения Кабинета.

Достаточно вспомнить гоголевского Акакия Акакиевича, чтобы представить, насколько несправным было положение мелкого канцеляриста, каким нудным и отупляющим был его труд.

Но Гуляев не стал Акакием Акакиевичем. Он посещает вечерние классы Академии художеств (у него давняя склонность к рисованию),

музеи, выставки, заводит знакомства с интересными людьми. Одним из них был Якушкин Павел Иванович, писатель, фольклорист, этнограф. Под видом коробейника ходил он по деревням, записывал песни, пословицы, поговорки. Был в близких отношениях с Н. А. Некрасовым. Тот изобразил его под именем Павлуши Веретенникова в поэме «Кому на Руси жить хорошо»:

Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги.
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
...Крестьяне открываются
Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку –
Пять раз спойт – записывай!
Понравится пословица –
Пословицу пиши!

Якушкин был не первый и не последний. В. Г. Белинский недаром писал в те дни: «Какой благодарности заслуживают те скромные и бескорыстные труженики, которые с неослабным постоянством, с величайшими трудами и пожертвованиями собирают драгоценности народной поэзии и спасают их от гибели забвения».

Одним из таких скромных тружеников был и Степан Гуляев. Ходить вместе с Якушкиным по деревням он не мог, поэтому одолевает родных и близких просьбами присылать песни, былины, подробнее описывать старинные свадебные и другие обряды. Чаше, чем к другим, обращается к «любезной маменьке», и та охотно помогает ему.

Его увлечению фольклором немало способствовало знакомство с крупным ученым-лингвистом, профессором Петербургского университета И. И. Срезневским, от которого он получал, наверное, особенно в первое время, немалую помощь и советы при написании своих статей по фольклористике. Гуляев был постоянным посетителем «суббот» Срезневского, где предположительно встречался с Н. А. Добролюбовым, в то время студентом Главного педагогического института.

В 1839 г. С. И. Гуляев публикует в журнале «Отечественные записки» свой первый очерк «О сибирских круговых песнях», а через несколько лет в «Библиотеке для чтения» – «Этнографические очерки Южной Сибири». В два этих очерка вошло 150 народных песен. Известно, что их внимательно изучал драматург А. Н. Островский. Он пометил в них 71 слово.

Но фольклором не ограничиваются интересы С. И. Гуляева. В 1845 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» появляется его статья «Алтайские каменщики» – о людях, бежавших от притеснений властей и церкви в «Камень» (в горы) на поиски обетованной земли – Беловодья.

Вскоре он представляет в Вольно-экономическое общество сразу три статьи: о сибирском рогозе, алтайском ревене и сибирской кошенили (вид насекомых), за что избирается его корреспондентом. Это было первое Русское научное общество, оно содействовало развитию сельского хозяйства, вело статистические исследования и т. д. Его членами были: Д. И. Менделеев, В. П. Докучаев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Л. Н. Толстой и др.

В 1852–1853 гг. в «Вестнике Императорского Русского географического общества» и других изданиях С. И. Гуляев публикует статьи о Кулундинской степи, глинистом сланце, графите и др., после чего избирается членом-сотрудником ИРГО.

Занимается он и прошлым Алтая. В 1858 г. в «Вестнике промышленности» появляется его статья «О механике Ползунове».

Это была первая публикация о гениальном изобретателе, к тому времени основательно забытом даже на Алтае. Об истории появления статьи так рассказал, со слов отца, его сын Николай Степанович Гуляев: «Как-то у профессора Срезневского собрались гости, и разговор зашел о паровых машинах. Говорили о недостатке механизмов в России, и отец поразил компанию словами: «Господа! Первая паровая машина давно применена к действию у нас в Сибири нашим механиком-самоучкой Иваном Ивановичем Ползуновым».

Компания удивилась, не хотели верить, никто не слышал про Ползунова. Отец обещал им напечатать историю устройства Ползуновым машины».

Это же подтвердил и сам С. И. Гуляев в письме редактору журнала «Вестник промышленности»: «Поводом к этому (к написанию статьи – *В. Г.*) было выраженное однажды сомнение в постройке

у нас до Ватта (Уатта – В. Г.) еще паровой машины неизвестным в ученном мире механиком».

Таким образом, находясь более 30 лет вдали от Алтая, Гуляев не только не порвал связи с ним, но стал видным знатоком его устного народного творчества, природных богатств, истории.

Счастливо сложилась и его семейная жизнь. Он был приглашен давать уроки 13-летней дочери видного чиновника Пояркова Филиппа Николаевича. Учитель и ученица полюбили друг друга, и когда ей исполнилось 16 лет, они поженились. Всего у них родилось десять детей, в живых осталось шестеро: три сына и три дочери.

Понемногу продвигался С. И. Гуляев и по служебной лестнице: за 30 лет дослужился от старшего писаря до коллежского асессора (соответствует капитану).

В 1859 г. ему предложили место советника отделения частных золотых промыслов в Алтайском горном округе. Он охотно согласился. Представилась возможность еще лучше послужить родному краю. Ну и, конечно, не последнюю роль для него, отца шестерых детей, сыграли и материальные соображения: жизнь в Барнауле была намного дешевле, чем в столице.

Гуляеву было уже 43 года, но энергия в нем, как говорят, была ключом. По приезду в Барнаул он засыпает Вольно-экономическое общество, частных лиц разных городов просьбами о высылке семян табака, помидоров, китайского клевера, саженцев яблонь, бука, ясеня и пр. В свою очередь сам рассылает по множеству адресов семена облепихи, дикого чеснока, лука и т. д.

В 1864 г. Вольно-экономическое общество за успехи в разведении американского и турецкого табака награждает его Большой серебряной медалью. Гуляева не останавливает, что у него нет еще своего дома, своей усадьбы, и он вынужден для своих многочисленных опытов арендовать участок земли.

Первым на Алтае он осуществляет опытный посев сахарной свеклы и широко рекламирует ее. Откликнулся лишь германский подданный Август Брокмиллер. Получив отвод в 100 десятин близ села Малышево Барнаульского округа (ныне это село – в Новосибирской области), он начал выращивать сахарную свеклу, в 1862 г. построил первый в Сибири сахарный завод, на котором за 1862–1865 гг. было произведено 2400 пудов сахара. Но через три года завод был закрыт за незаконное производство спирта.

Призывы к развитию свекловодства и сахароварения – лишь один эпизод в кипучей деятельности Гуляева. Неугомонный старик переполнен замыслами и проектами. То он ратует за развитие тонкорунного овцеводства на Алтае, а заодно и племенного свиноводства, то призывает к развешиванию рыболовства на Телецком озере, то к посевам карлика (дикой гречихи), то шьет дешевую обувь из промасленного холста и нахваливает ее друзьям и знакомым. Многие его проекты умирают в зародыше, но он не падает духом. Отвергли холщовую обувь – учит кустарей, как делать плетеную мебель или соломенные шляпы. Увлечшись шляпами, он изобрел способ хорошо отбеливать солому, делать ее гибкой и эластичной. Шляпы, сделанные по его методу местными кустарями, хорошо расходились не только на Алтае, но и по городам Сибири.

Осенью 1866 г. крестьянин из Ново-Белокурихи Иван Казанцев рассказал Гуляеву, что в их селе бьют теплые ключи, их вода помогает от некоторых болезней, ее охотно пьет скот. Гуляев задался целью открыть лечебницу на Белокурихинских минеральных источниках. Получив результаты химического анализа, написал в «Вестник ИРГО», газету «Томские губернские ведомости», ответа не дождался. Обратился в Министерство здравоохранения с проектом организации в Белокурихе всероссийской здравницы, проект был отклонен «за неимением средств». Тогда на собственные средства построил скромную лечебницу. Больные пользовались ею бесплатно.

Широко известна изобретенная С. И. Гуляевым черная краска для овчин, сделавшая окрашенные ею полушубки («барнаулки») знаменитыми на всю Россию. А началось так. Однажды к нему обратился бедный барнаульский шубник Семен Лапин. Его шубы не находили спроса из-за плохого качества овчин, а хорошую краску он, сколько ни бился, извел последние гроши, но сделать не сумел. Мог ли Гуляев отказать? И вот вечер за вечером он перемешивает и кипятит разные растворы, отвары трав, руки его чернее сажи, домашние ходят, зажав носы, но, наконец, краска получена! Овчина, выкрашенная ею, становится черной и мягкой, как бархат. Через несколько дней Лапин приходит, падает на колени и от чистого сердца протягивает три рубля – все, что у него есть!..

Лапинскую трешку Гуляев до конца жизни хранил как реликвию, показывая друзьям. Это был единственный доход, который он

получил от своего изобретения, сделавшего Лапина богачом. Гуляев лишь взял с него слово не продавать полушубки по высокой цене. Существует предание, что Лапин слова не сдержал, и когда Гуляев упрекнул его в стяжательстве, тот якобы ответил, что это обещание касается лишь Гуляева, а не всех покупателей. Степану же Ивановичу он готов даже подарить самую лучшую шубу. Сколько в этом слухе правды – Бог весть...

Многие барнаульские обыватели считали Гуляева чудачком за несвойственные крупному чиновнику – статскому советнику, занятия.

Чудачком он прослыл и по другой причине. Должность Гуляева была воистину «золотой»: от него во многом зависело, дать или не дать ход заявке на разработку золотоносной россыпи, и заявитель не скупился на «благодарность». Но Гуляев с негодованием отвергал взятку. Он облагал служителей золотых промыслов другой «данью»: просил присылать ему записи народных песен, пословицы, поговорки, а также «камушки» (образцы минералов) и кости редких животных.

Когда «золотой советник» переезжал на очередную квартиру, барнаульцы диву давались: у других господ возы ломились от добра, а у этого – ящики с камнями и костями, книжки да бумаги...

В 1862 г. С. И. Гуляев на свои скромные средства открыл небольшую платную библиотеку, но вскоре вынужден был продать ее: уважаемые барнаульцы тратиться на чтение книжек не захотели, а содержать ее бесплатной вечно бедствующему, обремененному большой семьей Гуляеву было не под силу.

Он основал типографию (заведовал ею старший сын Александр), время от времени устраивал у себя литературные чтения для молодежи; боролся за включение в программу духовного училища большего числа общеобразовательных предметов, выступал за открытие гимназии в Барнауле, университета в Сибири; состоял кандидатом в члены совета Общества попечения о начальном образовании в Барнауле.

А еще он был, как известно, членом одиннадцати научных российских обществ, поддерживал с ними связь, участвовал в их работе. Остается лишь удивляться: как его на все хватало?..

Своим домом С. И. Гуляев обзавелся лишь в 1865 г., через шесть лет после переезда в Барнаул (купил в рассрочку). Здесь бывали

Г. Н. Потанин, французский археолог Г. Менье, немецкий зоолог и путешественник А. Брем, автор шеститомного труда «Жизнь животных». Гуляев подарил ему три черепа носорога, найденные на берегах Оби и Чумыша.

Надо сказать, что, как коллекционер, С. И. Гуляев не был скопидомом. Многие ценные книги и рукописи он передал в Императорскую публичную библиотеку, в Императорское Русское историческое общество; образчики серебро-свинцовых и медных руд, сибирской монеты он выслал даже в Прагу. Руководствовался при этом отнюдь не материальной выгодой, а лишь желанием, чтобы от его находок была польза для науки.

В дом С. И. Гуляева приходили письма от П. П. Семенова-Тян-Шанского, В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, И. И. Срезневского и др.

Ну а для местной интеллигенции его дом был своего рода клубом. Сюда собирались посмотреть богатые минералогические и палеонтологические коллекции, старинные книги, а больше всего – послушать хозяина – «ходячую энциклопедию» Алтая, чудаковатого умницу – бессребренника, влюбленного в свои камушки, древние кости, папки с записями народных песен и былин...

Высокий, атлетически сложенный, с неизменной трубкой во рту под пышными седыми усами, до глубокой старости не разучившийся удивляться и увлекаться, он был одним из тех милых, добрых, мудрых стариков, которых нельзя не любить и уважать.

Вероятно, не все родные и близкие С. И. Гуляева одобряли его «чужачества».

«Меня упрекают, – писал он незадолго до смерти своему родственнику и первому биографу И. Я. Словцову, – что я сижу за камушками... Они хотят отнять у меня то удовольствие, которое составляет потребность моей натуры, они желали бы, чтобы я, попав в чиновничью колею, погрузился бы в ней, как улитка в раковину... Забавно бы вам (было бы) слышать, наверно, от кого-нибудь укоризны за то, что вы занимаетесь, кроме службы, разными науками. Да без этого жизнь человека мыслящего была бы тягостью!...»

И в преклонные годы рабочий день С. И. Гуляева начинался в 6 часов, а заканчивался в полночь и позже. Годы, казалось, не старили этого здоровяка, только ноги в последнее время стали подводить, пришлось обзавестись палочкой. Утром он копался в огороде или в саду, потом шагал на службу. Служил до последнего дня, ибо

пенсии не хватало. Ну а вечером – семья, друзья, заезжие гости, писание статей и писем. Только за барнаульский период их (писем) зарегистрировано 2870!

Похоже, человек, не одно десятилетие управлявший «золотым столом» и до последнего дня служивший, уже находясь на пенсии, не имел и ста рублей на «черный день». Вот что писал он И. Я. Словцову незадолго до смерти:

«...Не знаю, что мне делать? Было три билета внутреннего займа, и те заложены. Любезная супруга настаивает, чтобы продал дом и купил другой, маленький. Предлагать подобные советы легко, но как исполнять? Да и дом-то стоит 800 рублей, не больше...»

Забежим вперед.

После смерти Степана Ивановича, вдова его Александра Филипповна, обращаясь в управление округа за пособием, писала, что муж ей «ничего не оставил, кроме скромной пенсии, полуразрушенного дома, долгов и честного имени».

Наверное, не случайно и первый биограф С. И. Гуляева И. Я. Словцов эпиграфом для своей работы «Степан Иванович Гуляев. Библиографический очерк», изданной в Омске в 1891 г., избрал автоэпитафию известного русского поэта XVIII в. И. И. Хемницера: «Жил честно, целый век трудился и умер наг, как наг родился».

14 мая 1888 г. С. И. Гуляев, уже безнадежно больной (у него был отек легких), получил письмо от вице-председателя Императорского Русского географического общества П. П. Семенова-Тян-Шанского с просьбой принять участие в работе Этнографического отдела Общества.

– Вот, – слабым голосом похвалился Степан Иванович родным. – Приятное письмо получил... Видно, не забыли меня... Но поздно...

К вечеру его не стало...

На могиле его, стараниями родственников, был установлен оригинальный памятник: каменный земной шар на массивной четырехгранной тумбе, к шару как бы прислонена каменная же раскрытая книга. На памятнике – надпись: «Тот достаточно потрудился, кто честно искал истину»; на книге – выдержка из 127-го псалма: «Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его».

Могилы С. И. Гуляева, как и все Нагорное кладбище, была варварски уничтожена в середине 20-х гг. теперь уже прошлого века,

а памятник вместе с другими надгробиями людей, составляющих славу и гордость Алтая, раздроблен и крошка использована для мощения улиц...

Сохранилась лишь фотография памятника.

Именем С. И. Гуляева была названа небольшая окраинная улочка (быв. Иванов Лог) близ Знаменской церкви (ныне – женский монастырь). Но и она исчезла после застройки того района.

Но Степан Иванович Гуляев не забыт и не мог быть забыт, для того он «достаточно потрудился» на благо родного края. Всех его занятий и увлечений глазом не охватишь, но главная его заслуга, по общему признанию – русская фольклористика Сибири. При жизни он не смог опубликовать в полном объеме собранный им материал. Лишь небольшие подборки фольклорных текстов появились в дореволюционных изданиях и периодике.

Только в 1952 г. в Новосибирске были изданы «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева». А в 1988 г. в Барнауле вышло второе, дополненное издание под названием «Былины и песни Алтая. Из собрания С. И. Гуляева» (составитель и автор предисловия – новосибирский историк Юрий Львович Троицкий).

Но и это издание – далеко не полное. Не собрано до 150 его статей и заметок, в основном краеведческих. Немалый научный интерес представляет и его богатое эпистолярное наследие. Это подтверждается небольшой подборкой писем, включенных Ю. Л. Троицким в барнаульское издание. Недостаточно еще, как я полагаю, изучен и богатейший архивный фонд С. И. и Н. С. Гуляевых.

Историк, этнограф, фольклорист, изобретатель, подлинный подвижник по своей натуре Степан Иванович Гуляев – одна из самых ярких фигур среди алтайских краеведов.

2. СЫН

Николай Степанович Гуляев родился в 1851 г. в Санкт-Петербурге, где служил в то время отец. В восьмилетнем возрасте с родителями переехал в Барнаул. Здесь окончил окружное училище, затем Томскую гимназию (1871) и поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда в 1873 г. был отчислен «как пробывший два года на первом курсе и переводного экзамена не выдержавший». Поступил в Казанский университет,

но и оттуда в 1875 г. был исключен с 1-го курса «за невзнос платы за слушание лекций».

В некоторых публикациях причиной увольнения Н. С. Гуляева из обоих университетов называется якобы его участие в революционных кружках, но документами это не подтверждается.

Не сумев получить высшего образования, Николай Гуляев около двух лет провел за границей; в Германии слушал лекции по философии, в Швейцарии – по горному делу.

Вернувшись в Россию, служил агентом в пароходстве «Курбатов и Игнатов», десятником на строительстве железной дороги (в Тюмени), затем на той же должности – на строительстве Обь-Енисейского канала.

В 1881 г. по просьбе отца вернулся в Барнаул, стал заведовать принадлежавшей ему типографией.

Под влиянием отца, пользуясь его богатой библиотекой, увлекся изучением истории Алтая и Сибири, приобщился к археологическим раскопкам.

После смерти отца (1888) стал владельцем всего им собранного. Как и отец, охотно помогал другим исследователям имеющимися у него материалами. Однажды это привело к конфликту.

В 1890 г. в Томске вышел историко-статистический сборник «Алтай». Он донныне пользуется завидным спросом у исследователей и вполне достоин того. Составителем и редактором сборника был проживавший в Барнауле ссыльный народник Петр Александрович Голубев (1855–1912), выпускник Казанского университета, директор гимназии из Оренбургской губернии. Он же является и автором аж 19-ти статей по самым разным вопросам истории Алтая. Назову лишь некоторые: «Ликвидация горного дела на Алтае», «Народное образование», «Землевладение на Алтае», «Очерки сибирской жизни и положения переселенцев на Алтае». Все статьи – отнюдь не дилетантские.

Когда я познакомился с биографией П. А. Голубева, то невольно удивился: когда он успел набраться столь глубоких знаний об Алтае?

Посудите сами. В июле 1887 г. П. А. Голубев был сослан на три года под гласный надзор полиции в село Алтайское (ныне рабочий поселок, райцентр). 12 сентября 1889 г. переехал на жительство в Барнаул. А уже в 1890 г. издал сборник «Алтай», успел написать для

него 19 полноценных статей да еще составить и отредактировать сборник объемом в 436 страниц! Как ни считайте, полгода не наберется на все про все. Не мог Голубев, будь он хоть семи пядей во лбу, к тому же впервые оказавшись на Алтае, проделать такую работу за столь короткий срок! Кто-то хорошо ему помог.

Теперь я знаю, кто: Николай Степанович Гуляев.

Обращаясь к нему за материалами, П. А. Голубев, по всей вероятности, пообещал поместить в сборнике большой биографический очерк о С. И. Гуляеве с его портретом и сборник посвятить ему же. Но в ходе работы он вынужден был «по недостатку места поместить лишь краткий очерк его деятельности».

В ответ Н. С. Гуляев отобрал у него бумаги отца. Однако П. А. Голубев успел, очевидно, сделать из них подробные выписки, а потом использовать их при написании своих статей. Ничем другим объяснить случившееся не могу.

Была еще одна причина для размолвки у этих уважаемых людей. Послушаем П. А. Голубева: «...Произошло это от того, что я не мог согласиться печатать настоящий сборник в его типографии, где для этого было недостаточно ни шрифта, ни станков, ни рабочих. Личная обида за свою типографию заслонила у Гуляева даже память о дорогом покойнике. Отбирая у меня бумаги, он воспрещал не только пользоваться ими, на что имел право, но не желал даже чтобы настоящий сборник был посвящен памяти его отца и чтобы в книге были портрет и биография покойного. Уступая его законным требованиям относительно неизданных материалов С. И. Гуляева, мы однако не можем исполнить остальные его претензии, о которых со временем, вероятно, пожалеет и сам не в меру обиженный сын покойного...»

Биографический очерк о С. И. Гуляеве, пусть краткий, П. А. Голубев все же поместил в сборнике, портрет – тоже, но от посвящения сборника С. И. Гуляеву вынужден был отказаться.

2

27 октября 1891 г. Н. С. Гуляев, как уже говорилось, был избран членом-учредителем созданного по инициативе С. П. Швецова Общества любителей исследования Алтая и на том же собрании – кандидатом в члены Совета Общества. Это, без сомнения, означало признание его заслуг как знатока истории Алтая и Сибири.

А ведь он к тому времени еще не был архивариусом Главного управления округа, а заведовал, вместо умершего брата Александра, типографией, принадлежавшей отцу.

18 апреля 1892 г. он впервые выступил на собрании членов Общества с сообщением о наводнении в Барнауле, случившемся в мае 1793 г. Был введен в состав редакционного совета по отбору материалов для первого номера «Алтайского сборника».

В 1895 г. начальником округа В. К. Болдыревым он был приглашен для приведения в порядок архива, а через год назначен архивариусом округа, стал, можно сказать, «хозяином» богатейшего собрания документов по истории Алтая, доступ к которым для исследователей был в то время закрыт. Это определило всю его дальнейшую судьбу. Он оказался не из той, впрочем, тоже вполне уважаемой категории архивистов, которые без труда найдут вам любое «дело», но что в том «деле», их нимало не интересует. Николая Степановича интересовало!

В одном из отчетов Общества говорится, что он в течение нескольких лет безвозмездно извлекал из архивных документов исторические сведения о переселенческом движении. Лишь в 1900 г. Советом Общества ему было ассигновано 25 руб. исключительно на переписку. Найденные им сведения имели «исключительную ценность как совершенно неизвестные в литературе по этому вопросу».

О том же позднее говорилось в некрологе: «Разбирая дела, Н. С. Гуляев «извлекал из них огромный и богатый материал в виде выдержек по горному делу, инородческому вопросу и общей истории Алтайского края».

С сообщениями о своих находках Н. С. Гуляев неоднократно выступал на собраниях членов Общества. Вот лишь некоторые из этих выступлений:

«К истории колонизации Сибири в начале XVIII века» (1898);

«Об условиях первоначального заселения Сибири» (1900);

«Исторические данные по исследованию Телецкого озера» (1901).

Увлечен он и археологией. 25 марта 1900 г. на собрании членов Общества выступил с сообщением «О курганах в Алтайском округе и городище, открытом вблизи деревни Большереченской». Ранее не раз побывал на этом городище, нашел там несколько предметов

эпохи переходного периода от бронзового к раннему железному веку: два бронзовых ножа, шесть костяных наконечников стрел, железный топор. Находки передал в музей.

В 1902 г. Н. С. Гуляев совместно с П. А. Ивачевым написал книгу «Колыванская шлифовальная фабрика». Она издана в Барнауле. В 1917 г. по заказу Алтайской горной думы написал совместно с П. Е. Семьяновым статью «Алтайские инородцы». Дума была образована в июле 1917 г. на прошедшем в Бийске съезде представителей инородческих волостей Горного Алтая. Председателем ее был избран художник Г. И. Гуркин.

В 1902 г. Общество любителей исследования Алтая было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Подотделу стали ежегодно выделять 500 руб. субсидии (сумма по тем временам немалая). Это позволило подотделу в том же году организовать две научных экспедиции: в Горный Алтай (В. И. Верещагин) и в верховья Чарыша (орнитолог П. М. Залесский).

После того как заводы и рудники на Алтае были закрыты и округ перестал называться горным (1896), возникла опасность, что библиотека и музей, принадлежавшие горному ведомству, останутся бесхозными. В библиотеке насчитывалось к тому времени около 28 тысяч томов на русском, немецком, английском, французском и латинском языках. Это была первая в Сибири и одна из крупнейших в России технических библиотек. Впрочем, кроме технической, там было немало художественной, педагогической и другой литературы. Упадок, а затем свертывание горнозаводского производства отразились и на судьбе библиотеки. Она перестала пополняться новыми изданиями, ослаб контроль за учетом и сохранностью книг. Не лучше обстояло дело и с музеем.

В связи с этим Совет Общества 16 октября 1897 г. возбудил ходатайство перед Кабинетом о передаче библиотеки и музея в ведение Общества. Но Кабинет согласия не дал. 28 мая 1911 г. ходатайство было повторено. Его поддержал начальник округа В. П. Михайлов. На сей раз оно было удовлетворено с условием, что библиотекой и музеем будут беспрепятственно пользоваться чины округа.

Это была радостная новость. Но встал вопрос: где их разместить?

И Совет, по поручению общего собрания, вновь обращается в Кабинет с такой просьбой: передать им здание упраздненной химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея, открытых для публики.

И опять удача! 20 июля 1913 г. последовало «Высочайшее соизволение» императора Николая II на предоставление подотделу здания бывшей химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея и о присвоении им такого названия:

«Музей и библиотека, учрежденные
Алтайским подотделом Западно-Сибирского
отдела Императорского Русского
Географического общества в 1913 году,
в ознаменование 300-летия
царствования Дома Романовых».

Вместе со зданием химической лаборатории подотделу был передан участок земли в 300 квадратных сажен и 5000 руб. на ремонт и реконструкцию здания.

Это был поистине царский подарок!..

Но началась война с Германией. В армию была призвана значительная часть сотрудников подотдела. За ней грянули Февральская и Октябрьская революции 1917 г., породившие братоубийственную гражданскую войну. Старый «мир насилья», как поется в песне, был разрушен «до основанья», новый мир рождался в обстановке небывалой разрухи всего и вся, невиданных лишений и героического трудового порыва людей, поверивших, под влиянием большевистской пропаганды, в близкую реальность «светлого будущего», в котором «кто был никем – тот станет всем».

Не просто, ох, не просто было выжить подотделу в те грозные годы! Главная беда заключалась в отсутствии средств на самое необходимое.

Неоднократно выручал Культпросветсоюз Алтайского края. Вступив коллективным членом в подотдел, он уплатил сразу три тысячи рублей вступительного взноса. И это был не последний его вклад (подробнее о деятельности Культпросветсоюза рассказано в главе «Есть такой музей!»).

Вернемся к прежнему разговору. Несмотря на все трудности, музей был, наконец, открыт для публики в октябре 1918 г.

С библиотекой дело оказалось сложнее. С разборкой книг, а их теперь насчитывалось до 40 тысяч томов, до восстановления

советской власти в Барнауле закончить не успели. А после ее восстановления (декабрь 1919 г.) губревком с ходу принялся национализировать все и вся. Не забыл про музей и библиотеку. Библиотеку национализировали по-варварски, иначе не скажешь. Часть книг, уже разобранных как полагается, сняли с полок, перенесли через дорогу в губархив и свалили на пол в неотопляемом помещении, другую часть перетащили в амбар музея и там тоже свалили как попало. Забегая вперед, скажу, что в амбаре книги пролежали около трех лет, за это время было похищено девять тысяч томов.

Вся кропотливая работа по разборке библиотеки пошла насмарку!..

Лишь в июле 1923 г. многострадальная библиотека (она стала называться научно-исторической) была, наконец, открыта.

Но недолг был ее век.

В марте 1926 г. по распоряжению Сибкрайисполкома 1000 (тысяча) томов была передана в Новосибирск, а в 1928 г. оставшаяся часть туда же – Обществу исследования Сибири и ее производительных сил. Но в 1931 г. это Общество было ликвидировано, а его руководители репрессированы как «враги народа».

Ныне остатки библиотеки можно увидеть в Государственной публичной научно-технической библиотеке (ГПНТБ) Сибирского отделения Академии наук Российской Федерации, Новосибирской областной библиотеке, Новосибирском государственном медицинском университете. Остались какие-то крохи и в Барнауле – краеведческом музее, краевом госархиве, краевой библиотеке им. В. Я. Шишкова.

3

Судя по документам, Николай Степанович Гуляев в последние годы жизни сильно бедствовал. Он неоднократно обращался в Главное управление округа с просьбами о пособии или ссуде. Так, в октябре 1913 г. попросил ссуду в размере 600 рублей с рассрочкою на три года на ремонт дома.

3 января 1914 г. Н. С. Гуляев обращается с новым прошением: «Ввиду болезни сына Вадима⁴, учащегося в Москве, я крайне

⁴ Гуляев Вадим Николаевич (1890–1943), живописец, график. В 1907–1911 гг. окончил Казанскую художественную школу; в 1912–1913 гг. учился в Москве, в

нуждаюсь в деньгах как на лечение, так и на возвращение его в Барнаул».

Ему было выдано 150 рублей.

В том же году он просит пособие в связи со смертью жены: «Нахожусь в крайне стесненном материальном положении...»

В июле 1915 г. Н. С. Гуляев заболевает сам. Врач А. И. Смирнов⁵ ставит ему такой диагноз: «Страдает хроническим давнишним поражением суставов и мышц ревматико-подагрического характера».

И вновь – прошение начальнику округа: «По совету врачей мне необходимо использовать курс лечения Белокурихинскими минеральными водами. Я настолько болен и слаб, что нуждаюсь в постоянном уходе, что во время поездки на минеральные ключи вызовет исключительные расходы. Не имея никаких сбережений, я не могу совершить поездку и вынужден просить Ваше Превосходительство разрешить мне соответствующее пособие и месячный отпуск».

То и другое было ему предоставлено.

В декабре 1917 г. на Алтае, как известно, была установлена советская власть. 30 мая 1918 г. постановлением губсовдепа Н. С. Гуляев был уволен с должности архивариуса, уволен, по всей вероятности, как царский чиновник. Больше он перед новой властью ничем не провинился. Но уже в мае 1918 г. в Сибири произошел контрреволюционный переворот, советская власть пала. 11 июля 1918 г. руководство Управления земледелия и государственных имуществ Республики (созданного еще Временным Правительством вместо Главного управления Алтайского округа) предложило Н. С. Гуляеву занять прежний пост, но при этом предупредило, что если он по болезни или другой причине сразу не приступит к работе, то «на должности архивариуса остаться не может».

Оскорбленный таким предупреждением, Н. С. Гуляев пишет начальнику управления Л. Л. Маслову:

«Выйти на службу в настоящее время я абсолютно не могу без

художественной студии Н. И. Машикова. После 1917 г. жил в Барнауле, активно участвовал в деятельности Алтайского художественного объединения (АХО), был в числе учредителей общества «Новая Сибирь» (Новосибирск). С 1926 г. жил и работал в Ташкенте. В 1943 г. погиб на фронте Великой Отечественной войны. Творческое наследие практически не сохранилось.

⁵ Смирнов Александр Иванович (1868–1937), известный барнаульский врач. 15 ноября 1937 г. арестован органами НКВД и 8 декабря расстрелян. Полностью реабилитирован в 1956 г.

явного ущерба для своего здоровья. Я перенес тяжелую форму инфлюэнции (гриппа – *В. Г.*), которая совершенно истощила меня. Я чрезвычайно слаб и лежу в постели. По отзыву врача А. И. Смирнова, я смогу выйти на служебные занятия не ранее истечения шести недель с сего дня. Неужели я, старый и честный архивариус, не имею права болеть? Ведь это право не было отнято даже при самодержавном строе. Я служу в округе около 25 лет. За все это время ни разу не пользовался продолжительным отпуском, если не считать мелких, которые брал по болезни.

Приведение в исполнение этой угрозы будет равносильно моему смертному приговору. Ведь я так же, как и прочие, хочу есть. Мой служебный заработок является моим единственным жизненным ресурсом. Дети мои помочь мне не могут. Один сын в плену у немцев (Сергей – *В. Г.*), а другой – на фронте (Вадим – *В. Г.*). Оба они в настоящее время нуждаются в моей материальной поддержке. Поэтому я еще раз прошу отнестись ко мне, к моей старости, моей болезни, к моим прежним заслугам, к моему бедственному и беспомощному положению с особенным вниманием и сочувствием.

2/15 июля 1918 г.»

Согласитесь: не прошение, а крик души!

Из медицинского свидетельства врача А. И. Смирнова от 14 июля 1918 г.:

«После перенесенной инфлюэнцы, осложнившейся расстройством желудочно-кишечного аппарата и повлекшим за собой истощение сил и общую слабость организма, к работе может приступить не ранее шести недель».

Наверное, в эту тяжелую пору, в предчувствии близкого конца, в горьких раздумьях о материальной необеспеченности детей и пришла ему в голову мысль продать недавно образованной Каракорум-Алтайской уездной земской управе свое единственное богатство, накопленное вместе с отцом за долгую жизнь – библиотеку и коллекции.

Н. С. Гуляев был в дружеских отношениях с председателем управы художником Г. И. Гуркиным, горячо приветствовал его искреннее стремление вывести свой народ из вековой темноты. Управа намеревалась открыть, помимо существующих, 13 новых школ-интернатов, три обычных школы, две гимназии (в Улале и

Онгудае), несколько вечерних школ для взрослых, а в селах – избы-читальни, библиотеки, культпросветкружки и т. д.

Еще в октябре 1917 г. Н. С. Гуляев получил приглашение возглавить намеченную к открытию «историко-справочную библиотеку», главным образом по инородческому вопросу. Он дал согласие, тем более, что основой библиотеки должно было стать их с отцом собрание книг. Пусть они послужат людям, потянувшимся к свету, знаниям. А ему и детям это поможет пережить трудные времена.

Переговоры о продаже библиотеки и коллекций начались не раньше августа 1918 г. К Гуляеву приехал заведующий отделом народного образования управы Борис Федорович Добрынин, приват-доцент⁶ Московского университета, занесенный в Горный Алтай водоворотом гражданской войны. Он осмотрел библиотеку, отобрал для себя 36 книг и тут же заплатил за них 400 руб.

Николай Степанович был уже очень плох: не вставал с постели, забывал о том, что говорил вчера, даже засыпал иногда на полуслове. Поэтому переговоры с представителями управы взялась вести его дочь Антонина Николаевна (по мужу – Ветринская). Они продолжались и после смерти Николая Степановича, наступившей 30 ноября 1918 г.

Не стану утомлять читателя их подробностями. Скажу лишь, что завершились они 3 января 1919 г. подписанием акта, согласно которому управе были проданы: библиотека – 1311 томов и коллекции (в акте названы музеем) за 25 тыс. руб. Управа была далеко не богата и выплатить эту сумму обязалась с рассрочкою в три года: 5 тыс. сразу, еще 5 тыс. – к марту 1919 г., остальные – частями по 3 тыс.: 31 декабря 1919 г., 1 июня и 31 декабря 1920 г., 1 июня и 31 декабря 1921 г.

Надеюсь, читатель, немного знакомый с событиями 1919 г. на Алтае, сам догадался, что последние 15 тыс. руб. дети Гуляева не получили: не у кого стало их получать...

В акте специально было оговорено, что библиотека и музей будут носить имена их основателей – отца и сына Гуляевых.

Не сбылись планы Григория Гуркина и Николая Гуляева. А планы, согласитесь, были прекрасные!..

⁶ В высших учебных заведениях до революции – нештатный преподаватель, равный по званию доценту. Доцент – ученое звание преподавателя высшего учебного заведения: ниже профессора, но выше ассистента.

Вот что говорится о судьбе библиотеки и «музея» Гуляевых в отчете Ойротского областного краеведческого музея за 1948 г.: «...После перевозки их из Барнаула в Улалу они лежали в ящиках неразобранными до 1920 г. в помещении музея. За это время из библиотеки было изъято 200 книг приват-доцентом Добрыниным (уж говорили бы: украдено – *В. Г.*) и 80 книг отправлено в Чемал для педагогических курсов, которые в музей больше не возвращались».

В 1920 г. музей и библиотека были перевезены в Чемал, где были развернуты только палеонтологическая и энтомологическая коллекции без библиотеки.

Весной 1921 г. по распоряжению Барнаульского (Алтайского – *В. Г.*) губоно рукописи Гуляевых в количестве шести пудов были увезены из музея в Барнаульский архив, а часть библиотеки, пригодная для школ, передана в Чемальскую школу.

Осенью того же года, по распоряжению Горно-Алтайского отдела народного образования, музей в коробах был перевезен в село Алтайское и совершенно беспризорным свален в одной из комнат Народного дома. Публика Народного дома имела бесконтрольный доступ в хранилище и брала вещи и книги.

Осенью 1923 г. музей снова был перевезен в Улалу и после кратковременного существования опять свернут, а осенью 1924 г. перевезен в помещение храма бывшего женского монастыря в восьми километрах от Уалалы (Кызыл-Озек).

В 1924 г. музей пополнился этнографическими коллекциями Чемальской школы, собранными преподавателями А. В. Анохиным и И. Я. Бобрак. В начале 1925 г. музей был закрыт и сложен в комнате сборного военного пункта для допризывников, где снова подвергался расхищению. Летом 1926 г. музей и библиотека были снова перевезены в Улалу и сложены в амбаре облоно. Осмотр их специальной комиссией установил, что от бывшего музея и библиотеки осталось не более одной трети. Подавляющее большинство вышеуказанных коллекций из оставшихся, а также отдельные экспонаты были разрушены, описи от них утеряны, вследствие чего они потеряли свою научную ценность.

Богатые библиотека и архив, также приобретенные у Н. С. Гуляева, оказались расхищенными. Остатки всего этого валялись в беспорядке, сваленные в кучу в одном из амбаров.

И только с первой половины 1927 г. Ойротскому музею было предоставлено постоянное помещение в Улале, где и были

расположены жалкие остатки некогда ценных коллекций библиотеки и архивных материалов...»

Узнай обо всем этом Степан Иванович и Николай Степанович Гуляевы, наверное, в гробу бы перевернулись!..

В октябре 1928 г. директор Горно-Алтайского музея Н. Арбузова обратилась к вернувшемуся из Тувы Г. И. Гуркину с просьбой дать опись коллекций, архива и библиотеки, приобретенных у Н. С. Гуляева, так как коллекции беспаспортны. Ответа не последовало. Вряд ли после разорения дома в Аносе, шестилетних скитаний по Монголии и Туве у Гуркина что-либо сохранилось. Нетрудно представить, что и для него все случившееся с библиотекой и коллекциями Гуляевых, было тяжким ударом...

В начале 80-х годов (теперь уже прошлого века) Ю. Л. Троицкому удалось найти лишь 48 книг в Горно-Алтайской областной (ныне республиканской) библиотеке, принадлежавших ранее Гуляевым.

«СТАТИСТИКА СИЛЬНЕЕ ДИНАМИТА!»

Сергей Порфирьевич Швецов родился 13 февраля (ст. ст.) 1858 г. в Курске, в семье исправника (начальника уездной полиции), дворянина. Учился в Архангельской гимназии и Петербургском учительском институте, но курса нигде не окончил.

17-летним юношей вступил в народнический кружок и вскоре, набив сумку нелегальными брошюрами, отправился в «народ». В 1876 г. он был арестован и около двух лет провел в Метехском тюремном замке (Тбилиси). В 1879 г. вновь арестован и приговорен к лишению всех прав состояния и каторжным работам, но каторгу ему заменили бессрочной ссылкой. Отбывал ее в Череповце, Вышневолоцке, затем в сибирских городах Сургуте, Таре, Тюкалинске, Ялуторовске. В июле 1888 г., получив разрешение на свободное передвижение по Сибири, переехал в Барнаул.

Еще в тюрьме ему попала в руки брошюра со статистическими исследованиями крестьянского хозяйства Московской губернии. Она произвела на него такое впечатление, что он решил посвятить жизнь земской статистике, увидев в ней лучшую форму борьбы с самодержавием. Статистика сильнее динамита!..

Первый подступ к этому он сделал еще в Сургуте и Тюкалинске, а едва представилась возможность – перебрался в Барнаул: здесь были лучшие условия для изучения крестьянской общины.

Поступив на работу в Земельный архив Главного управления Алтайского горного округа, Швецов за два года собрал обширный материал и опубликовал его в двух монографиях: «Формы общинного владения на Алтае» (1893) и «Формы общинного землепользования на Алтае» (1894), изданных в Московском университете.

В последующие годы он перешел от архивных изысканий к непосредственному изучению крестьянской общины и общины туземных племен. В этом ему активно помогала жена Мария Васильевна Швецова-Лаврова, тоже политссыльная, а также политссыльные (в основном народники) Н. Б. Шер, П. А. Голубев, И. Е. Овсянкин, Н. М. Зобнин и др.

Нашлись и другие помощники. С. П. Швецов выступил с предложением объединить усилия интеллигенции, в том числе политссыльных, для исследования природных богатств Алтая, условий жизни старожилов и переселенцев. Инициативу поддержал начальник округа Н. И. Журин.

Так возникло «Общество любителей исследования Алтая». 27 октября (9 ноября) 1891 г. состоялось его учредительное заседание. На нем присутствовало 32 человека. Был принят устав, избран Совет. Почетным председателем стал начальник округа Н. И. Журин, активно способствовавший становлению Общества, председателем – врач, исследователь природы Алтая Ф. Е. Засс, членами-учредителями: С. П. Швецов, будущий архивариус округа Н. С. Гуляев, медицинский инспектор округа А. И. Недзвецкий, В. К. Штильке.

Цели «Общества» уставом были определены так:

- а) собирать материалы для всестороннего изучения Алтая;
- б) по мере возможности обрабатывать их и распространять.

«Общество» начало свою деятельность с того, что разработало «Краткую программу для собирания сведений о природе и населении Алтая» и разослало ее по округу, адресовав учителям, врачам, священникам, служащим волостных управ, то есть наиболее грамотным людям на селе. Программа содержала 21 вопрос, охватывавший все стороны жизни села и волости: состав населения, основные занятия, верования, обряды, обычаи, образование, здравоохранение и т. д. Откликнулись многие. Наиболее ценный материал был опубликован в первом номере «Алтайского сборника» (1894). Деньги на его издание, 703 руб., собрали по подписке.

26 марта 1895 г. силами Общества была проведена однодневная перепись населения Барнаула. Результаты опубликованы во 2-м номере «Алтайского сборника» (статистическая их обработка произведена С. П. Швецовым). По результатам переписи в Барнауле проживало 23064 человека, из них было неграмотных 68,9 процента

(мужчин – 52,6 и женщин – 76,7). Лиц со средним образованием насчитывалось 2,7 процента (299 человек), с высшим – 0,5 процента мужчин и 0,06 процента (7 человек) женщин, а с низшим – 27,6 процента барнаульцев.

Содержанием 3-го номера «Алтайского сборника» стали результаты обследования «со стороны экономической, санитарной и учебной» 114 сельских школ и всех барнаульских.

Накопив опыт, члены Общества решились на обследование переселенческих поселков. Начиная с 60-х гг. XIX в., крестьяне центральных губерний, гонимые малоземельем, шли и шли на Алтай, частью самовольно, на свой страх и риск, терпя неимоверные лишения. Местным и центральным властям было очень трудно управлять этим потоком, порою они не имели даже полных сведений об истинном положении дел. И вот 8–10 энтузиастов во главе со ссыльным народником Иваном Евграфовичем Овсянкиным при небольшой материальной поддержке начальника округа, Томского губернатора и Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам сумели за одно лето обследовать 133 переселенческих поселка, 20102 двора!

Огромный материал, обработанный опять же С. П. Швецовым, появился в 4-м (двухтомном) номере «Алтайского сборника».

Умели алтайские краеведы при малых возможностях вершить большие дела!..

В 1894 г. при Главном управлении Алтайского округа было создано статистическое бюро. Заведовать им начальник округа В. К. Болдырев пригласил известного публициста, исследователя Сибири Н. М. Ядринцева, но тот по приезде в Барнаул внезапно умер, даже не успев приступить к работе. Через 11 месяцев на эту должность прибыл Д. И. Зверев⁷, а все это время и позже

⁷ Зверев Дмитрий Иванович (1862–1924) родился в с. Сорокино (ныне г. Заринск), в крестьянской семье. По окончании Петербургского университета (1887) посвятил свою жизнь земской статистике, служил в Нижегородской, Полтавской губерниях, с 1895 г. – в Барнауле. Сотрудниками статбюро, при участии и под руководством Д. И. Зверева, написаны и изданы в 4-х томах «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Бийском уезде», а также 10 годовых сельскохозяйственных обзоров округа. Наряду с обязанностями заведующего статбюро, до 1916 г. безвозмездно заведовал Барнаульской метеостанцией, продолжил начатую Ф. Е. Зассом работу по расширению сети метеостанций на территории округа. Активно участвовал в работе Общества любителей исследования Алтая. После упразднения статбюро (1908) остался на скромной

фактически руководителем бюро был С. П. Швецов. Он возглавил статистические исследования частных заводов, Чуйского тракта и всего Горного Алтая. Так появились работы: «Положение труда на частных заводах Алтайского округа» (1897), «Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая» (1898) и трехтомная монография «Горный Алтай и его население» (1900–1902).

Всего С. П. Швецовым было опубликовано об Алтае 35 крупных работ и свыше 30 статей, охватывающих период с 1888 по 1905 г. К сожалению, лишь часть их можно найти в алтайских библиотеках, да и те давно стали библиографической редкостью. На Алтае он оставил добрую память о себе как один из лучших исследователей нашего края, прекрасный организатор краеведческой работы, плодовитый автор, успевавший сотрудничать в целом ряде газет, журналов, сборников.

Тут, пожалуй, нелишне будет сказать, что своими успехами он немало обязан поддержке начальников округа Н. И. Журина и сменившего его В. К. Болдырева. Жандармы называли Швецова «главарем всех поднадзорных в Барнауле», а они его защищали, ценили как незаурядного статистика, создавали ему условия для работы.

И не только ему. Благожелательно относились они и к другим ссыльным и поднадзорным, однако совсем не потому, что сочувствовали их политическим взглядам. Просто видели, что эти люди стремятся не к разрушительной, а к созидательной деятельности, почему бы их не использовать, тем более, что образованных людей в Барнауле и на Алтае ох как не хватало!..

Но мы забежали вперед. Плодотворная деятельность Общества любителей исследования Алтая тем более удивительна, что в первые девять лет оно не имело даже своего угла. Лишь в 1900 г. начальник округа А. Ф. Кублицкий-Пиоттух выделил им две комнатки в упраздненной химической лаборатории.

В марте 1902 г. Общество было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Русского географического

должности чиновника по обследованию земель.

С 1920 г. – в Томске, пом. заведующего губстатбюро.

С 1886 г., со студенческих лет, находился под негласным надзором полиции.

Отец известного писателя Максима Дмитриевича Зверева.

общества. Подотдел стал ежегодно получать субсидию 500 руб., что позволило организовать ряд научных экспедиций.

Заслуги С. П. Швецова деятельностью в этом Обществе не исчерпываются. Вместе с другими политссылными он активно участвовал в работе «Общества попечения о начальном образовании в Барнауле», о чем позже рассказал в статье «Культурное значение политической ссылки в Сибири» (журнал «Каторга и ссылка», 1928 г., № 3, 4, 10, 11).

Переехав в Томск, Швецов вернулся к политической деятельности – вступил в партию эсеров, ведал подпольной типографией, нелегальной газетой «Отголоски борьбы», был фактическим редактором другой газеты эсеров «Сибирский вестник».

Покинув в конце 1905 г. Сибирь, Швецов наряду с партийной работой продолжает заниматься статистикой. В 1916 г. он избирается на кафедру общей статистики Донских высших женских курсов в Новочеркасске, с 1918 г. руководит кафедрой кооперативной статистики в Петроградском кооперативном институте.

По списку эсеров был избран членом Учредительного собрания и, как старейший по возрасту, открыл его первое заседание, оказавшееся последним...

Наряду с преподавательской деятельностью Швецов каждый год, невзирая на возраст, отправляется в научные экспедиции на Белое море, в Вологодскую область, в Казахстан – всего не перечислить. И в старости он отличается поразительным трудолюбием. Швецов был почетным членом Русского географического общества, членом Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, Ленинградского общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Умер Сергей Порфирьевич Швецов в 1930 г. Похоронен в Ленинграде на Волковом кладбище (Литературные мостки).

МЕЧТА ХУДОЖНИКА ХУДЯШЕВА

Теперь его имя известно разве что искусствоведам, тем более, что из его творческого наследия сохранились лишь... названия нескольких картин.

Я не оговорился – не сами картины, а только их названия: «Эллада», «Гибель Атлантиды», «Персей и Андромаха», «Пир во время чумы», «Бой быков»... Да и те, как отмечается в некрологе, в большинстве своем остались незаконченными. «Постоянная неудовлетворенность своей работой отвлекала его от их заканчивания. В конце 1926 г. он прекратил работу над ними. Эти темы не удовлетворяли Худяшева, он находил их чуждыми современной жизни».

Что правда, то правда. Но коль не сумел чудака-художник послужить кистью победившему пролетариату, он попытался быть полезным в другом деле. Впрочем, обо всем по порядку.

Худяшев Александр Виссарионович родился 28 октября 1886 г. в Барнауле, в семье канцелярского служащего Главного управления Алтайского горного округа, выбившегося со временем в надворные советники (соответствует подполковнику). Художественное образование получил в Казанском художественном училище и частных студиях Москвы. Обучался не только живописи, но и скульптуре.

По окончании учебы (1909) стал учителем рисования в Томской женской гимназии. В августе 1912 г. организовал в городе выставку молодых художников и сам принял в ней участие. Его картина «Эллада» была признана одной из лучших.

В 1922 г. Худяшев переезжает в Барнаул и поступает учителем рисования в педагогический техникум. Художественная жизнь в нашем городе в то время, и даже раньше, состояла, если можно

так выразиться, из взлетов и падений. В начале 1918 г. здесь было создано Алтайское художественное общество (АХО). Оно преобразовало открытые несколько ранее художником Андреем Осиповичем Никулиным вечерние курсы рисования и живописи в художественную школу, открыло скромный музей искусств.

В январе 1920 г. вскоре после восстановления советской власти, школа и музей были национализированы и переданы в ведение губоно (губернского отдела народного образования).

Приобщение победившего пролетариата к культуре началось с большевистским размахом. Для художественной школы отвели просторный дом бывшего городского головы А. А. Лесневского, срок обучения (разумеется, бесплатного) был установлен в три года. Но принимали в нее, как и во все другие учебные заведения в те годы, прежде всего лиц пролетарского происхождения.

Музей искусств разместился в Дмитриевской церкви, закрытой в июне 1920 г., несмотря на протесты верующих. Основу его экспозиции составили полотна, ранее собранные барнаульскими художниками. До двухсот картин «выбил» в Москве (до Луначарского дошел) художник М. И. Курзин. В их числе оказались полотна выдающихся мастеров И. И. Машкова, Р. Р. Фалька, П. П. Кончаловского, В. В. Кандинского, произведения скульпторов С. Т. Коненкова, В. Н. Домогацкого.

Гордостью музея были картины Рубенса, Ван Дейка, Пуссена, А. П. Лосенко, М. И. Мягкова – остатки легендарных галерей бывшего начальника Колывано-Воскресенского горного округа Петра Козьмича Фролова.

Словом, музей получил на славу. Но в церкви он пробыл недолго. Она не отвечала условиям продолжительного хранения произведений живописи. Картины «подобрала» школа имени III Коминтерна. Часть их развесили по классам, остальные сложили в амбар. Наступивший НЭП с его неумолимым хозрасчетом и самокупаемостью еще поубавил века музейным собраниям. Их начали безбожно растаскивать.

В 1924 г. (по другим данным – в 1923) Барнаульский окружной отдел народного образования поручил Александру Худяшеву заняться поисками пропавших картин и восстановить музей.

Более полутора лет потратил Худяшев, но сумел собрать лишь половину картин – около 200 (по другим сведениям – 120). Они оказались даже у водовозов (подкладывали их под себя, чтобы не сидеть на мокром), у школьных сторожей и т. п.

Худяшев привел их в порядок, отремонтировал рамы, уточнил авторство. Всю эту работу проделал бескорыстно или, как теперь мы говорим, на общественных началах, живя на 30-рублевую зарплату учителя. Но у таких людей не все измеряется деньгами. Художник увлекся мечтой восстановить музей искусств в родном городе!..

Он успевал заниматься и краеведением. В феврале 1925 г. на 1-й губернской краеведческой конференции выступил с докладом об охране памятников старины. Намеревался сделать их описание, но не успел. В каких условиях приходилось ему жить и работать, видно из выступлений участников Сибирского съезда художников, состоявшегося в Новосибирске 5–6 января 1927 г.

Художник Борисов Алексей Николаевич, секретарь Алтайского общества работников искусств (РАБИС):

«...Художник-разовик голодает... С заказами дело доходило до абсурда. Художнику Худяшеву заказали портрет-плакат Ленина размером два с половиной на три с половиной метра.

Надо удивляться, как смог он его выполнить в своей низенькой комнате-клетушке. Но заказчику портрет не понравился, и он потребовал обратно задаток. Мы с трудом отстояли Худяшева.

Худяшев заведует картинной галереей или художественным музеем. У музея сначала было три комнаты, потом две отняли. Осталась одна, сырая, холодная, совершенно неотапливаемая. Картины в ней обречены на гибель. Свалены они на полу. Развесить их негде. Заведующий из фанатической любви к искусству пытается сохранить ценные картины, но поддержки не встречает. Жалованье ему не платится.

С памятниками старины у нас неблагополучно. Разломали, переделали на кинотеатр домовую церковь Демидова (Дмитриевскую – В. Г.). Церковь была взята на учет Главнаукой. Следовательно, попадала под действие декрета Совнаркома, по которому не только перестройка ее, но даже ремонт не мог быть произведен без разрешения Главнауки. С этим декретом ОМХ (отдел местного хозяйства – В. Г.) не посчитался и начал разлом. Мы всполошились. Тогда окружной отдел народного образования собрал комиссию из представителей от художников, своего представителя, архитектора Казакова и заведующего географическим (краеведческим – В. Г.) музеем. В комиссии нам предложили санкционировать уже начатую перестройку, мотивируя ее тем, что церковь все равно

развалилась бы. Мы это сделать отказались и из комиссии ушли. Церковь, конечно, перестроили, не посчитались ни с комиссией, ни с Главнаукой, ни с декретом Совнаркома. Так погиб памятник старины, имеющий уникальное значение. Иконы из этой церкви растащены были еще ранее...»

Архитектор Надольский Стефан Романович:

«Я знаю дом, где сложена барнаульская «картинная галерея». Дом старый, сырой, с одинарным полом. Картины там, конечно, заплесневеют и сгниют. В соседнем с музеем дворе, в кухне сторожки, на бочке с капустой я нашел торс девочки работы Домогацкого. Это произведение искусства употреблялось вместо пресса для капусты. Соль разъела гипс, торс был испорчен. Все же я его передал куда следует. Там же, на помойке, было найдено дерево Коненкова».

Интересные факты привел в своем выступлении писатель Владимир Зазубрин, побывавший в Барнауле в 1926 г. проездом в Монголию. В краеведческом музее он увидел, по его словам, «нелепую антихудожественную картину», изображающую расстрел крестьянина белыми. Заведующий музеем сказал, что у него есть предписание губкома партии хранить эту «картину» в сухом и видном месте.

«Трогательные заботы губкома, – иронизировал Зазубрин, – о помещении одних картин в сухие и видные места и полное забвение других уживаются в этом сибирском «Париже» (так он называет Барнаул – В. Г.).

И дальше продолжает: «Надо решительно бороться с нашей художественной неграмотностью. Барнаул в этом отношении, в отношении «непротивления неграмотности», пожалуй, побил рекорд. Барнаульское горно в газете «Красный Алтай», например, не так давно опубликовало объявление, в котором предлагало купить у него на сплав кержацкие медные иконы-складни. Иконы эти из коллекций музея, они имеют историческую ценность. Это объявление не нуждается в пояснениях. Оно говорит само за себя...»

Согласитесь, что приведенные факты, бедственное положение художников и многострадального музея искусств одной лишь бедностью, нехваткой средств не объяснишь. И, наверное, не случайно в середине 20-х гг. (теперь уже прошлого века) Барнаул покинули художники М. И. Курзин, А. О. Никулин, Е. Л. Коровай,

В. В. Карев, С. Р. и Н. А. Надольские, В. Н. Гуляев, В. М. Макаров. Остались единицы, в их числе А. Н. Борисов и А. В. Худяшев.

Пережитые лишения рано подорвали здоровье Александра Виссарионовича Худяшева. 19 августа 1927 г., после тяжелой и продолжительной болезни, он скончался. Похоронен на Нагорном кладбище...

13 февраля 1929 г., почти через два года после его смерти, в газете «Красный Алтай» появилась статья А. Н. Борисова под кричащим заголовком «Художественные картины валяются в амбаре». В ней говорится, что собранные Худяшевым картины передали в Коммунистический клуб, но через год они оказались снова в школе имени III-го Коминтерна.

«Сейчас, – пишет А. Н. Борисов, – картины находятся в амбаре, а часть растащена по кабинетам школы...»

Борисов обратился к новому составу горсовета с просьбой «поставить в план работы вопрос о предоставлении специального помещения для развески и хранения картин как культурного достояния города. Нужно, чтобы картины были предоставлены в распоряжение широких народных масс».

Просьба его не была услышана. Лишь 30 лет спустя, 6-го марта 1959 г., в небольшом помещении на проспекте Ленина, 58, был открыт краевой музей изобразительных искусств (с 1993 г. – Государственный художественный). Вот лишь когда сбылась мечта Александра Худяшева, да и всех, разумеется, алтайских художников!..

СТРАХ

В начале сентября 1929 г. в Барнаул прибыл профессор Берлинской сельскохозяйственной академии, он же атташе по вопросам сельского хозяйства при германском посольстве в Москве господин Отто Эрнст Аухаген. Встретить необычного гостя председатель окрисполкома Камбалин поручил экономисту-консультанту городской плановой комиссии Павлу Михайловичу Юхневу. Юхнев до революции заведовал землеустройством Алтайского округа, имел чин статского советника (соответствует полковнику), и такая задача, рассудил Камбалин, ему больше по плечу, чем какому-нибудь малограмотному выдвиженцу пролетарского происхождения.

Юхнев родился в 1871 г. в г. Ишиме Тобольской губернии, в семье мещанина. Рано лишился отца. На скромные средства старшей сестры-учительницы окончил Петербургский лесной институт (1894) и с тех пор почти безвыездно служил в Алтайском округе, пройдя до революции путь от рядового таксатора до заведующего землеустройством округа.

Любопытная деталь: с 1893 г., со студенческих лет, он состоял под негласным наблюдением полиции как «политически неблагонадежный». И в революцию 1905 г., по свидетельству видного участника барнаульского большевистского подполья Лолия Решетникова, «оказывал всяческое содействие подпольным работникам». И это не мешало ему успешно продвигаться по службе, получать чины, ордена. Да-ле-ко было царю до Сталина!..

Впрочем, ни в какой политической партии П. М. Юхнев никогда не состоял. Позже в собственноручных показаниях писал, что даже в 1917 г. «не примкнул ни к какой партии. Ближе стоял к эсерам,

как приемникам народовольчества, в свое время оказавшим на меня влияние. Но в партии не был, а прислушавшись к бесплодным разговорам, которые, в сущности, составляли все содержание этой партии, резко отошел от всякого общения с ее представителями».

При Колчаке Юхнев служил секретарем губземуправы, заведующим переселенческим управлением. В 1920 г., после восстановления советской власти, назначен заведующим губземотделом, но вскоре, как «социально-чуждый», понижен до члена коллегии. В этом качестве проделал большую работу по организации первых при советской власти межрайонных сельскохозяйственных выставок (1922–1923), затем возглавил Алтайский отдел Всероссийской сельскохозяйственной выставки в Москве.

В 1925–1928 гг. заведовал сельскохозяйственной секцией Сибплана и проживал в Новосибирске. В 1929 г., вернувшись в Барнаул, стал экономистом-консультантом в горплане.

И по знаниям, и по опыту работы он намного превосходил своих коллег, в том числе начальников, но у тех перед ним было два неоспоримых по тем временам преимуществ: пролетарское происхождение и партийный билет. Юхнев попал в разряд «социально-чуждых» как бывший крупный царский чиновник, несмотря на свое пролетарское, в сущности, происхождение (сын мещанина).

Каких только унижительных ограничений тогда не придумывали для «социально-чуждых», для «бывших людей»⁸! По размерам продпайка они были приравнены к ...детям одного-трех лет: 12 фунтов муки в месяц. Рабочие получали до 36 фунтов.

Детей «социально-чуждых» принимали в школу лишь при наличии свободных мест и за самую высокую плату, а в высшие учебные заведения удавалось пробиться лишь единицам. «Бывшим людям» фактически запрещалось предоставление квартир в казенных домах. Лишь смерть уравнивала их в правах со всеми: для каждого умершего, независимо от классовой принадлежности, предоставлялась бесплатно могила, лошадь и гроб...

⁸ Подробнее об этом см. в главе «С природой одною он жизнью дышал...». С. 69.

Нам теперь даже представить трудно, как обидно и больно было переносить все это, особенно тем, кто как Юхнев, трудился честно и добросовестно.

2

Павел Михайлович Юхнев был одним из видных алтайских краеведов. Еще в 1896 г. на собрании Общества любителей исследования Алтая он сделал сообщение «Крестьянское лесное хозяйство». В соавторстве с С. П. Швецовым им подготовлены и изданы статистическим отделом округа «Материалы по исследованию крестьянского и инородческого хозяйства в Томском округе» (два выпуска – 1898, 1900); «Горный Алтай и его население» (три выпуска – 1900, 1902, 1903).

В феврале 1925 г., на 1-й губернской краеведческой конференции выступил с докладом «История заселения края». Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Жизнь Сибири», «Алтайском сборнике», был одним из авторов «Сибирской советской энциклопедии».

В 1930 г. избран председателем Алтайского отделения Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Но с укреплением тоталитарного режима старания краеведов восстановить правдивую картину минувших событий стали ненужными, даже вредными, и от них стали избавляться. В мае 1931 г. Общество изучения Сибири было разогнано, а его руководители репрессированы как «враги народа». Жертвой репрессий стал и Павел Юхнев, но об этом – позже. Вернемся к приезду Аухагена в Барнаул.

3

Вряд ли поручение начальства встретить необычного гостя обрадовало Юхнева. В условиях разраставшейся шпиономании всякое общение с иностранцем стало смертельно опасным, тем более для «бывших».

– А я вас помню! – воскликнул Аухаген, едва Юхнев ему представился. – Мы встретились в 1902 году, в первый мой приезд на Алтай.

Аухаген говорил по-русски почти без акцента и широко улыбался.

– Простите, но я вас совершенно не помню, – ответил Юхнев.

Причину его «забывчивости» понять нетрудно.

– Неужели? – еще шире разулыбался Аухаген. – В том году я познакомился в Томске с заведующим землеустройством Алтайского округа господином Соболевым, и он любезно согласился взять меня в поездку по Горному Алтаю. О, это была незабываемая поездка! Бог мой, какая там природа! А с вами мы встречались в Манжероке. Вы тогда занимались землеустройством в Бийском уезде. Так? О, у меня прекрасная память на лица!

– К сожалению, не могу этим похвастать.

Аухаген перестал улыбаться и с сочувствием посмотрел на Юхнева. Он понял причину его «забывчивости». Осторожно спросил, как идет коллективизация. Юхнев ответил, что коллективизация идет полным ходом и даже быстрее, чем в других регионах. Аухаген не стал расспрашивать о подробностях. Разумеется, он знал, какими методами она проводилась.

Он попросил адрес Соболева. Юхнев дал, но предупредил, что Соболев тяжело болен. Его недавно разбил паралич, он с трудом передвигается по комнате.

Порфирий Николаевич Соболев родился в 1863 г. в Томске, в семье мелкого чиновника. Как и Юхнев, окончил Лесной институт, все годы служил на Алтае, в 1907 г. вышел в отставку по болезни в должности заведующего землеустройством округа. Как и Юхнев, до революции числился в «политически неблагонадежных», таким стал и при советской власти. «Царский чиновник!»...

Поначалу он обрадовался встрече с Аухагеном, но узнав, что он теперь атташе германского посольства, стал заметно сдержанней. Аухаген это заметил. Они вспомнили двухнедельную поездку по Горному Алтаю, но разговор не очень вязался, каждый словно боялся переступить какую-то невидимую черту, разделившую их.

Прощаясь, Аухаген пригласил Соболева к себе в гостиницу. Тот ответил, что пешком ходить не может, а на извозчика денег нет. Тогда Аухаген попросил разрешения зайти еще раз. Соболев отказать не сумел.

Накануне этой встречи он настоятельно попросил Юхнева тоже прийти, «чтобы избавить его от расспросов Аухагена».

Дело было не в расспросах. Он хотел на всякий случай, иметь свидетеля своей беседы с германским подданным. Юхнев не считал возможным отказать другу, хотя при этом подвергал опасности и себя. И вот они, трое старичков, сидят за самоваром, а чай разливают

им добрая знакомая, тоже из «неблагонадежных» Мария Георгиевна Васильева-Потанина, бывшая жена «сибирского дедушки» Г. Н. Потанина (они развелись в 1911 г.). До революции Мария Георгиевна была довольно известной сибирской поэтессой, стихи ее часто появлялись в сибирских газетах и журналах, в 1901 г. она даже в Петербурге издала книжечку стихов «Песни сибирячки» с предисловием Г. Н. Потанина. При советской власти практически не публиковалась, хотя стихи сочинять не перестала. Небольшая тетрадоочка с ними, ранее находившаяся у Порфирия Соболева, ныне хранится в литературно-краеведческом музее 27-й школы г. Барнаула. Мария Георгиевна умерла в Барнауле в 1943 г., в возрасте 80-ти лет, нищая и всеми забытая.

Но вернемся к Соболеву. Итак, трое стариков и старушка посидели, попили чайку и разошлись. Вскоре Аухаген уехал в Москву, а 3 ноября 1930 г. (заметьте, через год после описанных событий) Юхнев был арестован органами ОГПУ по обвинению в «передаче сведений шпионского характера представителю иностранного государства».

Сотрудник ОГПУ пришел с ордером на арест и к Соболеву, но тащить беспомощного старика в тюрьму не решился, доложил начальству рапортом. Тот наложил резолюцию: «Проверить и по выздоровлении арестовать».

Не довелось Порфирию Соболеву выздороветь и пополнить ряды узников ГУЛАГа...

А Юхнев около двух месяцев провел в тюрьме. Его не раз вызывали на допрос, устраивали очную ставку с Соболевым, наконец, этапировали в Новосибирск. Но и краевые чекисты не смогли доказать вину невинного. Кроме описанных случаев, Юхнев встречался с Аухагеном еще дважды, но оба раза на людях, при свидетелях, и сообщил ему лишь официальные, уже опубликованные данные по сельскому хозяйству, да и то с разрешения председателя окрисполкома.

Лишь 31 декабря 1930 г. он был освобожден «за отсутствием улик» (тогда еще улики требовались) и с подпиской о невыезде из Барнаула. Такую же подписку сверхдательные чекисты взяли и с парализованного Соболева.

18 марта 1931 г. Юхнев был снова арестован органами ОГПУ на сей раз по обвинению в «антисоветской агитации» (известно, что, кто хоть раз попадал чекистам в лапы, был уже «меченый» и

того они уже не выпускали из виду). Для второго ареста чекисты запаслись «уликами» – доносами стукачей. Вот некоторые из них.

А. А. Лапин, заведующий книжным киоском: «Отношение к политике ВКП(б) по промышленности и сельскому хозяйству у Юхнева критическое... С политической стороны знаю его как члена партии кадетов...»

Уже говорилось, что Юхнев ни в какой партии никогда не состоял.

В. К. Ободовский, плановик: «...Сталкиваясь с Юхневым по работе, у меня сложилось впечатление о нем как о человеке, который неискренне отдался работе на пользу советской власти. Идею коллективизации подвергает сомнению и высказывает мысль, что она убьет инициативу крестьянства... Юхнев – человек со старыми взглядами, но умеющий приспособливаться к моменту текущего времени...»

Н. С. Титов, землемер: «В июне 1918 года, после белочешского переворота, Юхнев радовался избавлению от большевиков, говорил: «наконец-то настало время, когда узурпаторская власть большевиков свергнута и власть перешла к демократам». Весной 1930 г., в разгар коллективизации, говорил: «Она приведет к тому, что крестьянство будет разорено».

Создается впечатление, что Юхнев, как «политически неблагонадежный», к тому же из «бывших», был окружен стукачами, доносившими о каждом его слове, о каждом шаге.

Да разве он один пострадал от них? Репрессии в нашей стране никогда не достигли бы такого размаха, не будь у чекистов столько помощников, притом большей частью добровольных, стучавших по «идейным соображениям».

После второго ареста Юхнев провел в тюрьме почти пять месяцев. Но кончилось это для него и на сей раз сравнительно благополучно. Возможно, от лагерей спасла его медицинская справка, выданная тюремным врачом: «Порок сердца. Следовать этапом не может».

5 августа 1931 г. он был из-под стражи освобожден. В постановлении следователя говорилось: «Антисоветской агитации массового характера не обнаружено. Высказывал лишь близким знакомым свою точку зрения, что не дает основания для привлечения его к уголовной ответственности по ст. 58 п. 10 УК РСФСР».

Год смерти Павла Михайловича Юхнева неизвестен, но можно с уверенностью сказать, что до 1937 г. он не дожил. Тогда бы не помогли ему никакие справки. И Соболеву тоже...

АРТЕЛЬ «КРАЕВЕД»

Поздним вечером 7 февраля 1938 г. два дюжих сотрудника НКВД вынесли на руках из дома В. К. Штильке (в нем находилось общежитие инвалидов-ветеранов революции 1905 г.) кое-как одетого седого немощного старика, на глазах потрясенных обитателей дома, таких же стариков и старушек, погрузили в «воронок» и укатили в гору, по направлению к тюрьме.

Арестованного звали Порфирий Евгеньевич Семьянов. Это был известный участник революционного движения на Алтае, краевед, уважаемый в городе человек.

Он родился в 1878 г. в поселке Гурьевского завода, в семье мелкого горнозаводского служащего. По окончании Барнаульского окружного училища и его практического горнозаводского отделения служил межевым учеником, помощником межевщика, топографом в отделе землеустройства Алтайского округа.

В 1905 г. в связи с тяжелым заболеванием внутренних органов перешел на работу, не связанную с разъездами: был чертежником в Главном управлении округа, статистиком в кредитной кооперации; при советской власти – на той же должности в губпродкоме, губфинотделе.

Революционной деятельностью начал заниматься, по его словам, с 1895 г., с появлением в Барнауле рабочих кружков. В июне 1905 г. вошел в состав подпольной группы РСДРП, годом позже преобразованной в комитет. Ведал там работой среди крестьян. В октябре 1905 г., во время погрома, был жестоко избит черносотенцами. Они повредили ему позвоночник, с тех пор он мог передвигаться лишь на костылях, и то с трудом, подолгу лежал

в больнице. В 1920 г. за революционные заслуги ему назначили пенсию республиканского значения.

Свое призвание он нашел в краеведении, став одним из организаторов и руководителей артели «Краевед».

2

Наверное, это была единственная на свете артель, члены которой занимались не производственной деятельностью, а... краеведением. И находилась такая артель у нас, в Барнауле.

В начале 20-х гг. (теперь уже прошлого века) участники революции 1905 г. («пятогодники») самоорганизовались в группу содействия губистпарту⁹. Они собирали материалы по истории революционного движения и гражданской войны на Алтае, писали воспоминания и с пристрастием обсуждали их прежде, чем передать по назначению. На такие обсуждения собиралось по 30–40 человек и более. Но большинство «пятогодников» были в преклонном возрасте, с подорванным в тюрьмах и на каторге здоровьем, а наиболее активные – вообще глубокими инвалидами. Петр Николаевич Тузовский – слепой, Семьянов, как уже говорилось, с трудом передвигался на костылях, у Николая Трофимовича Изюмченко была парализована правая часть тела. Собираться вместе им было нелегко, и «пятогодники» обратились к городским властям с просьбой сдать им в аренду дом В. К. Штильке. Им охотно пошли на встречу: их работу ценили и были заинтересованы в ее продолжении.

Об удовлетворении просьбы «пятогодникам» было объявлено 19 декабря 1925 г. на торжественном заседании, посвященном 20-летию революции 1905 г. А уже 22 декабря, едва переселившись, они сорганизовались в артель «Краевед». О ее целях и задачах в уставе было сказано так:

а) Собирать материалы для всестороннего изучения Алтайского края и сопредельных с ним мест;

б) По мере возможности обрабатывать собранный материал и распространять его;

в) Заботиться о поддержании в местном обществе интереса к исследованиям Алтая».

⁹ *Истпарт – комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б). Имела сеть местных бюро в республиках, краях, областях. В 1928 г. слилась с Институтом им. В. И. Ленина.*

Между прочим, первые два пункта были дословно переписаны из устава «Общества любителей исследования Алтая».

Старостой артели был избран П. Е. Семьянов, почетным старостой – Петр Николаевич Тузовский. Сын горнозаводского мастерового, маляр, он неоднократно подвергался репрессиям за участие в революционном движении. В 1919 г., находясь в барнаульской тюрьме, переболел тифом и ослеп. Уже слепым преподавал обществоведение в школе имени III-го Коминтерна, а в 1923–1925 гг., живя на Украине, в г. Бердянске, читал лекции по политэкономии и истории партии в совпартшколе. Согласитесь, что это более чем похвально для слепого человека, да еще с «домашним» (начальным) образованием.

В 1925 г. в журнале «Сибирские огни» (№ 4, 5) появились его воспоминания «Записки рабочего». В том же году они вышли отдельным изданием. «Книжка, – по отзыву рецензента В. И. Шемелева, – несмотря на схематичность и непроработанность в некоторых частях, знакомит нас с жизнью рядового революционера-рабочего, изведавшего и казачьи плети, и сибирские тюрьмы при двух режимах и нашедшего, наконец, свое место в советской политико-просветительной работе...»

Незаурядной фигурой среди «пятогодников» был Николай Трофимович Изюмченко, крестьянин из Курской губернии. У себя на родине он отказался идти на военную службу, за что был посажен в тюрьму, затем сослан в Березов, где едва не погиб. В его судьбе принял участие Л. Н. Толстой. В Барнауле Изюмченко организовал подпольный кооператив «Свечка», за что вновь оказался в тюрьме, оттуда был выслан в Мариинский уезд Томской губернии, затем – в Приамурье. Там и там занимался организацией кооперативов. В Барнаул вернулся в 1925 г. наполовину парализованным, что неудивительно: за годы скитаний потерял жену (расстреляна), сына (сошел с ума) и дочь (сгорела). Но не ожесточился, остался добрым, отзывчивым, кристально честным. «Этому человеку сказать хоть малейшую неправду нельзя», – отозвался о нем один из барнаульцев.

Умер Николай Трофимович Изюмченко в 1926 г.

3

Фактическим руководителем артели был Семьянов. Он же проявил себя как самый активный краевед, притом лучше других

владеющий пером. При своем разрушенном здоровье он поражал товарищей необыкновенной работоспособностью. Круг его интересов был довольно обширен: революционное и профсоюзное движение, горнозаводское производство, школьное дело и т. д. Большинство его работ осталось в рукописях, они хранятся в краевом госархиве. К сожалению, многие из них несвободны от фактических ошибок: сказались, видимо, торопливость и недостаточная общая подготовка.

Вместе с тем он добросовестно и, видимо, с охотой поправлял и редактировал воспоминания своих менее грамотных товарищей. Следы его правки, как ни странно, есть даже на... проекте «огненной машины» Ползунова. Снимая для чего-то (или для кого-то) копию (текст проекта обведен карандашом), он заменил некоторые слова другими, вставил ряд новых. Краевед Н. Я. Савельев в своей книге «Механикус Ползунов» выразил возмущение действиями неизвестного правщика, но «вычислить» его почему-то не смог, хотя отменно красивый почерк Семьянова не спутаешь ни с чьим другим.

В автобиографии Семьянов указывает, что работал в архиве еще до революции, «извлекал массу ценных материалов, часть передавал Г. Н. Потанину, В. В. Радлову, часть помещал в журналах и газетах без подписи или под разными псевдонимами».

Для добывания средств на краеведческую работу члены артели решили заняться книжной торговлей на комиссионных началах. Издательства Москвы, Ленинграда и, прежде всего, Сибкрайиздат охотно пошли им навстречу, дали скидку в 20–50 процентов и даже взяли на себя пересылку.

Первые два года торговля шла бойко, прибыли хватало на аренду книжной лавки, бумагу, перепечатку и пр. В газете «Красный Алтай» начали появляться статьи за подписями «Краевед», «Пятогодник» или инициалами. Полной фамилией члены артели почему-то подписываться избегали. Даже книжку «Барнаульские пимокаты» (1926) издали без указания фамилии автора (авторов).

О необычной артели вскоре узнали в Москве, Ленинграде, на Урале. По просьбам Московского общества политкаторжан им была выслана папка с воспоминаниями «пятогодников». Оттуда специально приезжал секретарь Общества В. И. Николаев, чтобы на месте познакомиться с работой артели. С той же целью в Барнауле

побывал и представитель Ленинградского музея революции 1905 г. Главному геологическому комитету (Ленинград) был выслан список полезных ископаемых края. Существенную помощь члены артели оказали С. П. Швецову в сборе материалов для его работы «Культурное значение политической ссылки в Западной Сибири», опубликованной в журнале «Каторга и ссылка» (1928, № 3, 4, 10, 11). Для редакции уральской газеты «Пчела» был подготовлен, по ее просьбе, обзор истории пчеловодства на Алтае с 70-х гг. XIX в. В 1929 г., по предложению крайсовпрофа и крайистпарта, был составлен исторический обзор зарождения и действий профсоюзов Барнаула по каждой профессии отдельно. Несомненный интерес для исследователей представляет подробная хроника событий в Барнауле с 1917 по 1925 г.

В краевом госархиве хранятся (к сожалению, разбросанные по разным фондам) материалы «пятогодников» по горному делу, крестьянским волнениям, народному образованию, истории и этнографии Горного Алтая и др. Вся эта огромная работа, по словам П. Н. Тузовского, была проделана в 1925–1929 гг. Значительная ее часть выполнена Семьяновым.

Эти материалы, к сожалению, не свободны от ошибок. Сказались, видимо, торопливость, низкая грамотность, ну и еще классовая зашоренность «пятогодников». Но скромный вклад в копилку знаний об Алтае они внесли, чем облегчили труд позднейшим исследователям.

4

В середине 1933 г. Тузовский, не без согласия Семьянова, установил связь с директором Центрального музея художественной литературы, критики и публицистики (ныне ЦГАЛИ) В. Д. Бонч-Бруевичем. Только связь эта, на мой взгляд, принесла алтайскому краеведению, не пользу, а несомненный вред. Надеюсь, читатель согласится со мной, когда прочитает письма Бонч-Бруевича Тузовскому (привожу их с некоторыми сокращениями):

«28 августа 1933 г.

Многоуважаемый Петр Николаевич!

Мне сообщили, что у Вас имеются письма покойного Изюмченко. Ввиду того что мы занимаемся изучением той эпохи, когда жил

Изюмченко, а также потому, что у нас уже собрано много его писем, мы будем Вам очень благодарны, если Вы пришлете нам все письма Изюмченко, которые у Вас есть, а также и других лиц, подобных Изюмченко. За все эти материалы мы заплатим...»

«8 октября 1933 г.

...Мне было очень приятно видеть, что Вы так пристально занимаетесь краеведением, постепенно собираете большое количество рукописей, извлекая их из разных мест. Нас интересуют материалы, касающиеся истории литературы, общественной мысли, искусства, быта. Фотографию Изюмченко пришлите, она интересна, а также все групповые фотографии, которые у вас имеются. Присылайте фото Волконского (вероятно, Вильконского, ссыльного поляка – *В.Г.*) и прочие фотографии, касающиеся революционных движений, начиная с 1895 года, о которых вы пишете.

Письма Изюмченко прошу выслать. Меня очень заинтересовал список неизданных рукописей различных авторов, которые у Вас имеются. Я советовал бы Вам эти рукописи целиком и полностью прислать мне. Мы бы все эти материалы рассмотрели, оценили и с обратной почтой выслали бы деньги...»

«27 октября 1933 г.

...Вновь найденные Вами письма Изюмченко, которые он направлял А. В. Луначарскому и Л. Н. Толстому, конечно, сейчас же присылайте. И вообще прошу Вас перейти от слов к делу. Все, что имеете, сейчас же высылайте посылками в мой личный адрес. Очень прошу Вас не откладывать и не медлить, а высылать все как можно скорее...»

«26 ноября 1933 г.

...Очень важно отыскать подлинные письма Толстого, Луначарского. Приложите к этому самые большие старания; пожалуйста, напишите в артель (Тузовский в это время находился в Новосибирске – *В. Г.*) и извлеките оттуда все эти и прочие материалы. Там они не нужны, а нам они очень нужны...»

«15 февраля 1934 г.

...Я очень благодарен Вам, что Вы так энергично принялись за разыскание материалов, принадлежащих Изюмченко. Это очень хорошо. Так как Вы входите в президиум совета Барнаульского музея, буду Вам очень благодарен, если Вы обратите внимание на то, что находится в этом музее из литературного наследства

различных писателей... Если в музее и архиве рукописи Геблера, Кастрена, Радлова, Гмелина, Менье никому не нужны и ими там никто не занимается, то нельзя ли прислать их все в наш музей... Копии с этих документов не стоит снимать, лучше их прислать в подлинниках, а мы здесь все разберем и, что будет интересно для науки, напечатаем...»

«19 марта 1934 г.

...Постановлением экспертной комиссии ЦМЛ у Вас приобретены материалы Изюмченко, Ляликова, Казанского, фото и др., всего 41 номер за 200 рублей. Если у Вас имеется еще что-нибудь по интересующим нас вопросам, будем Вам чрезвычайно благодарны за дальнейшую доставку материалов...»

«13 апреля 1934 г.

...Сообщаем, что переведенные Вам 200 рублей распределяются следующим образом: материалы Семьянова и коллектива ветеранов революции – 25 руб., Тузовского – 25 руб., Ляликовой (вдове поэта и драматурга С. К. Ляликова – В. Г.) – 18 руб., Казанского – 25 руб., Изюмченко – 97 руб., четыре фотографии (Казанский, Курзин, Гуркин, омские писатели) – 10 руб.»

Еще раньше, в декабре 1933 г., Тузовский получил перевод на 100 руб. за какие-то рукописи, фотографии, книги.

Надо ли доказывать, что эти торговые сделки не принесли алтайскому краеведению ничего, кроме вреда и вреда, возможно, непоправимого?..

5

Вернемся немного назад. В 1931 г. численность артели уменьшилась. Тузовский уехал, Изюмченко умер, некоторые по старости отошли от активной работы. Оставшиеся решили переключиться на политико-воспитательную работу по линии МОПР¹⁰ и Союза воинствующих безбожников. Они преобразовали артель в «Общество ветеранов революции 1905 г.», выработали новый устав, которым члены Общества обязывались изучать марксистско-ленинскую теорию, активно участвовать в партийном просвещении и антирелигиозной пропаганде; помянуто было о краеведении, но вскользь.

¹⁰ МОПР – Международная организация помощи борцам революции. Существовала в 1922–1947 гг. Оказывала помощь жертвам белого террора, борцам против фашизма.

Крайистпарт устав не утвердил. Его заведующий В. Д. Вегман ответил, что в стране уже существуют «Общество старых большевиков», «Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев» и новое – излишне. Он порекомендовал барнаульцам примкнуть к местному бюро краеведения в качестве историко-революционной секции, наладить связь с аналогичной секцией при Новосибирском обществе краеведения и работать по заданиям крайистпарта и крайистпрофа.

Но «пятогодники» поступили по-другому. Они оформились в «Коллектив общежития ветеранов революции 1905 г. дома имени В. К. Штильке». Занятий краеведением не оставили, только заниматься им становилось все труднее.

«Собранный материал выслать не можем, – писал Семьянов в крайистпарт. – Бумагу приобретаем за дикую цену на барахолке, на перепечатку нет средств, а требуют за нее по 6 рублей лист...»

Было время – им давали заказы, просили, теперь же Семьянов чуть не навязывал крайистпарту воспоминания крестьянина из с. Власиха Сиворонова о подпольной социал-демократической организации в их селе, основанной, по его словам, В. К. Штильке.

Не вызвали интереса и воспоминания участника крестьянских волнений на Алтае А. А. Яренского...

К добрым делам «пятогодников» надо отнести и то, что они возбудили ходатайство перед местными и республиканскими властями о сохранении дома В. К. Штильке как исторического памятника. В нем родилась идея создания Общества попечения о начальном образовании в Барнауле, некоторое время размещались городская общественная (ныне краевая) библиотека, Зайчанская начальная школа, находили приют политссылные, в 1918–1919 гг. находились Культпросветсоюз Алтайского края и редакция журнала «Сибирский рассвет».

Но их голос не был услышан. Дом Штильке постигла участь многих исторических памятников Барнаула.

6

Черные дни для краеведов настали не только на Алтае. С усилением тоталитарного режима началась фальсификация истории страны, особенно революционной: приукрашивались, выпячивались одни факты, имена, замалчивались другие, непомерно раздувалась

роль партии большевиков и в первую очередь – Сталина и его угодников. В такой обстановке старания краеведов восстановить правдивую картину минувших событий становились ненужными и даже вредными для режима. И от них стали избавляться. В 1935 г. были ликвидированы Общество старых большевиков, Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, закрыты их журналы «Старый большевик», «Каторга и ссылка»; еще раньше разогнано «Общество изучения Сибири и ее производительных сил», а руководство репрессировано, та же участь постигла редакцию «Сибирской советской энциклопедии», прерванной на 3-м томе...

В 1931 г. прекратила свое существование и артель «Краевед». В том же году было ликвидировано Алтайское отделение «Общества изучения Сибири и ее производительных сил». Вместо него создано Барнаульское бюро краеведения, но оно незаметно распалось, ибо работать в нем стало некому: один за другим были арестованы органами НКВД лучшие краеведы: В. И. Верещагин, А. П. Велижанин, П. А. Казанский, Н. М. Вторых и другие. 7 февраля 1938 г. та же участь, как уже говорилось, постигла и Порфирия Евгеньевича Семьянова.

По словам жены, он с 1930 г. «уже из квартиры никуда не выходил. У него начались судороги головного мозга, образовалась сухотка спинного мозга, паралич мышц, атрофия всех органов пищеварения. Это был живой труп...»

В чем же его обвинили?

Вот что сказано в постановлении об избрании меры пресечения: «Эсер, царский чиновник, проживающий без определенных занятий, является участником «ТКП» (Трудовой крестьянской партии – В. Г.), вел работу по подготовке вооруженного восстания против советской власти, вел диверсионную подрывную работу, занимался вербовкой новых лиц в организацию».

Здесь все ложь, кроме разве того, что Семьянов был царским чиновником, если можно так назвать рядового статистика. Отродясь не был он ни эсером, ни в «Трудовой крестьянской партии», да и партии такой не существовало, она выдумана чекистами. В Барнаульской подпольной организации РСДРП он состоял, причем даже не рядовым членом, за что была ему назначена пенсия республиканского значения. Правда, позже дореволюционный стаж ему почему-то не зачли: в документах за 1932 г. он значится кандидатом в члены ВКП(б).

То, что чекисты по невежеству зачислили Семьянова в царские чиновники, и стало, мне думается, единственной причиной его ареста. В остальном он был правоверным коммунистом. Как тут не повторить: революция пожирала собственных детей!..

Что же касается обвинений в подготовке вооруженного восстания, диверсий и вербовок, то посудите сами: мог ли такими делами заниматься человек, прикованный к постели? Перечитайте показания жены.

В уголовном деле Семьянова нет ни одного протокола допроса. По всей вероятности, он оказался просто не пригодным для допросов. Жизнь в старике едва теплилась лишь благодаря заботливому уходу жены. Лишенный этого, потрясенный ужасной несправедливостью, он 25 февраля 1938 г. скончался в тюремной больнице, и дело на него было прекращено «за смертью обвиняемого».

«С ПРИРОДОЙ ОДНОЮ ОН ЖИЗНЬЮ ДЫШАЛ...» **Страницы жизни В. И. Верещагина, ботаника, краеведа**

Виктор Иванович Верещагин родился 15 октября (ст. ст.) 1871 г. в селе Турны Валдайского уезда Новгородской губернии, в семье священника. Отец его увлекался сбором народных пословиц и поговорок, за что был даже удостоен медали Императорского Русского географического общества. И семья была достаточно просвещенной: две дочери и старший брат учительствовали, средний служил топографом; младший же, Виктор, пошел сначала по отцовской дорожке: окончил духовное училище, затем духовную семинарию в Новгороде, но уже будучи без пяти минут священнослужителем, сдал экзамен на аттестат зрелости при одной из петербургских гимназий и в 1892 г. поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета.

Его не остановило то, что отец, обремененный большой семьей, помогать ему не мог. Средства для жизни и учебы студент Верещагин зарабатывал репетиторством. Лишь на четвертом курсе ему стали выплачивать небольшую стипендию.

Что же побудило семинариста Верещагина сделать столь крутой поворот в жизни и начать все сначала?

Ответ, мне видится, простой: любовь к природе, особенно к растительному ее миру. Думаю, сильно не ошибусь, если скажу, что с детских лет не было для него занятия интересней, чем бродить по окрестным полям и лесам, наблюдать, как по весне пробивается первая травка, распускаются почки на деревьях, как все это на глазах растет, цветет, плодоносит, а осенью, закончив жизненный цикл, пышно увядает, чтобы следующей весной чудесным образом возродиться вновь.

Не случайно же в университете он был введен в кружок «малень-

ких ботаников», основателями которого являлись профессор Комаров Владимир Леонтьевич, будущий президент Академии наук СССР и основатель отечественной научной школы ботанико-географов Бекетов Андрей Николаевич, дед поэта Александра Блока.

Уже на 4-м курсе Виктор Верещагин выступил на заседании местного отделения Русского географического общества с сообщением «Некоторые дополнения к флоре Новгородской губернии». Вполне возможно, что для этого сообщения емугодились и некоторые наблюдения из детских и юношеских лет.

В 1897 г. Верещагин закончил университет с дипломом первой степени, но первые два года работал переводчиком с немецкого языка в книжном издательстве «Знание» и некоторое время в Главном управлении почт и телеграфа помощником столоначальника (видимо, не сразу нашел работу по специальности).

Лишь в 1899 г., узнав, что Барнаульское окружное училище приглашает преподавателя естественной истории (теперь мы говорим: естествознания), он без раздумий оставляет столицу со всеми ее культурными и прочими благами и отправляется в «каторжную» Сибирь.

Что же побудило Виктора Ивановича совершить новый крутой поворот в жизни?

Ответ тот же: любовь к природе. Еще в студенческие годы он, надо полагать, основательно познакомился с трудами ученых-путешественников Палласа, Ледебура, Лаксмана, Брема и других, в разное время побывавших на Алтае, а потому знал, что, во-первых, Барнаул – центр Алтайского горного округа, целое столетие занимавшего первое место в России по выплавке серебра, второе – по меди и третье – по золоту, сибирской глушью отнюдь не является; в нем есть прекрасный любительский театр, библиотека, музей, наконец, общество высокообразованных горных инженеров.

«Я был поражен, найдя Барнаул столь цивилизованным городом», – писал Карл Ледебур.

Ему вторил Альфред Брем: «Здесь живут все наиболее образованные чиновники Западной Сибири, поэтому он (Барнаул – *В. Г.*) остается центром духовной жизни всего генерал-губернаторства».

А во-вторых, и это, может, явилось самым главным для Верещагина, Алтай, по описаниям тех же путешественников, был настоящим раем для ботаника.

Словом, Верещагин знал, куда ехал. В июле 1899 г. он был уже в Барнауле. И остался здесь навсегда. Алтай стал его второй родиной...

2

К его приезду лучшие времена для Алтайского горного округа уже прошли. С годами все более давали себя знать истощение рудников, техническая отсталость заводов, а с отменой крепостного права и, стало быть, заменой «обязательного» (подневольного) труда более дорогим вольнонаемным, производство вообще стало убыточным. К январю 1896 г. были закрыты все пять сереброплавильных заводов, и оба железоделательных. Лишь Сузунский медеплавильный продержался до 1914 г. Округ перестал называться горным. Большинство горных инженеров, задававших тон в общественной и культурной жизни города, покинули Барнаул.

Все это отразилось и на судьбе окружного училища. Оно было – уже при Верещагине – преобразовано в реальное. По сравнению с гимназией реальное училище давало больший объем знаний по математике, физике, ботанике; вместо древних языков изучались немецкий и французский.

В училище было 6 классов и 7-й – дополнительный. Лицам, успешно закончившим шесть классов, выдавался аттестат, дающий право на поступление в коммерческие и технические учебные заведения; окончившие семь классов могли поступать в высшие учебные заведения.

Дети чиновников учились бесплатно. Освобождались от платы и дети наиболее бедных родителей, им даже помогали учебниками, одеждой, обувью.

Судя по документам, В. И. Верещагин, кроме преподавания естественной истории, привлекался к приему экзаменов по немецкому и французскому языкам, иногда замещал учителей-«иностранцев». В 1903 г. он был даже направлен за границу на курсы по усовершенствованию во французском языке. Но на курсы почему-то опоздал и, воспользовавшись случаем, в течение июня-июля посетил Берлин, Париж, Вену, Женеву, Лозанну, интересуясь там главным образом музеями.

В советские годы В. И. Верещагин указывал в анкетах, что немецкий и французский языки знает слабо, а по-английски лишь

читает со словарем. Видимо, он просто скромничал. Кто бы его со слабым знанием языка принял переводчиком в столичное издательство «Знание»?

Могла быть и другая причина такой записи в анкете. В те «окаянные» (по И. А. Бунину) годы лица, владевшие каким-либо иностранным языком, состояли на особом учете в органах НКВД и были вполне вероятными кандидатами на арест как иностранные шпионы. Словом, признаваться в знании иностранного языка, тем более немецкого – языка нашего вероятного противника, тогда было далеко не безопасно. А Верещагину – особенно. Он и без того числился в органах как «социально-чуждый элемент» (об этом – позже.)

За время работы в реальном училище В. И. Верещагин неоднократно избирался секретарем педагогического совета; с годами дослужился до чина статского советника (соответствует полковнику), был награжден тремя орденами. Но настало время, когда этот чин и ордена, заслуженные честным и добросовестным трудом на ниве народного просвещения, обернулись для него компроматом.

В. И. Верещагин стал последним директором реального училища перед его закрытием в 1920 г.

3

После свертывания горнозаводского производства большинство горных инженеров, как уже говорилось, покинули Барнаул. Но общественная и культурная жизнь в городе не замерла. Свеча, как говорится, не погасла. И в Барнауле, и на Алтае никогда не было недостатка в людях, готовых послужить городу и краю.

Яркий пример тому – домашний учитель Василий Константинович Штильке, основавший в 1884 г. «Общество попечения о начальном образовании в Барнауле». За первые 18 лет деятельности Общества им были открыты в основном на добровольные пожертвования:

– Две бесплатных начальных школы, в которых училась треть барнаульских школьников, в основном дети бедняков. Это были первые в городе смешанные, то есть общие для девочек и мальчиков школы. В них не только бесплатно учили, но и обеспечивали горячими завтраками, а особо нуждающихся – учебниками, одеждой, обувью, наиболее способным помогали продолжить образование.

– Две воскресных бесплатных школы для взрослых, тоже очень нужных, ибо в городе половина мужчин и около 77 процентов женщин были неграмотными.

– Две школьных и одна городская общественная библиотеки (ныне – краевая имени В. Я. Шишкова).

– Первый в городе книжный магазин. Ранее учебники, тетради, карандаши и пр. приходилось заказывать в Томске и даже в Петербурге или самим туда ездить.

– Любительский театр, пользовавшийся большой популярностью у горожан. Устраиваемые им спектакли при малой входной плате приучали к театру самые широкие слои барнаульцев, знакомили их с лучшими произведениями отечественной и зарубежной драматургии. Спектакли были в то же время и важнейшим источником доходов Общества.

– И, наконец, Народный дом с залом на 1000 мест, сделавший бы честь любому губернскому городу! (Ныне в нем – краевая филармония.).

В Барнауле к концу XIX в. проживало всего около 30 тыс. человек. Но в нем нашлось достаточно людей, горячо поддержавших доброе дело своими знаниями и опытом. Все они, включая В. К. Штильке, трудились на общественных началах, а купцы, да и вообще состоятельные люди, помогали рублем. И не только рублем.

Барнаульские купцы, по крайней мере многие из них, вполне заслуживают того, чтобы сказать о них доброе слово. Не было в городе ни одной школы, больницы, церкви, которые они обошли бы своими посильными добровольными пожертвованиями. Немало средств вложили они в строительство и содержание Нагорной и Зайчанской школ Общества попечения о начальном образовании в Барнауле; всем миром, как говорится, строили Народный дом, проект которого петербургский архитектор Иван Павлович Ропет, прослышав о добрых делах барнаульцев, выполнил бесплатно. Вряд ли он был богачом, да и среди барнаульских купцов очень богатых, подобно нынешним олигархам, не было. Но они любили свой город, как любят родной дом, и за великую честь считали что-то сделать для его благополучия и процветания. Много ли таких среди нынешних купцов, виноват, бизнесменов?

Общество попечения о начальном образовании в Барнауле получило признание как одно из лучших в Сибири. И не только

в Сибири. В 1900 г. его деятельность была отмечена серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже!..

Умели патриоты родного города при малых возможностях добиваться впечатляющих результатов!..

В 1891 г. ссыльный народник Сергей Порфирьевич Швецов, служивший статистиком в Главном управлении Алтайского горного округа, выступил с предложением объединить силы интеллигенции, в том числе политических ссыльных, для исследования природных богатств Алтая, условий жизни и быта крестьян-старожилов, переселенцев и инородцев. Предложение было поддержано, в том числе начальником округа Н. И. Журиным. Так возникло Общество любителей исследования Алтая¹¹.

Едва организовавшись, Общество начало собирать свою библиотеку и комплектовать свой музей, хотя в Барнауле еще с середины XVIII в. существовала при Главном управлении округа прекрасная библиотека, правда, в основном техническая, а с 1825 г. действовал прекрасный музей, принадлежавший тоже горному ведомству.

Но после того как заводы и рудники на Алтае были закрыты и округ перестал называться горным (1896), возникла опасность, что библиотека и музей останутся бесхозными. В связи с этим Совет Общества 16 октября 1897 г. возбудил ходатайство перед Кабинетом о передаче библиотеки и музея в ведение Общества. 28 мая 1911 г. после повторного обращения оно было удовлетворено, а 20 июля 1913 г. последовало «Высочайшее соизволение» на предоставление подотделу здания бывшей химической лаборатории для размещения в нем библиотеки и музея, а также 5 тыс. руб. на ремонт и реконструкцию здания. Это был поистине царский подарок!

Более подробное описание деятельности подотдела заняло бы слишком много места, к тому же, как я полагаю, деятельность эта достаточно известна всем интересующимся историей Барнаула и Алтая.

Вернемся к В. И. Верещагину. Он вступил в Общество любителей исследования Алтая в марте 1900 г., то есть вскоре после приезда в Барнаул. Дело нашел себе вполне по душе – в отделе

¹¹ В 1902 г. оно было преобразовано в Алтайский подотдел Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, в 1917 г. – в самостоятельный отдел РГО, в 1932 г. его деятельность была прекращена и возобновлена лишь в 1957 г.

природы музея, где по существу заново создал ботанический отдел, все годы поддерживал его в образцовом состоянии и периодически пополнял.

Музей стал его судьбой. В нем прошла вся его оставшаяся жизнь со всеми ее радостями и печалями. До 1923 г. он трудился в нем, как говорят, на общественных началах, и лишь после ему стали начислять небольшую зарплату – от 14 до 25 руб. в месяц. Такой она была и у большинства сотрудников музея и вряд ли соответствовала прожиточному минимуму, впрочем, как и теперь. Многие не выдерживали полуголодного существования; стоически держались лишь подлинные энтузиасты музейного дела. К ним в первую очередь относились Виктор Иванович Верещагин, Андрей Петрович Велижанин, Евгений Георгиевич Родд.

Эти люди – слава и гордость Барнаульского (теперь Алтайского) краеведческого музея. А. П. Велижанин был врачом по образованию и должности, а по призванию – талантливым орнитологом; Е. Г. Родд – главный лесничий земельного управления проявил себя как прекрасный энтомолог.

4

Работая в реальном училище, В. И. Верещагин каждый год, дождавшись летних каникул, отправлялся в ботанические экскурсии, чаще всего – в Горный Алтай, оказавшийся, и в самом деле, раем для ботаника. Маршруты выбирал по самым малолюдным и труднодоступным местам. Он первый из путешественников прошел через грозные бомы среднего течения реки Чулышман, оттуда вышел в долины Башкауса, Чульчи, Шавлы, в которых до В. И. Верещагина никто из путешественников не бывал. Такие экскурсии требовали немалого мужества и физических сил. Вот как описывает сам Верещагин один из эпизодов этой поездки:

«Тропа вдруг сходит на нет, а к Чулышману вплотную подошли горы и оборвались в его бурные воды крутыми скалами. Из верхнего Сеп-бома необходимо сойти с седла, так как Сеп-бом можно пройти только пешком и притом босиком. Сначала приходится идти по доске, перекинутой с одного выступа скалы на другой над бурным потоком, а затем, за поворотом скалы, надо карабкаться, цепляясь руками за неровности скал, но беда в том, что они округлены и гладко отшлифованы и сорваться с них можно легко. Лошадей приходилось пускать вплавь, придерживая на канатах...»

Сколько подобных преград довелось преодолеть отважному путешественнику, знал, наверное, только он сам.

Начиная с 1905 г., В. И. Верещагин, отправляясь в экспедиции, почти каждый год брал с собою 12–15 учеников старших классов реального училища. Расходы оплачивали родители, за беднейших учеников – училище. Такие экспедиции Верещагин называл «образовательными экскурсиями». Их цели и задачи он определял так: «Ознакомить учащихся с природою и отчасти бытом местного населения, с приемами коллекционирования по ботанике, зоологии (главным образом – энтомологии) и петрографии, порядком пользования барометром и пращ-термометром».

Первая экскурсия в Горный Алтай с учениками состоялась летом 1905 г. В. И. Верещагин сам рассказал о ней в статье «Алтай как район ученических экскурсий» (журнал «Естествознание и география», 1912 г.) Привожу ее в сокращении:

«...Отправляясь по заданию Алтайского подотдела РГО с Пушкаревым¹², я предложил ученикам старших классов побывать в горах. Девять учеников (два выпускных, два из 7-го класса, один из 6-го и четверо из 5-го) изъявили согласие принять участие в поездке. К ним присоединились учитель городского училища (фамилия не названа – В. Г.) и преподаватель математики реального училища П. С. Малешевский¹³...»

От Барнаула до Бийска участники экскурсии добрались пароходом.

¹² Пушкарев Вениамин Михайлович (1887–1938) выпускник Гейдельбергского университета (Германия), преподаватель математики в 10-й неполной средней школе г. Барнаула, брат известного писателя Глеба Михайловича Пушкарева. Арестован органами НКВД 19 декабря 1937 г. 29 декабря тройкой при управлении НКВД по Алтайскому краю приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 6 января 1938 г. в Барнауле. В 1958 г. полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

¹³ Малешевский Петр Станиславович (1877–1938) родился в Томске, в семье фельдшера-поляка, сосланного в Сибирь за участие в восстании 1863 г. Окончил Варшавский университет (1901), преподавал математику в Барнаульском реальном училище (1901–1907), Бийской мужской гимназии (1907–1910). В 1921 г. избирался членом Бийского горсовета депутатов трудящихся. 1-го февраля 1938 г. арестован органами НКВД по обвинению в участии в подпольной организации эсеров, сфальсифицированной чекистами. 5 марта 1938 г. тройкой при управлении НКВД по Алтайскому краю все 17 человек, якобы состоявших в этой организации, в том числе и П. С. Малешевский, были приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 марта 1938 г. в Бийске. В 1958 г. все реабилитированы.

«Из Бийска, – пишет В. И. Верещагин, – выехали утром 8-го июня. В Сростках остановились на ночлег. Поскольку до наступления темноты оставалось полтора часа, взошли на гору Пикет, чтобы сделать там наблюдения по анероиду и собрать растения. Выкапывая растения на склонах горы, мы привлекли внимание местных жителей. Они отнеслись к нашим занятиям крайне иронически.

– Не там роете, – говорили они. – Здесь уже свиньи все вырыли. Идите вон туда, там еще никто не рылся.

На другой день, предполагая выехать пораньше, мы встали в 4 часа. Но явился старик Беспалов, наш хозяин, и заявил, что один из ямщиков вчера загулял и теперь его не добудишься. Выехать удалось только в 8 часов...»

Далее их путь лежал «чернью» (тайгой).

«13 июня, – пишет В. И. Верещагин, – в четыре часа пополудни, увидели Телецкое озеро. После мрачной «черни» панорама озера была удивительно хороша».

17 июня на лодке, нанятой у местного жителя, экскурсанты достигли устья реки Чулышман. 18-го посетили Чулышманский мужской монастырь, где провели трое суток, совершая экскурсии по его окрестностям.

В монастыре проживало всего 10 монахов, но владели они тремя тысячами десятин земли. С проживавших на ней алтайцев брали: 10 руб. за десятину земли, 4–20 коп. с головы за пастьбу скота, 50 коп. за срубленное дерево и один рубль за место для юрты. По тем временам это были немалые деньги.

«Плата, – пишет В. И. Верещагин, – сильно стесняет инородцев. Они относятся к монастырю с нескрываемой ненавистью. Многие даже ушли с монастырских земель. При таких условиях просветительская деятельность монастыря равна нулю. Правда, здесь все инородцы крещены, но, конечно, они в сущности остались теми же темными язычниками. Вообще монастырь является печальным памятником алтайской миссионерской деятельности».

В монастыре В. И. Верещагин расстался со своими спутниками. Реалисты во главе с П. С. Малешевским отправились в обратный путь, в Барнаул, а он с учеником 6-го класса реального училища В. М. Пушкаревым, проводником и толмачом (переводчиком) двинулся вверх по Чулышману до села Кумуртук. Оставив там большую часть багажа, 23 июля решили налегке обследовать

верховья рек Чельчи и Шавлы. Но до Шавлы добраться не удалось: проводник дорогу туда не знал, да и продукты кончились, к тому же шли непрерывные дожди. Вернулись в Кумуртук, а оттуда пошли вверх по Чулышману до озера Джюлю-коль, из которого вытекает река. Каким трудным и опасным был этот путь, говорят записи В. И. Верещагина в его путевом дневнике. Вот, некоторые из них:

«3 июля. Подъехали к высокому Берг-бому. На узких карнизах, нависших над kloкочущим Чулышманом, сжатым здесь в узком ущелье, становится жутко. Карнизы кое-где подправлены бревнами и камнями, но далеко не везде, где следовало бы. Малейший неверный шаг лошади может стать роковым. В таких местах самое лучшее – опустить повод и вполне положиться на ловкость умных животных, но надо сказать, что людям со слабыми нервами лучше миновать чулышманские бомы... До сих пор они не были посещены никем из путешественников...»

«10 июля. Переправились через Чулышман в лодке. Подъехавшие телеуты со страхом крестились, наблюдая за переправой...»

«12 июля. Игнатов не решился переправиться через Шавлу. Таким образом, нам предстояло ехать по местам, еще не посещаемым путешественниками...»

15 июля они достигли озера Джюлю-коль, таким образом прошли Чулышман от устья до истоков.

От озера к верховьям Башкауса они, спрямив путь, прошли через территорию Монголии, словом, побывали за границей, даже ночевали в юрте монгола. Оттуда вышли на Чуйский тракт в районе села Чибит и 2-го августа прибыли в Бийск.

В. И. Верещагин самокритично отметил ряд недостатков этой первой в своей практике «образовательной экскурсии».

«...Не было толкового служителя для смотрения за установкой палаток и приготовлением пищи. Приходилось руководить самому. Принадлежности для собирания коллекций были только у меня и Пушкарева. Остальные скучали.

О подборе экскурсантов не было речи. Взяли первых желающих. В их числе оказались два избалованных, изнеженных ученика, тосковавших о гуляниях в саду. Программа экспедиции была не подготовлена. Я сам впервые выехал на Телецкое озеро...»

Более организованной и познавательной стала вторая «образовательная экскурсия» в Горный Алтай, проведенная в 1909 г. В краевом госархиве сохранилось довольно подробное описание ее, сделанное врачом А. Г. Лукиным (полное имя и отчество не указаны), участвовавшим в экскурсии в качестве помощника В. И. Верещагина.

В экскурсии участвовали 17 реалистов 2-го – 7-го классов и повар Владимир Чугунов из реального училища.

На сей раз реалисты, стараниями В. И. Верещагина, подготовились к ней основательно, о чем свидетельствует перечень их снаряжения. Вот он:

- 12 пар ботанических рамок;
- 100 аршин сукна;
- стопа¹⁴ фильтровальной бумаги;
- пять стоп серой оберточной бумаги;
- 18 энтомологических сачков;
- 25 энтомологических банок;
- 15 пинцетов;
- 25 больших коробок с ватой для жуков;
- 1500 бумажных треугольничков для бабочек;
- один фунт формалина;
- геологический молоток;
- анероид;
- термометр-пращ;
- набор инструментов;
- четыре палатки (одна из них – запасная);
- несколько брезентов (заворачивать багаж и расстилать в палатках);
- дорожная аптечка.

Кроме того, каждый реалист взял с собою: одеяло, теплый войлок (вместо матраца), теплую одежду, пять смен белья и запасные сапоги.

О запасах и видах продовольствия можно судить по примерному меню реалистов в ходе экскурсии:

ЗАВТРАК: чай с хлебом, колбасой и сыром. Иногда копченая ветчина, изредка – свежая рыба, котлеты.

¹⁴ Стопа – 20 десяти, в десяти – 24 листа.

ВТОРОЙ ЗАВТРАК: (после полудня): чай, какао, колбаса, ветчина, яйца, сыр, хлеб (фактически это был обед).

УЖИН: суп, борщ, уха, котлеты, компот, каша гречневая, пшеничная или рисовая, чай.

Сразу скажу и о распорядке дня в ходе экскурсии. Вставали в пять часов, завтракали. Пока ямщики свертывали палатки, реалисты пешком уходили вперед по маршруту, иногда версты на три, по дороге ловили бабочек, жуков и пр. После второго завтрака (обеда) продолжали движение тем же порядком. В пять–шесть часов вечера останавливались на ночлег, ужинали, в девять часов ложились спать.

Ежедневно два ученика (один из старшего, другой из младшего класса) дважды, утром и вечером, производили метеонаблюдения с помощью анероида и термометра-праща.

Дневники вначале вели все реалисты, но вскоре, увлекшись коллектированием, перестали вести записи. Лишь пятеро до последнего дня записывали свои наблюдения и впечатления.

А теперь последуем за экскурсией в Горный Алтай.

22-го мая 1909 г. на пароходе «Кормилец» они выехали в Бийск, где были встречены директором мужской гимназии П. С. Малешевским и размещены в особняке известного местного купца-благотворителя Н. И. Асанова, «любезно предоставившего не только временное помещение, но и внимательность, услуги».

Очевидно, их же стараниями (Асанова и Малешевского) для барнаульских реалистов было приготовлено восемь пароконных экипажей с «проходными» ямщиками (это название означало, что все путешествие будет совершаться без смены лошадей и ямщиков). «Экипажи» представляли собою обыкновенные тележки с брезентовым верхом на случай дождя.

25-го мая реалисты выехали по маршруту: с. Смоленское – Ново-Белокуриха – Алтайское – Тоурак – Куяган. В день проезжали 30–40 верст с несколькими остановками. Ночевок в селениях избегали, для чего везли с собой, как уже говорилось, четыре палатки. Вставали (тоже говорилось) в пять часов утра, завтракали (пищу готовил повар) и в 6.30 двигались дальше. С 11.30 до 14.00 останавливались на обед («второй завтрак»). В 18.30 заканчивали дневной путь, ужинали и в 21.00 ложились спать. А утром, в 6.30 – снова в путь!..

Двигались неторопливо. Реалисты имели возможность на ходу спрыгнуть, сорвать или выкопать приглянувшийся цветок или другое растение, поймать бабочку, жука и без труда догнать экипаж.

В местах, заслуживающих более подробного осмотра, останавливались, и В. И. Верещагин делал разъяснения.

В Ново-Белокурихе осмотрели ванны с минеральной водой, измерили ее температуру. 28-го мая прибыли в Черный Ануй, где тогда находилась кумысолечебница, попили кумысу (многие – впервые), осмотрели пещеру и двинулись дальше Канской степью. Верст двадцать пять, по словам Лукина, ехали как по асфальту, любясь вздымавшимися слева и справа величественными грядами гор со снежными шапками белков.

31-го мая, под Тюдралой, на берегу реки Кайсын, разбили палатки. К вечеру алтайцы подогнали к лагерю 18 верховых лошадей (15 для экскурсантов и трех – для проводников).

1-го июня, в шесть часов утра, оставив четырех учеников для охраны палаток, экскурсанты во главе с В. И. Верещагиным двинулись на Кайсынский перевал. За шесть – семь часов, преодолев по горным кручам 15 верст, поднялись на него.

«Перед нашими глазами, – пишет А. Г. Лукин, – прошла смена растительности от горных долин до снеговых вершин. Некоторое время мы простояли на заоблачной высоте, любясь раскинувшейся панорамой горных хребтов. Они, словно окаменевшие гигантские волны мирового океана, бесстрастно и загадочно распростерлись перед изумленными глазами юных барнаульцев. Здесь, в соседстве скал, снегов и облаков, перед лицом вечно прекрасной природы, учащимся изложена была Виктором Ивановичем Верещагиным теория образования гор.

После фотографирования и небольшого отдыха мы двинулись в обратный путь».

В таком вот возвышенном, поэтическом стиле описал А. Г. Лукин этот эпизод. Нетрудно представить, какой восторг вызвала у реалистов эта романтическая поездка на лошадях на Кайсынский перевал! Этот восторг вряд ли убавился оттого, что возвращаясь им пришлось под проливным дождем, и они до ниточки промокли.

«За эту неделю, – пишет А. Г. Лукин, – учащиеся приспособились к разыскиванию и собиранию жуков, ловле бабочек, выкапыванию растений и сушке их. Большинство реалистов правильно своим

именем называли пойманных бабочек, жуков, растения, камни. Полнота и резкость впечатлений не давали ученикам спокойно сидеть в тарансах. Чуть что увидят, спрыгивают на ходу и мчатся по лугу махая по траве сачком, отворачивая камни, вырывая растения и сияя от удовольствия, догоняют караван и прячут добычу в банку, коробку, бумагу.

Проезжая мимо юрт, заглядывают с позволения хозяев внутрь, при удаче фотографируются с ними...»

1-го июня ночевали в Усть-Кане. Оттуда двинулись Ябоганской степью. Здесь, по широкому приволью, паслись отары курдючных овец, стада коров, табуны лошадей. Повсюду белели юрты... Нередко попадались каменные насыпи – «чудские» памятники...

У Теньги выехали на Чуйский тракт. 4-го июня, в семь часов утра, приехали в Онгудай. Там, благодаря любезности станowego пристава Сергеева, удалось запастись свежим хлебом (последние три дня жили на сухарях).

4-го июня поднялись на Чике-Таманский перевал. На следующий день подъехали к Катунь, трижды переправились через нее (у бомов Коркечу, Кангырар и в Усть-Ине).

В устье реки Чуй расположились на ночевку. На следующий день, к полудню, достигли Белого бома (Ак-бом). Здесь вечером, после ботанической экскурсии, реалисты, взобравшись на скалу, устроили иллюминацию (еще в Барнауле по рекомендации В. И. Верещагина запаслись пиротехническими средствами).

«Кровавый свет бенгальских огней, – пишет А. Г. Лукин, – сопровождался громким восторженным «ура», потревожившим, наверно, мирное житье местных инородцев. Это было незабываемое зрелище: горы и река в красном свете!..

С Белого бома двинулись в обратный путь. На Семинском перевале нас вновь застал дождь, но он не помешал реалистам оценить красоты здешней природы: кедровый лес, море цветов, нехоженые травы по поясу...

11-го июня достигли Мьюты, где расстались с Верещагиным. Он остался продолжать ботанические сборы, а мы отправились по Чуйскому тракту в Бийск; оттуда 17 июля тем же пароходом «Кормилец» вернулись в Барнаул».

Описание свое А. Г. Лукин заканчивает на такой высокой ноте: «Горные ущелья и снеговые вершины, тайга и степь, горные террасы и

пещеры, мрачные бомы, перевалы, шумные реки, инородцы, чудские памятники и арыки, емуранки (бурундуки – В. Г.), верблюды, маралы, знакомство с кумысом, жизнь природы и людей – все промелькнуло перед нами, все побывало тут!..»

Вне всякого сомнения, эта экскурсия оставила не менее восторженные воспоминания и у реалистов. Было что рассказать родным и друзьям!..

Родительский комитет училища направил В. И. Верещагину благодарственное письмо за проведенную экскурсию. Привожу его полностью:

«Его высокоородию Виктору Ивановичу Верещагину.

Многоуважаемый Виктор Иванович!

Родительский комитет при Барнаульском Императора Николая II реальном училище, движимый чувством признательности к Вам за Ваше умелое и сердечное руководство экскурсией учеников реального училища на Алтай в прошедшее лето, в заседании своем 25-го текущего ноября поручил нам выразить Вам от его имени искреннюю свою благодарность за Ваше руководство экскурсией, т. к. благодаря главным образом ему столь блестяще достигнуты преследовавшиеся Родительским комитетом при организации экскурсии цели – энергично содействовать умственному, эстетическому и физическому развитию учеников доставлением им новых разнообразных впечатлений, получаемых непосредственным и сознательным знакомством с богатствами и красотами природы Алтая, и укрепляя силы их его благодатным воздухом.

Насколько полно было вынесенное учениками из руководимой Вами экскурсии удовлетворение, нагляднее всего усматривается из того бурного настроения, которыми проникнуты читанные нами путевые записи учеников об экскурсии и высказываемые ими восторженные воспоминания о ней, а также из того, что непосредственно по окончании ее как у учеников, так и у родителей их возникло стремление организовать теперь же экскурсию и в предстоящее лето, каковому стремлению Родительский комитет со своей стороны вполне идет навстречу, надеясь особенно, что и ее Вы не откажетесь принять под свое просвещенное руководство.

Ввиду всего этого мы с особенным удовольствием исполняем возложенное на нас поручение выразить Вам от имени Родительского комитета глубокую благодарность, тем более, что при этом мы высказываем чувства, воодушевляющие не только Родительский комитет в целом, но и каждого из нас в отдельности.

Председатель Родительского комитета П. Селиванов
Секретарь А. Стрельман¹⁵».

6

Интересными, познавательными, непохожими одна на другую были все другие «образовательные экскурсии» В. И. Верещагина. Среди них особенно выделяется, на мой взгляд, экскурсионная поездка на Кавказ летом 1910 г. В ней участвовали 15 учеников старших классов. Назову их, может, кто из барнаульских старожилов найдет среди них своего деда или прадеда:

Арбузов Михаил;
Бабин Николай;
Баландин Александр;
Гордзялковский Андрей;
Грязнов Иннокентий;
Иванов Евгений;
Климентовский Николай;
Лубяных Иван;
Матвеев Вениамин;
Ненаживин Александр;
Невоструев Вениамин;
Сорокин Александр;
Тихонов Константин;
Черных Александр;
Черных Алексей.

¹⁵ Стрельман Андрей Петрович (1867–1920 г.), из дворян Херсонской губернии. Окончил юридический факультет Новороссийского университета. С 1904 г. на Алтае: председатель Барнаульского уездного съезда крестьянских начальников (до 1914 г.), Бийский городской голова (до марта 1918 г.), затем управляющий Алтайской губернией. 16 августа 1919 г. от исполнения обязанностей отказался и жил в Бийске как частное лицо. 15 декабря 1919 г. арестован и 6 февраля 1920 г. расстрелян по приговору коллегии Алтгубчека. Реабилитирован 17 марта 1996 г.

Помощником В. И. Верещагина был на сей раз один из классных наставников училища Константин Михайлович Басов. В поездке он взял на себя хозяйственные хлопоты.

Поездка была рассчитана на 45 суток, фактически проехали 47. Путевые расходы определены были в 80 руб. с человека, из расчета 1 руб. 70 коп. в день. Шестеро беднейших учеников поехали за счет Родительского комитета, еще трое – за половинную плату.

И на сей раз реалисты ехали не любоваться красотами природы Кавказа и Крыма, а учиться, потому и захватили с собой примерно такое же снаряжение, как и при поездке в Горный Алтай в 1909 г. Некоторые взяли с собой даже учебники по географии России.

«Такая работа, – по словам В. И. Верещагина, – не только заставляет ученика внимательнее присматриваться к окружающему миру, ставит его ближе к природе, но и дает ему возможность делать целый ряд открытий (неизвестное растение, насекомое), которые доставляют высокое наслаждение юному натуралисту».

В этом В. И. Верещагин видел главную пользу «образовательных экскурсий».

Перед выездом он счел нужным предупредить учеников, что предстоящая поездка – «не веселый пикник». Она представляет некоторые трудности. Могут случиться перебои с питанием, возможны ночные пересадки, придется пройти почти двести верст пешком... (первоначально намечался пеший переход по Военно-Грузинской дороге, но он не был осуществлен).

Но кого из юных когда-нибудь пугала романтика дальних странствий?..

Главное внимание в ходе экскурсии намечалось уделить Крыму, но не удалось заранее договориться о помещениях для временного проживания в Ялте. Тогда руководство реального училища списалось с кавказскими учебными заведениями, и те согласились принять барнаульских реалистов.

7-го июня 1910 г. экскурсанты выехали пароходом до Новониколаевска (ныне Новосибирск), оттуда – поездом до Самары, из Самары – пароходом по Волге до Царицына (ныне Волгоград), оттуда поездом в Пятигорск, из Пятигорска – во Владикавказ; дальнейший их путь пролегал через Тифлис (Тбилиси), Боржоми, Батуми, Сухуми, Новый Афон, оттуда – пароходом в Севастополь.

Из экономии средств реалисты билеты брали: на поезда – в вагоны 3-го класса, на пароход – в каюты 2-го класса. На остановках

по предварительной договоренности пользовались бесплатными помещениями всюду, кроме Москвы. Например, в Пятигорске реалисты размещались в доме Кавказского горного общества, во Владикавказе – в русско-еврейской школе, на Военно-Грузинской дороге – в рабочей казарме, духане (трактире), почтовой станции, в Тифлисе, Сухуми, Севастополе – в местных реальных училищах, в Батуми – в мужской гимназии, в Новом Афоне – в монастырской гостинице. Правда, там их приняли не очень любезно, единственный случай за всю поездку. А в Ялте и в Москве вообще не нашлось бесплатного жилья для юных барнаульских туристов.

Описать эту необыкновенную экскурсию, встречи и переживания ее участников я не берусь. Перечислю лишь самое интересное из того, что они повидали:

– В Самаре – памятник Александру Второму и величественный парк при нем;

– В Саратове – Радищевский музей и собор;

– В Пятигорске – памятник М. Ю. Лермонтову, грот М. Ю. Лермонтова; совершили восхождение на гору Машук, побывали на месте дуэли М. Ю. Лермонтова с Мартыновым. Отсюда же съездили на короткое время в Кисловодск, Железноводск, Ессентуки, поднялись на гору Бештау, откуда открывался потрясающий вид на Эльбрус;

– В Тифлисе посетили военный собор, гробницу А. С. Грибоедова в монастыре св. Давида, Ботанический сад, краеведческий музей, серные бани;

– В Батуми впервые увидели море, побывали на чайной плантации, посмотрели, как производится сбор чая и его обработка;

– В Сухуми посетили Ботанический сад;

– В Феодосии – картинную галерею И. К. Айвазовского;

– В Севастополе – собор, музей Севастопольской обороны, Приморский бульвар, панораму «Взятие Ахульго», броненосец «Святой Пантелеймон», Морской аквариум, покатались на парусных лодках по Севастопольской бухте, полюбовались игрою дельфинов, пытались ловить медуз;

– В Москве – храм Христа Спасителя, Кремлевские соборы, Оружейную палату, Большой кремлевский дворец, Третьяковскую галерею, Исторический музей, Зоологический сад.

Каждый реалист увез с Кавказа маленькую коллекцию горных пород, собранную им лично, а кое-кто даже маленьких черепашек, на которых они наткнулись около Мцхета.

Согласитесь, впечатлений от такой поездки любому человеку хватило бы, наверное, на всю жизнь!..

Ученики, можно сказать, наглядно познакомились с географией России, ее историей, растительным и животным миром, углубили свои знания в геологии, минералогии, получили практику в коллекционировании, ведении метеонаблюдений и т. д.

Но планы по Кавказу и Крыму были еще обширнее. Не удалось из-за отсутствия бесплатного помещения в Ялте провести экскурсию вокруг этого города. Была отменена, по совету местных жителей (подробности неизвестны), поездка в Боржоми и Гурзуф.

Родительский комитет реального училища снова письменно выразил благодарность руководителям экскурсии.

«Многоуважаемый Виктор Иванович!

Благодаря Вашим трудам и заботам совместно с Константином Михайловичем Басовым, была благополучно выполнена и вторая экскурсия учеников Барнаульского реального училища.

Мы, родители, участвовали в ней средствами, Вы же отдали ей свое время, свой труд и душу – и вдохнули в нее тот смысл и содержание, которые только и могут даны любящей детей душой.

Глубоко понимая это и ценя, мы, родители, за Вашу любовь к нашим детям приносим Вам и Константину Михайловичу Басову наше искреннее уважение и глубокую благодарность!»

7

К сожалению, после восстановления советской власти В. И. Верещагин уже не смог провести ни одной «образовательной экскурсии», хотя и продолжал работать в школе. В любимый его сердцу Горный Алтай ездить стало опасно: он тоже был охвачен гражданской войной, а с 1920 г. там запыхали крестьянские мятежи, вызванные грабительской продразверсткой, а также перегибами местных партийных и советских органов.

Ну а главная, пожалуй, причина – это небывалая разруха и всеобщее обнищание, порожденные двумя войнами. Не до экскурсий стало. Верещагину лишь одному – и в основном за свой счет удалось съездить в 1925, 1926 и 1927 годах для ботанических сборов в район

Семипалатинска, Мало-Красноярска, Катон-Карагая. На этом его поездки закончились.

Собранный им материал он всегда обрабатывал сам, делая его доступным для широкого пользования. Качество обработки высоко оценено специалистами.

В его публикациях об итогах экспедиций наряду с ботаническими есть немало ценных геологических, этнографических, географических и др. сведений, уточнены названия встреченных горных хребтов, рек, озер, переправ, селений, что послужило основанием для некоторых исправлений в географических картах. Значительная часть его сборов, кроме Алтайского краеведческого музея, находится в Гербарии имени П. Н. Крылова при Томском государственном университете, Гербарии Ботанического института Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург), Омском сельскохозяйственном институте.

8

До революции в Барнауле, кроме реального училища, были следующие учебные заведения:

- Мужская гимназия (с 1912 г.);
- Женская казенная гимназия (с 1900 г.);
- Женская гимназия М. Ф. Будкевич (с 1908 г.);
- Женская прогимназия Н. Н. Красулиной (с 1914 г.);
- Народная гимназия Общества попечения о начальном образовании в Барнауле (с января 1917 г.);
- Торговая школа (с 1911 г.);
- Механико-техническое училище имени И. И. Ползунова (с 1916 г.);
- Духовное училище (с 1868 г.);
- Нагорная (с 1885 г.) и Зайчанская (с 1891 г.) начальные школы Общества попечения о начальном образовании в Барнауле;
- Учительская семинария (с сентября 1915 г.) для подготовки учителей начальных классов;
- Пять (?) Высших начальных училищ (ВНУ);
- Церковно-приходские школы.

Учебные заведения имели разное предназначение и, следовательно, разные программы и сроки обучения, а также разный размер оплаты (там, где она была введена). Таким образом,

и родители, и дети имели возможность выбирать, что им больше по наклонностям и достаткам.

Но вот 15 февраля 1920 г., то есть сразу после восстановления советской власти в Барнауле и на Алтае, губернский отдел народного образования (губоно) первым же своим постановлением закрыл все учебные заведения в Барнауле, за исключением учительской семинарии¹⁶ и механико-технического училища имени И. И. Ползунова. Вместо них была введена Единая трудовая школа (ЕТШ) первой (1–5 классы) и второй (6–8 классы) ступеней.

Столь революционная реформа народного образования мотивировалась тем, что якобы в царской буржуазной школе учебный процесс был построен на зубрежке, в советской же – основой обучения и воспитания станет труд.

По-революционному поступили и с учителями. Тем же постановлением губоно они все до единого были уволены, однако им сразу предложили написать заявления о... приеме на работу и одновременно заполнить анкету, в которой высказать свое отношение к советской власти вообще и к Единой трудовой школе в частности.

Революционный лозунг: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья...» был осуществлен даже в изменении названия работников народного образования. Всю жизнь их называли учителями, преподавателями, педагогами, теперь же для них вполне официально было установлено другое: школьный работник, или по моде тех лет на сокращения: шкраб. Похоже на кличку, не правда ли?..

Для тех шкрабов «старой школы», кто не мог самостоятельно осилить особенности педагогики в ЕТШ (как воспитывать трудом, а не зубрежкой) были организованы краткосрочные курсы, «самокурсы».

Не избежал проверки на «профпригодность» и В. И. Верещагин. В 1920 г. (месяц и число не указаны) он вот что писал в губоно:

«Ввиду того что с наступлением экскурсионного периода я предполагаю продолжить работу по сбору материалов для Алтайского

¹⁶ Они тоже просуществовали недолго. Учительская семинария в 1920 г. была преобразована в педагогические курсы, а механико-техническое училище – сначала в механический, а в 1924 г. – сельскохозяйственный техникум, и наименование его в честь И. И. Ползунова было утрачено.

музея по изучению флоры, а с приездом в Барнаул экспедиции по изучению вредителей сельского хозяйства в Алтайской губернии, предполагаю принять участие в работе этой экспедиции, прошу экспертную комиссию освободить меня от участия в самокурсах по подготовке преподавателей, а для определения моей квалификации как школьного работника принять две последние мои работы: а) «Материалы для ботанических экскурсий в окрестностях Барнаула» и б) «Алтай как район образовательных экскурсий».

Последняя работа войдет в виде отдельной главы в мою книжку «Очерки Алтая», которая будет печататься Алтгосиздатом и включает в себе довольно много материала, полезного для руководителей алтайских общеобразовательных экскурсий. Педагогический стаж мой – 21 год.

Зав. учебной частью 4-й сов. школы (В. Верещагин)».

Новая власть хоть и вынуждена была держать в школах учителей, доставшихся от «проклятого царского режима» (за исключением священнослужителей – преподавателей Закона Божия, те были сразу изгнаны); оставляя же остальных, новая власть не скрывала, что явление это временное, ибо полной веры им нет.

Был сразу распущен Учительский профсоюз, вместо него создан новый – «Союз работников просвещения и социалистической культуры», но принимались в него (во всяком случае поначалу) только члены РКП(б) и «сочувствующие» (так называли тогда кандидатов в члены РКП(б)).

Были сразу же приняты меры по подготовке «пролетарских» учительских кадров. В марте 1920 г. в Барнауле открылись шестимесячные «Курсы красных учителей». Задача им ставилась такая:

«Приготовить из недр рабоче-крестьянской массы сознательных и активных красных учителей для новой трудовой школы, которые будут в то же время активными работниками социалистического строительства и сознательными борцами за мировой коммунизм».

На курсы зачислялись по направлению волревкомов, волисполкомов и других «пролетарских организаций» лица от 16 до 40 лет, пролетарского происхождения, с образованием не ниже двух классов. Всего на курсы было набрано 356 человек, из них две трети – из крестьян.

Надо сказать, что от желающих стать учителями, как говорят, отбою не было. И старание в учебе у принятых на курсы тоже, судя

по всему, было огромное. Но одного старания оказалось мало, чтобы с двумя классами одолеть программу курсов. По их окончании Совет курсов вынужден был признать, что 120–130 человек не могут быть выпущены учителями из-за крайне слабой подготовки. Вряд ли Совет курсов можно заподозрить в чрезмерной строгости, еще меньше – курсантов в халатном отношении к учебе. Но не все в жизни берется с налету!..

Впрочем, шанс на осуществление своей мечты неуспевающим курсантам был дан.

«Принимая во внимание, – говорится в постановлении Совета курсов, – что на означенных лиц были израсходованы средства Республики, желательное продолжение для них образования, чтобы они вышли культурными работниками деревни. Предложено их перевести на педагогическое отделение рабфака».

Прошло это предложение или нет, выяснить не удалось.

В том богатом реформами году возникло еще одно неожиданное препятствие на пути развития школьного образования в Барнауле. Когда губнаобраз закрыл все учебные заведения в городе, а новые школьные коллективы скомплектовать не успел, опустевшие школьные здания заняли части 26-й Златоустовской стрелковой дивизии, вошедшей в город 13 декабря 1919 г. А несколько раньше, 10 декабря, в Барнаул вступил 7-й полк «Красных орлов» партизанской армии Ефима Мамонтова. Тем и другим нужна была крыша над головой, все же декабрь на дворе, в городе после страшного пожара, случившегося 2 мая 1917 г., жилья и без того ох как не хватало!..

Выселить военных из школьных зданий оказалось делом непростым. Да и куда их выселять?..

В результате к осени 1920 г. была открыта лишь небольшая часть школ 1-й ступени, но и в те принимали в первую очередь детей членов профсоюзов, то есть работающих пролетариев.

Наверное, излишне напоминать о бедственном положении с учебниками, тетрадами, отоплением, освещением школ и т. д. Писать дети учились – я не выдумываю – палочкой на ящике с песком, гвоздем на гладко выструганной доске, чернила делали из сажи, вместо бумаги использовали старые газеты и книги, если их удавалась достать.

Не менее бедственным было и положение учителей («шкрабов»).

Заработная плата их в то время состояла из трех частей: вещевого, «продпайка» и «дензнаков». Впрочем, «дензнаки», то есть деньги, тогда, в разгар небывалой инфляции, существенной роли не играли. Ими впопых было стены оклеивать.

О вещевой части оплаты «шкрабов» красноречиво говорит протокол № 12 заседания месткома, губнаробраза от 21 апреля 1921 г. (привожу в сокращении):

«...2. По заявлению о выдаче обуви тт. Белоглазовой, Голдыревой, Кукарцева, Щеголихиной, Логиновой, Разливаевой, Герасимовой, Ивановой постановил: из оставшихся в распоряжении месткома одной пары чиненых сапог и двух пар бродней выдать одну пару чиненых сапог т. Богомоловой и две пары бродней¹⁷ предоставить в распоряжение завпрофобром для распределения между самыми нуждающимися и необходимыми работниками из числа подавших заявления. По остальным заявлениям вопрос оставить открытым за неимением обуви.

3. О распределении трех пар резиновых галош.

Три пары резиновых галош распределить между всеми членами коллектива, состоящими в Союзе Всеработпрос¹⁸ (16 человек). Для производства этого розыгрыша назначить комиссию, включив в нее от губнаробраза тт. Вахрушева и Афонина, а от месткома – т.т. Бастрыгину и Ушакова...»

Может, кому-то покажется смешным создание комиссии для распределения трех пар резиновых галош и пр., только смешного тут мало. Больше грустного.

Теперь о продпайке. Он был, как уже говорилось, главной частью зарплаты (и не только у «шкрабов»), но и без преувеличения – главным источником существования. Основу его составляла мука. В июле 1921 г. норма ее выдачи на месяц была такой:

– рабочим ударных предприятий, ответственным работникам (они и тогда о себе не забывали) – 25 фунтов в месяц (в фунте – 400 граммов);

– остальным рабочим, совслужащим (в том числе учителям, инвалидам, пенсионерам, семьям красноармейцев (кроме их детей) – 18 фунтов;

¹⁷ Бродни, бахилы – крестьянская обувь с мягкими голенищами, которые подвязываются под лодыжками и под коленками (по В. И. Далю).

¹⁸ Профсоюз работников народного просвещения.

- взрослым членам семей рабочих и служащих – 5 фунтов;
- детям 5–6 лет – 13 фунтов;
- детям 1–5 лет – 9 фунтов.

В пайке предусматривался набор и других продуктов (если они были в наличии): картофеля – 30 фунтов, мяса – 5 фунтов, масла коровьего – один фунт, сахара – 2,5 фунта.

Нормы эти нередко менялись, чаще – в сторону уменьшения. В условиях небывалой разрухи, засухи в Поволжье и ряде других губерний Правительство принимало героические усилия, чтобы спасти население от голодной смерти.

В таких тяжелейших условиях учителя, родители учащихся, руководство города старались делать все возможное для спасения школы. Родители нередко прибегали к самообложению (в основном мукой) на ремонт школы, ее отопление и освещение, а порой и на добавку к скудной учительской зарплате.

Плата за обучение взималась также мукой – полтора пуда (24 кг) в год. От платы освобождались дети беднейших родителей, красноармейцев, инвалидов, но не более одной четверти от общего числа учеников.

В декабре 1921 г. горисполком выделил каждой школе по три десятины земли под огороды. Были разрешены частные школы (разумеется, платные). В 1922 г. в Барнауле действовало 12 таких школ, но училось в них всего 120 человек, так что существенной роли они не играли.

Большим подспорьем служила периодически проводившаяся в городе «Неделя помощи школе». В одну из таких «недель», 1–7 февраля 1922 г., рабочие Главных железнодорожных мастерских, например, постановили отчислять двухдневный денежный заработок и по одному фунту муки ежемесячно вплоть до 1 сентября; служащие горисполкома, губчека, кожевенного, овчинного и других заводов – ежемесячно однодневный заработок до конца года. В ту же неделю силами родителей-добровольцев был проведен не терпящий отлагательства ремонт школ, исправлены печи; союз транспортных рабочих подвез и распилил дрова. Задача эта была далеко не простой: дрова школам выделялись... бревнами, которые находились на берегу Оби.

За ту же неделю сумма пожертвований вместе с другими сборами (от спектаклей и пр.) составила 324 864 746 руб.

Так вот, всем миром, как говорится, одолевали беду...

Все, что выпало на долю других учителей, не миновало и Виктора Ивановича Верещагина. Чтобы как-то прокормить семью, он вынужден был работать в нескольких учебных заведениях (учреждениях) одновременно. Вот где трудился он после закрытия реального училища:

01.1920 – 01.03.1922. Заведующий ботаническим отделом Алтайских губернских мастерских наглядных пособий.

01.01.1923. Заведующий отделом фитопатологии станции защиты растений.

01.02.1923 – 01.09.1923. Преподаватель естествознания и заведующий учебной частью 4-й советской (так!) школы.

15.07.1923 – 01.09.1924. Преподаватель естествознания в Барнаульском рабфаке¹⁹ (до его закрытия).

01.07.1924 – 01.09.1927. Преподаватель естествознания в педагогическом техникуме.

01.10.1924 – 04.02.1933 и с 04.06. по 16.07.1933 – преподаватель ботаники, зоологии, а с 1927 года – геологии с основами минералогии и кристаллографии в зоокормветтехникуме (позже переименован в техникум животноводства и молочного хозяйства, затем – в сельскохозяйственный).

01.10.1932 – 02. 1933 – преподаватель естествознания на высших педагогических курсах.

01.11.1899 – 02.1933 (до ареста) – научный сотрудник краеведческого музея (до 1923 г. – на общественных началах).

И везде он трудился с полной отдачей сил. По-другому не умел. Вот какую характеристику дал ему 14 мая 1928 г. заведующий сельскохозяйственным техникумом Журавлев (инициалы не указаны), где В. И. Верещагин проработал около десяти лет:

«...Несмотря на слабое здоровье, проявил себя с самой лучшей стороны не только как аккуратный и безупречный педагог, но и как организатор-методист в деле постановки нормальной педагогической работы техникума.

¹⁹ Барнаульский рабочий факультет (рабфак) – общеобразовательное учебное заведение для взрослых. Открыт 17 августа 1921 г. Готовил в вузы рабочих и крестьян. Осенью 1924 г. переведен в Омск. Ныне функции рабфаков выполняют подготовительные отделения вузов.

Являясь по натуре исследователем, тов. Верещагин со свойственным ему жаром и увлекательностью внес творческий дух исследователя в повседневный обиход педагогического процесса техникума и широко способствовал выявлению у слушателей критического мышления с их творческо-индивидуальным оформлением.

Признавая неотъемлемые труды тов. Верещагина на поприще научно-исследовательской работы и большую занятость в области общественно-педагогической деятельности, коллектив преподавателей техникума горячо поддерживает ходатайство т. Верещагина и осмеливается выразить надежду, что герою культурного фронта, отдавшего всю свою жизнь на борьбу с темнотой и неграмотностью в одном из отдаленных провинциальных уголков нашего обширного Союза, в тяжелые дни старческой жизни будут оказаны должное внимание и помощь».

Речь идет о назначении 57-летнему В. И. Верещагину персональной пенсии в связи с инвалидностью²⁰.

Это ходатайство поддержало правление Томского государственного университета, основываясь на отзыве, данном В. И. Верещагину профессором П. Н. Крыловым, выдающимся ботаником, организатором и бессменным руководителем Ботанического сада и Ботанического музея при университете. Вот этот отзыв:

«Состоя на службе в Барнауле с 1899 года в качестве учителя и отчасти инспектора в бывшем реальном училище, имея возможность летом делать экскурсии на Алтай и в прилежащие к нему места, где и собирал ботанические и другие естественнонаучные материалы. Все это время (около 30 лет) он был постоянным и ревностным корреспондентом Гербария Томского университета, доставляя ему дубликаты собранных им растений и оказывая тем большую помощь автору «Флоры Алтая Томской губернии», а затем и «Флоры Западной Сибири», в составлении этих признанных, имеющих важное значение книг²¹.

В. И. Верещагин за указанный период сделал на Алтае и прилежащих к нему местах (преимущественно на свои средства) 17

²⁰ В 1928 г. из-за сердечной астмы (миокардита) В. И. Верещагин был признан инвалидом третьей группы. В заключении медицинской комиссии говорится: «Способен к легкому случайному (?) труду».

²¹ Автор обоих трудов – П. Н. Крылов.

экспедиций продолжительностью в среднем около двух с половиной месяцев каждая, изъездив в общей сложности по меньшей мере 20 000 верст пути, преимущественно по горным верховым тропам.

Им было собрано на Алтае около 2000 видов растений (включая, кроме высших, некоторые споровые растения); из этого числа – свыше 50 видов новых для Алтая, ранее его там не находимых и 5 видов совсем не известных ранее – новых для науки. Кроме ботанического, им был собран также обширный зоологический материал (преимущественно по энтомологии).

К заслугам В. И. Верещагина следует отнести также создание им ботанического отдела в Барнаульском музее, где он работал в течение 28 лет, равно как и в Алтайском отделе РГО, которого он состоит почетным членом. В честь его названы его именем 5 видов из представителей растительного и животного царства.

Из его учеников – воспитанников бывшего Барнаульского реального училища, принимавших участие в его научных экспедициях и работах, один (Н. Плотников) состоит в настоящее время ассистентом при кафедре ботаники Сибирской сельскохозяйственной академии в Омске и производит уже самостоятельные ботанические исследования; другой – так же в Сибирской сельскохозяйственной академии специализируется по геологии; третий работает ассистентом при кафедре зоологии во Владивостокском университете.

В. И. Верещагин напечатал в разное время девять работ, касающихся Алтая. Простудившись прошлым летом во время своих ботанических работ в белках Нарынского хребта, он серьезно заболел астмой и этой зимой не мог посещать службу в школе 2-й ступени, почему и нуждается в пенсии.

12 марта 1928 г.

П. Н. Крылов».

Увы, эти ходатайства не помогли. Персональная пенсия местного значения в размере 300 руб. в месяц была назначена ему лишь 21 октября 1948 г. решением Алтайского крайисполкома.

Наверное, теперь никому не надо объяснять, что означали в те годы слова: «социально-чуждый элемент» или просто «нетрудовой элемент». Было и другое, более оскорбительное название: «бывшие

люди». И пустил его в оборот не кто иной, как Сталин в докладе на январском (1933 г.) объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). С тех пор оно не сходило с газетных полос, звучало с самых высоких трибун.

Народу внушалось и, к сожалению, не без успеха, что все «бывшие» – скрытые враги советской власти, главная преграда на пути победившего пролетариата к «светлому будущему», и чем быстрее убрать их с дороги, тем лучше.

И убирали. Реки крови пролили. Только путь к светлому «будущему» от этого короче не стал.

«Бывшие люди» оказались в родной стране на положении изгоев. Каким только ограничениям и унижениям их не подвергали!

Вот лишь несколько примеров, вычитанных мною из газеты «Красный Алтай»:

В марте 1920 г. в Барнауле был установлен такой порядок бесплатной помывки в общественных банях: кочегары, трубочисты и представители других наиболее грязных профессий – еженедельно (с отметкой в трудовой книжке); остальные рабочие – один раз в две недели; служащие, инвалиды – один раз в три недели. В конце постановления говорилось: «Нетрудовой класс права пользования общественными банями не имеет».

Рабочим, служащим, инвалидам было предоставлено право один раз в месяц бесплатно стричься в парикмахерских, «нетрудовому элементу» – ни разу!

По размерам продпайка «бывшие люди» приравнивались к... детям 1–3-х лет: 12 фунтов муки в месяц (рабочие получали 36 фунтов).

Детей «бывших» принимали в школу в последнюю очередь и за самую высокую плату (дети пролетариев учились бесплатно). А в высшие учебные заведения удавалось пробиться лишь единицам: почти неодолимым препятствием служила отметка в анкете о «соц. происхождении».

«Бывшим» (по крайней мере, у нас в Барнауле) запрещалось предоставлять квартиры в казенных домах, а тех, кто жил в своих, «уплотняли», вселяя бедноту, да еще и конфисковали для них у хозяев «излишнюю» мебель. Бывало и хуже: хозяев вообще выселяли в лачугу, освобожденную бедняком.

Лишь смерть уравнивала «бывших» со всеми. Для каждого умершего, независимо от его классовой принадлежности, бесплатно

предоставлялись могила, гроб и лошадь для перевозки покойного на кладбище.

С января 1920 г., то есть сразу после восстановления советской власти на Алтае, в газете «Красный Алтай» (с 11 октября 1937 г. – «Алтайская правда») стали появляться списки расстрелянных под красноречивым названием «За что карает Чека?». В списках были в основном каратели и их пособники, виновные в расправах над сторонниками советской власти.

Но «бывших людей», на ком крови не было, пока не трогали. Более того, некоторым ответственные должности доверяли, нужда заставляла, нехватка специалистов и вообще грамотных людей. Так, бывший член Учредительного собрания эсер Акиндей Шапошников возглавил городской отдел народного образования, кадет Андрей Велижанин стал заведующим губернской больницей, меньшевику Порфирию Казанскому доверили преподавать географию, русский язык и литературу в элитных, находящихся под опекой губкома РКП(б) учебных заведениях: губсовпартшколе, рабфаке, школе имени III Коминтерна (на рабфаке он был даже заведующим учебной частью).

Нравилась им советская власть или нет – другой вопрос, но трудились они с полной отдачей, по-другому не умели. Вот бы и дальше так-то! Сколько ценных работников было бы сохранено, сколько пользы принесли бы они людям, Отечеству!..

Но большевикам угодно было и дальше разжигать классовую борьбу. Начались масштабные чистки предприятий, учреждений, учебных заведений от «социально-чуждого элемента».

Вот лишь один пример. 6 марта 1930 г. в газете «Красный Алтай» появилось объявление о том, что в здании 6-й школы состоится чистка аппарата окружного отдела народного образования. Приглашались на это действие «рабочие, педагоги и учащиеся старших классов, все желающие».

Нетрудно представить, в какой обстановке, в какой тональности проходили эти чистки. По всей вероятности, проработке подвергались не только «социально-чуждые», но все, кому-либо чем-либо не угодившие, и вряд ли такая проработка была товарищески выдержанной, ибо велась она с «классовых позиций»! Не позавидуешь тем, кто эту чистку на себе испытал! Чистки

проходили и в учебных заведениях, но там детей «социально-чуждых» чаще всего просто исключали. Так, в 1921 г. при «чистке» педагогического техникума было исключено сразу 20 человек из 76.

Но это было еще не самое страшное. За чистками и увольнениями начались массовые беспричинные аресты «бывших людей».

Жертвой политических репрессий стал и Виктор Иванович Верещагин. К категории «бывших людей» он подходил сразу по нескольким признакам: «сын попа», бывший кадет, при царе имел довольно крупный чин статского советника и три ордена, при Колчаке избирался гласным в городскую думу.

Неважно, что отец его умер еще в 1905 г. и был вовсе не мироед, а добрый совестливый сельский батюшка из небогатого прихода, прекрасный отец и семьянин. Чин статского советника и ордена В. И. Верещагин получил за выслугу лет и беспорочную, как тогда говорили, службу на педагогическом поприще. При всех режимах он занимался одним и тем же благородным делом: учил детей ботанике, а точнее – любви к природе, к Отечеству. В партию кадетов он вступил, можно сказать, за компанию с другими. «Все вступали, и я вступил», – признавался он позже сотруднику музея Н. А. Камбалову. В партии просто числился, никакой работы не вел. А после 1917 г. эта партия прекратила свое существование. Что касается городской думы, то в 1918 г. В. И. Верещагин действительно баллотировался в нее, но по числу голосов стал лишь кандидатом в гласные. А когда через некоторое время ему предложили заменить одного из выбывших, он наотрез отказался, и на этом его политическая карьера закончилась.

Чем же провинился перед советской властью старый ботаник, один из лучших в городе преподавателей?

Повод нашелся. Органам ОГПУ стало известно, что в доме садовода-селекционера Николая Ивановича Давидовича нередко собираются: бывший мировой судья Афанасий Афанасьевич Васильев, бывший кадет, заведующий губернской больницей Андрей Петрович Велижанин, бывший меньшевик, преподаватель географии, русского языка и литературы Порфирий Алексеевич Казанский, бывший колчаковский офицер, преподаватель сельскохозяйственного техникума Сергей Кондратьевич Сабардин. Все они были уже в преклонном возрасте, знакомы не один десяток лет, а Давидович с Сабардиным и Васильевым даже состояли в родстве.

Бывал на таких сборищах и В. И. Верещагин. В своем кругу старики отводили душу в откровенных разговорах. Позже на допросе А. А. Васильев показал, что они «на основе глубокого анализа правительственной политики» пришли к таким выводам:

«– Демократия в стране подавлена бюрократическим аппаратом;

– Свободы слова, свободы печати нет. Всякая мысль, хотя бы она была направлена на пользу страны, если она не совпадает с идеями коммунизма, рассматривается, как контрреволюционная;

– Выборы органов управления происходят под партийным нажимом. Люди, способные к управлению, но беспартийные, оттираются».

Мы теперь хорошо знаем, что Васильев говорил истинную правду. Но мы знаем и то, что полагалось тогда за такую правду. А «бывшим» – тем более.

На их счастье, ежовско-бериевские времена еще не наступили, и отделались они довольно легко. «За антисоветские разговоры» Васильев, Давидович и Сабардин были сосланы на три года каждый из Западной Сибири в Восточную, Велижанин приговорен к пяти годам лагерей (условно), а Казанского и Верещагина вообще освободили после соответственного внушения.

Впрочем, ссылка была не таким уж слабым наказанием. Вот что писала дочь Н. И. Давидовича Екатерина Николаевна Дубакина полномочному представителю ОГПУ по Западно-Сибирскому краю 25 августа 1933 г.:

«...Мой отец Н. И. Давидович и два дяди, А. А. Васильев и С. К. Сабардин, высылаются в Восточную Сибирь. Все трое – старые, больные, постановлением медицинской комиссии признаны инвалидами. Отец, в прошлом землеустроитель, а ныне пловод-экспериментатор, 20 лет работает над проблемами акклиматизации плодовых деревьев в Западной Сибири, вывел прекрасные сорта вишни, сливы, крупноплодных яблок. На основании опытов писал фундаментальный труд, но не успел его закончить. Васильев – его главный помощник и последователь. На участок постоянно являлись экскурсии, отец читал им лекции. В Барнаульском музее есть отдел, посвященный пловодству в Сибири, оборудованный Давидовичем и Васильевым. Их деятельность полезна, за выгодой не гнались.

Теперь опытный участок взял Лесотрест. Его директор приезжает сюда с дамами и детьми, они обрывают недозревший семенной материал.

Сабардин – прекрасный преподаватель химии и агроном, он окончил Казанский университет и Московский сельскохозяйственный институт. Все трое могли бы еще долго работать и приносить пользу. А так дело их захиреет и, может быть, погибнет.

Мичурина у нас знают, о Бербанке²² тоже слышали, а вот тут, на глазах у всех, разрушается дело, гибнет культурная работа всей жизни, причина же всему какое-то недоразумение. Помогите же людям, ни в чем не повинным!»

Вероятно, письмо помогло, да и ежовско-бериевские времена еще не наступили: все трое были освобождены досрочно.

Однако пережить 1937-й г. посчастливилось лишь Николаю Давидовичу, возможно, потому, что из ссылки он не вернулся в Барнаул, а поселился в г. Бердске.

12

5 февраля 1933 г. дошла очередь и до В. И. Верещагина. Вместе с ним были арестованы два внештатных сотрудника Барнаульского краеведческого музея: Николай Михайлович Вторых и Василий Васильевич Грейлих. В тот же день все трое были этапированы в Новосибирск, в ОГПУ.

А уже 9-м февраля датированы «чистосердечные» признания В. И. Верещагина, причем он собственноручно их написал, его красивый каллиграфический почерк ни с чьим другим не перепутаешь.

Написал-то сам, но очень похоже, что под диктовку чекиста-следователя, человека, по всей вероятности, малограмотного но набившего руку на фабрикации подобных дел. Ряд речевых оборотов в «признаниях» В. И. Верещагина совсем не свойственен ему. Судите сами, читатель.

«Встав на путь чистосердечного признания и раскаиваясь перед советской властью, считаю необходимым по существу предъявленного мне обвинения показать следующее:

Вокруг Барнаульского музея объединилась группа бывших людей:

Лебедев Валентин Петрович, сын попа;

Вторых Николай Михайлович, сын судебного пристава;

Няшин Григорий Дмитриевич, сын атамана казачьей станицы;

²² Бербанк Лютер (1849–1926), американский селекционер-дарвинист, автор многих сортов плодовых, овощных, полевых и декоративных культур.

Казанский Порфирий Алексеевич, сын попа (на самом деле – чиновника тюремного ведомства. – В. Г.);

И я, Верещагин Виктор Иванович, сын служителя религиозного культа.

Перечисленная выше группа лиц, будучи по своему социальному положению представителями буржуазного класса, вела определенную контрреволюционную работу. Зарождение антисоветской контрреволюционной группы относится к моменту существования в Барнауле отдела Русского географического общества, влившегося впоследствии в Общество изучения Сибири и ее производительных сил, затем расформированного за контрреволюционную деятельность, после чего данная контрреволюционная группа центр тяжести своей контрреволюционной деятельности перенесла на музей.

Контрреволюционное влияние на нашу группу шло также по линии Общества изучения Сибири и ее производительных сил, из краевого управления Общества, в составе которого сидели контрреволюционно настроенные люди, как-то: генерал Болдырев²³, колчаковский министр Краснов²⁴, активный земский работник Черемных и др.

Признаю свою вину перед советской властью в том, что я состоял членом указанной контрреволюционной группы, сложившейся вокруг Барнаульского музея и проводившей определенную контрреволюционную работу.

Более подробные показания дам дополнительно. Записано мной собственноручно».

Вот и все следствие! Хотя бы один факт, одна улика!.. И тем не

²³ Болдырев Василий Георгиевич (1875–1936), генерал-лейтенант, бывший профессор Академии Генерального штаба, в империалистическую войну командовал корпусом, Армией. В 1918 г. – Главком войсками Уфимской Директории. С 1925 г. работал в Сибирской плановой комиссии, Обществе изучения Сибири и ее производительных сил. Автор воспоминаний «Директория, Колчак, интервенция» (Новосибирск, 1925). Репрессирован в 1933 г. Посмертно реабилитирован.

²⁴ Краснов Григорий Адрианович (1883–1933), окончил духовную академию и археологический институт в Петербурге. В 1918–1919 гг. возглавлял контрольное ведомство в Самарском комитете членов Учредительного собрания (КОМУЧ) и правительстве Колчака. После падения колчаковщины приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом к лишению свободы, но в 1922 г. амнистирован. Принимал активное участие в ряде сибирских научных и общественных организаций, автор статей по финансово-экономическим вопросам. Репрессирован в 1933 г. Посмертно реабилитирован.

менее «более подробных показаний», то есть второго допроса, не последовало. Надо полагать, чекисту С. И. Погодаеву оказалось вполне достаточно того, что написал под его диктовку старый учитель. Как он этого добился: уговорил, угрозами, а может, даже «физическим воздействием» принудил, мы можем только гадать. Сам же Виктор Иванович, насколько известно, никогда и никому об этом не рассказывал.

Несколько слов о тех, кто был назван В. И. Верещагиным, а скорей всего продиктованные следователем участники «контрреволюционной группы» (сведения эти, к сожалению, неполные).

Валентин Петрович Лебедев, преподаватель педагогического техникума, 27 сентября 1927 г. советом музея был избран заведующим. В 1932 (?) г. уволился и покинул пределы Алтая.

Николай Михайлович Вторых, 60 лет, в 1896 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета, до 1918 г. преподавал в гимназиях Риги и Петрограда, с 1918 г. – в Барнауле, преподаватель (вероятно, русского языка и литературы) в средней школе и финансово-экономическом техникуме; одновременно в 1921–1930 гг. – служащий в губернском статистическом бюро, а в 1930–1932 гг. – внештатный сотрудник краеведческого музея, где занимался изучением народных говоров Алтая, реестром надгробных памятников Нагорного кладбища (1928), состоял членом Совета Алтайского отдела РГО (1925–1928), был от Отдела направлен делегатом на сессию Центрального бюро краеведения в Москве (1926), а с 1931 г. исполнял обязанности заместителя председателя Алтайского отдела РГО. Истинной причиной его ареста стали две роковые строчки в анкете: «сын судебного пристава» («царского чиновника» – В. Г.) и «состоял в партии кадетов в 1905–1917 гг.».

Василий Васильевич Грейлих, 48 лет, окончил реальное училище и электротехнические курсы в Москве; перед арестом работал электротехником на строительстве меланжевого комбината. В свободное время, «для души», увлекался поисками в окрестностях Барнаула «малых полезных ископаемых»: гравия, песка и пр. Был членом ревизионной комиссии Алтайского отдела РГО. В политических партиях не состоял.

«Признания» В. В. Грейлиха на единственном допросе чуть не слово в слово совпадают с «признаниями» В. И. Верещагина. Это ли не доказательство, что у них был один автор?..

А вот Н. М. Вторых ни на допросе, ни на очных ставках с В. И. Верещагиным и В. В. Грейлихом виновным себя не признал!

К сожалению, это ему не помогло. На сей случай у чекистов была неопровержимая улика: «Вину не признал, но изобличен показаниями соучастников (или свидетелей)». А «соучастникам» Н. М. Вторых просто был вписан в протоколы их допросов.

Вздорность, надуманность, бездоказательность предъявленных им обвинений видны уже из того, что в июне 1933 г. под предлогом разгрузки мест заключения они были отпущены по домам. Однако в августе их забрали снова и без суда сослали на пять лет в Красноярский край. Вторых и Грейлиха загнали на Крайний Север, где они, по всей вероятности, и погибли.

Верещагину же, можно сказать, повезло. Не исключено, что кто-то замолвил за него словечко. Ведь к тому времени он был уже хорошо известен в научных кругах Сибири, и не только Сибири. Так это или не так, но он был направлен отбывать ссылку в заповедник «Столбы» Красноярского края, где все пять лет занимался научно-исследовательской деятельностью наравне с другими сотрудниками. Словом, эти пять лет для него, как для исследователя природы, не были потерями.

Когда ему объявили об окончании ссылки, он воскликнул:

– Я же еще работу не закончил!

Возможно, возможно. Только мне с трудом верится, что он так спокойно относился к несправедливому наказанию, разлуке с семьей, друзьями, волей. Никакая наука не могла ему этого заменить. Словом, в душу к нему никто не заглядывал. А работал он на самом деле самозабвенно. Вот что говорится в приказе по заповеднику «Столбы» от 7 ноября 1936 г.:

«Дорогой товарищ Верещагин!

Отмечаю Вашу большую работу в области ботаники по изучению флоры нашего заповедника. Ваша работа является важной частью той общей работы, которую проделали ученые по изучению природы нашего края на пользу социализма. В День 19-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции объявляю Вам благодарность за Вашу работу!

Директор госзаповедника (Кожуховский)».

Смелый был человек – директор заповедника! Не побоялся назвать, да еще в приказе, товарищем политического ссыльного, «врага народа»!..

А вот еще один документ: справка от 24 декабря 1934 года.

Директор музея Приенисейского края и заведующий госзаповедником «Столбы» удостоверяет, что В. И. Верещагиным с августа 1933 г. по декабрь 1934 г. проделана следующая научная работа:

1. Сделан доклад в краеведческом обществе о вредной книге Н. Н. Смирнова «Лекарственные и технические растения Восточной Сибири». Благодаря докладу, книга изъята из продажи.

2. Напечатана статья «Гербаризация и школа» в № 2 журнала «За политехническую школу».

3. Напечатана статья «Изучение флоры как форма массовой краеведческой работы просвещенца» в журнале «Просвещение Сибири» № 4.

4. Закончил статьи «Дикие растения Алтайского края» и «Ядовитые растения Алтайского края».

5. Принимал участие в приведении в порядок ботанического отдела музея.

6. Произвел флористическое обследование «Столбов», собрал гербарии: а) Цветковых и высших споровых растений; б) Мхов; в) Лишайников. И большое количество семян.

7. Подготовил к печати «Список растений» с указанием их хозяйственного значения.

8. Готовит к печати книгу «Материалы для ботанических экскурсий по госзаповеднику «Столбы».

9. Составил определитель растений госзаповедника «Столбы».

10. Производил фенологические наблюдения над растительностью госзаповедника «Столбы».

11. Исполнял с 20 мая по 1 октября 1934 г. обязанности заместителя наблюдателя метеостанции.

Директор музея и госзаповедника «Столбы» (Медведев)».

Вернувшись в Барнаул, В. И. Верещагин еще около года потратил на обработку собранного в госзаповеднике «Столбы» материала. В 1940 году в Москве вышла его книга «Инвентарь флоры Государственного заповедника «Столбы».

Работать над нею В. И. Верещагину пришлось в полуподпольных условиях. Его долго не прописывали в Барнауле, не принимали на работу и даже грозили снова посадить. Он вынужден был скрываться то у сына в селе Павловское, то у немногих друзей, уцелевших после массовых арестов, подвергая их немалому риску.

Несколько лет жил он на грошовую зарплату сотрудника-консультанта краеведческого музея, а точнее сказать – на иждивении у жены-учительницы, а зарплата учителей что тогда, что теперь всем известна.

Лишь в 1944 г., в разгар Великой Отечественной войны, ему позволили, наконец, преподавать ботанику в сельхозтехникуме, а позже – сельскохозяйственном институте, созданном на базе эвакуированного из Ленинградской области Пушкинского сельхозинститута (ныне Алтайский государственный аграрный университет).

С 15 июня 1944 г. В. И. Верещагин стал ассистентом кафедры ботаники, с 15 октября 1945 г. – и.о. заведующего этой кафедрой, а с 1 июня 1946 г. – доцентом.

В 1947 г. по ходатайству руководства института, поддержанному рядом сибирских ученых, Виктору Ивановичу Верещагину за выдающиеся заслуги в изучении сибирской флоры была присуждена – без защиты диссертации – ученая степень кандидата биологических наук. Вот лишь когда пришло признание – в 76 лет!

Из воспоминаний детей Виктора Ивановича – Ирины Викторовны и Бориса Викторовича:

«Что заставляло отца ехать в отдаленные труднодоступные места, подвергаться опасностям и лишениям? Прежде всего, желание изучать мир растений, богатейшую природу Алтая и рассказать о них людям, привлечь эти богатства на службу народного хозяйства.

Много времени и сил отнимали у него систематизация и обработка собранных в экспедициях материалов.

По рассказам мамы, вся комната квартиры на ул. Пушкинской от пола до потолка была завалена гербарными листьями и коллекциями. Нужно было определить названия растений, насекомых, минералов, обработать путевые заметки, написать статьи и очерки. А у него была еще преподавательская работа, другие служебные и общественные обязанности.

В. И. обладал необыкновенным трудолюбием и работал напряженно до конца своих дней, стараясь рационально использовать каждую минуту. Даже будучи единственным раз в жизни на курорте Аул, сейчас же занялся изучением и сбором растений, подготовил работу «Из ботанических экспедиций в окрестностях курорта Аул». Находясь в гостях у сына в Кишиневе, сейчас же отправился в музей и стал принимать участие в улучшении его экспозиций, написал об этом специальную статью в местную газету.

Совершенно не позволял ни себе, ни нам, членам семьи, пустого времяпрепровождения, праздных бессодержательных разговоров. Мог даже сделать замечания по этому поводу. Зато его беседы со специалистами были очень интересными.

Где бы В. И. ни работал, он всюду вносил дух творчества, высокой требовательности и непримиримости к недостаткам. В каждом деле требовал от себя и от других точности и аккуратности. Особенно нетерпим был к тем, кто безразлично относился к делу или, считая себя ботаником, неправильно называл растения. На ботанические ошибки в статьях немедленно отзывался рецензией. Заметив недостатки в работе Семипалатинского музея, с возмущением писал: «Киргизский отдел очень беден. Гербарий в крайне плохом состоянии и пользоваться им невозможно. Этикетки неуклюжи, написаны небрежно. Все не изящно, неряшливо, бессистемно». Критиковал он, невзирая на лица и обстановку, за что нередко приходилось расплачиваться.

Чтобы сохранить высокую работоспособность, в любую погоду совершал ежедневные прогулки и занимался физическим трудом. Однажды в метель заблудился и прошел мимо дома. С большим удовольствием работал в садике, собирал и выписывал для него неизвестные в Барнауле растения. У нас росли орех маньчжурский, виноград амурский, ландыш маньчжурский, актинидия с Дальнего Востока, роза «царица Севера» от И. В. Мичурина, ирга, желтоплодная малина и многое другое. Баклажаны вызывали удивление местных жителей синими плодами.

К растениям всегда относился с любовью и интересом, будь то дикорастущий вид или садовый сорт. С большим упорством, подвергаясь опасности, в течение двух дней настойчиво разыскивал в южном Алтае растение оксиграфис, которое указывал для тех мест побывавший там ранее ботаник В. Ф. Семенов. Очень

сожалел, что растение не удалось найти – «нас постигло великое разочарование».

В консультациях и определении растений В. И. не отказывал никому. Обращались к нему многие ученые, чтобы посоветоваться о маршруте, уточнить ареалы и названия растений, географические и этнографические сведения. Приходили туристы, учителя, школьники, люди, занимающиеся сбором лекарственных растений и многие другие. Все они получали квалифицированную, исчерпывающую и совершенно бескорыстную помощь.

Круг интересов исследователя был очень широк. Он не только хорошо знал ботанику, но и обладал обширными знаниями в области энтомологии, зоологии, геологии, географии, астрономии. Собирал не только растения, но и насекомых, в том числе тлей, для ученого-афидолога Л. К. Мордвилко, который особенно ценил сборы именно ботаников из-за важности вида растений, Л. К. Мордвилко именем В. И. назвал вид тли, найденной на клопогоне вонючем (*Cimicifuga foetida*) – *Macrosiphon veresczagini*. Вместе с тем знал и любил художественную литературу. Следил за событиями общественной и политической жизни, регулярно читал газеты и журналы. Хорошо рисовал, пел, часто украинские песни, пока не потерял голос из-за простуды в горах.

Память В. И. была очень богатой. Его сестры рассказывали, что учителя обвиняли его в дословной передаче материалов учебников, он же произвольно запоминал их. По памяти он рассказывал нам большие отрывки из произведений классиков. Очень ненавязчиво и непринужденно воспитывал в нас, своих детях, любовь к природе, растениям, знаниям, прививал нам вместе с мамой лучшие нравственные черты.

К сестрам, которые жили в деревне Турны, относился с большой заботой и любовью, помогал им материально. Воспитывал племянника Вику из большой семьи брата. Вика стал энтомологом и некоторое время работал в Барнаульском музее, позднее в г. Омске. Погиб в Великую Отечественную войну. Житейских хозяйственных дел В. И. не любил. Никогда не бывал в магазинах. Был очень нетребователен к бытовым условиям. Не терпел лжи, хитрости и невыполнения обещаний. С презрением относился ко всякого рода ловкачам, хапугам и спекулянтам, «доставалам». Несмотря на крайне стесненные материальные обстоятельства, в нашем доме никогда

не было культа вещей и денег. Сам же в быту был непрактичен и излишне доверчив. В результате утеряно много ценных книг, фотографий, рукописей.

Был очень скромн. По рассказам сестер, никогда не говорил, что он – первый ученик. Позднее никогда не упоминал о своих заслугах.

Не был лишен чувства юмора. Медлительных людей называл «из семейства копуш». Вспоминал, как один из посетителей, разыскивая его, спрашивал: «Но где мне найти главного гербария?» Он думал, что гербарий это человек.

Запомнился ему ученик Новицкий, копавший растения палочкой. На вопрос: «Где у тебя стамеска?» – тот отвечал: «Да она у меня в чемодане, на самом низу». «Почему же?» – «А чтоб не потерялась».

По многочисленным отзывам учеников и преподавателей, занятия В. И. всегда были очень интересными. Несмотря на глубокие знания, он тщательно готовился к ним и хорошо их иллюстрировал. Его уроки и лекции сопровождались опытами, демонстрацией живых растений, препаратов, гербарных образцов, фотографий, рисунков и т. д. Иллюстративный материал для занятий готовил сам. Во время занятий делал рисунки на доске. Причем мог стереть с доски носовым платком и положить меловую тряпку в карман. Но студенты прощали ему это за интересные занятия. Прививая своим ученикам любовь к природе, В. И. вел ботанические кружки, читал специальные лекции, занимался отдельно с теми, кто интересовался ботаникой и краеведением. Большое внимание уделял ботаническим экспедициям, сопровождая их увлекательными беседами. Об их содержании и характере можно судить по «Материалам для ботанических экспедиций в Алтайском крае» и другим работам. Они представляют ценное пособие для преподавателей до сих пор.

Для многих учеников общение с В. И. определило выбор профессии. С двенадцати лет экскурсировал с ним Николай Алексеевич Плотников. В результате увлекся ботаникой и остался ей верен всю жизнь. Долгое время он был заведующим кафедрой ботаники Омского сельскохозяйственного института. После совместных двухлетних экспедиций с В. И. поступил в Томский государственный университет и стал ботаником Г. П. Сумневич. А. И. Жилин, профессор Уральского политехнического института,

один из изобретателей минеральной ваты, переписывался с В. И. всю жизнь. «Вы первый возбудили во мне интерес к жизни», – писал он.

Одно из ярких воспоминаний нашего далекого детства – поездки и экскурсии с папой по заповеднику «Столбы». Будучи сосланным в Красноярск, он встретил в музее директора заповедника Кожуховского, который пригласил его заняться изучением растительности. Это был для папы, несомненно, счастливый случай, позволивший заниматься любимым делом и переселиться из квартиры на Каче, где хозяйка даже не позволяла стирать белье, которое ему приходилось присылать в Барнаул. Но и в заповеднике жилось нелегко. Сначала В. И. работал метеонаблюдателем. Нужно было вставать ночью (наблюдения были восьмикратными), отдыхать днем не представлялось возможности. Жить приходилось в конторе. Но больше всего огорчало ограничение времени на экскурсии. И тем не менее В. И. сразу же взялся за флористическое обследование растительности. Во время экскурсий папа рассказывал нам о растениях, животном мире, происхождении скал и многом другом. Знания его были очень обширны, и мы слышали много, много интересного из самых различных областей – геологии, географии, астрономии и др. Позднее В. И. переселили на 2-ю Поперечную в домик, где жил объездчик леса с семьей. Они с женой постоянно забирали у него продукты, а когда папа пытался возражать, еще и возмущались: «Берем, а как же, у нас дети».

Интересные беседы, пышная растительность тайги, причудливые выходы скал, величественная природа заповедника остались у нас в памяти на всю жизнь.

В ссылке папа научил одну женщину грамоте. Ему запомнилось как она сначала отказывалась учиться, говорила: «Да я не могу, да я женщина!»

После возвращения из ссылки В. И. долго не прописывали в Барнауле и не принимали на работу.

За него не побоялся заступиться начальник управления культуры крайисполкома Константин Сергеевич Владимирский. Он много помог отцу после его возвращения из ссылки, да и всей семье. Большой души был человек, вечная ему память!..

После ареста отца маму уволили с работы и долго никуда не принимали. Пришлось продать шкаф, стол, буфет, кое-что из маминых вещей. В войну и после войны тоже сильно бедствовали...

Мы с братом с благодарностью вспоминаем о том, что именно благодаря папе, научившему нас любить и понимать природу, оба стали натуралистами, как говорили в то время, брат – энтомологом, а я – ботаником».

Позволю себе сделать одно добавление. Из Красноярска В. И. Верещагин писал письма своим детям, но письма не простые. Девять из них были «астрономическими», два – «геологическими» и пять – «биологическими». В них в популярной, увлекательной форме излагал он детям (а им было по 10 лет, они близнецы) основы знаний по названным выше предметам. Это были дружеские беседы любящего отца. Письма хранятся ныне в краевом архиве, их и взрослым читать интересно.

Неудивительно, что дети пошли по стопам отца. Ирина Викторовна по окончании Плодоовощного института имени И. В. Мичурина (1946 г.) почти 60 лет работает в НИИ Садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко. Она ученый-цветовод, ботаник, автор двадцати трех книг и брошюр. Совершила более 30 экспедиций по изучению дикорастущих растений Алтая. Награждена орденом «Знак почета», тремя медалями Президиума Верховного Совета СССР, медалью, посвященной 150-летию почетного академика Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского, десятью медалями ВСХВ.

Борис Викторович – доктор сельскохозяйственных наук, профессор энтомологии, заслуженный деятель науки, лауреат Государственной премии, главный научный сотрудник института зоологии Академии наук Республики Молдова, живет и работает в Кишиневе.

Из воспоминаний Камбалова Николая Александровича:

«Виктор Иванович был моим консультантом с первого дня, как я пришел в музей. Всем, что я знаю, обязан ему. Он и после того, как уволился, каждую неделю приходил в музей, брал газеты, книги. Кроме художественной литературы, помню, интересовался философией. Наберет стопку, аккуратно перевяжет шнурочком (всегда одним и тем же) и возвращается домой.

На нас, молодежь, смотрел со скрытым сочувствием: недоучки. И был, пожалуй, прав. Иногда задерживался ненадолго, вступал в беседу. О политике не говорил никогда.

Помню, в последний год его жизни собрались мы в экспедицию в Горный Алтай. Узнав об этом, он стал просить, чтобы взяли его с собой. Очень ему хотелось вновь проехать по знакомым местам, вспомнить молодость. Но мы не решились это сделать из опасения

за его здоровье. Ведь было ему уже за восемьдесят, а машина толком не приспособлена, и дороги там известно какие ».

Виктор Иванович Верещагин скончался 10 октября 1956 г. от образования тромба в сердечном сосуде. Похоронен на Булыгинском кладбище.

Начиная с 1907 года, он регулярно публиковал в сибирских журналах, сборниках и отдельными изданиями результаты своих научных исследований, привлекая внимание к прекрасной природе Алтая. Он автор более 40 научных работ, из которых 12 не опубликовано до сих пор.

Деятельность В. И. Верещагина отмечена: в Большой советской энциклопедии (1951), биографо-библиографическом словаре «Русские ботаники» (1947), Сибирской советской энциклопедии (1929), «Летописи Барнаула» (1996), энциклопедии Алтайского края (1997) и другой справочной и специальной литературе.

Его именем названа улица в Барнауле.

24 ноября 2005 г. в краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова состоялась конференция под названием «В. И. Верещагин и образовательные экскурсии (к 100-летию детского туризма на Алтае)».

Многолетняя подвижническая деятельность Виктора Ивановича Верещагина – выдающегося исследователя природы Алтая, прекрасного педагога, зачинателя детского туризма на Алтае оставили прочный след не только в истории нашего края, заслужили всеобщее признание и благодарность потомков.

ОТЕЦ И СЫН ВЕЛИЖАНИНЫ

Андрей Петрович Велижанин родился в 1876 г. в Барнауле, в семье инженера-технолога. Окончил Барнаульское духовное училище, затем Томскую духовную семинарию (1896) и в том же году поступил на медицинский факультет Томского университета.

Почему сын инженера-технолога оказался в учебном заведении, предназначенном для детей духовенства, почему, будучи без пяти минут священником, круто изменил свою судьбу и начал все сначала, обо всем этом спросить уже некого. Возможно, увлекся модной в то время среди студенчества идеей «хождения в народ» и решил, что больше принесет пользы кормильцу-мужику как врач. Так это или не так, но по окончании университета Андрей Велижанин оказался в самой «гуще народной» – участковым врачом в селе Сорокино (ныне город Заринск), а позже – на той же должности – в Усть-Каменогорске и Зайсане (ныне оба этих города – в Республике Казахстан).

В феврале 1905 г., еще находясь в Сорокино, А. П. Велижанин стал членом Алтайского подотдела императорского Русского географического общества (ИРГО), а год спустя передал в музей подотдела собственноручно изготовленные им чучела глухаря и розового скворца.

Так началось его многолетнее сотрудничество с музеем подотдела (ныне – Алтайским государственным краеведческим). Особенно тесным оно стало после того, как в 1911 г. А. П. Велижанин переехал в Барнаул, где занялся частной врачебной практикой. Свободное же время проводил в музее. Он сформировал в нем орнитологический отдел, поддерживал его в образцовом порядке и периодически

пополнял. Всего он передал музею 188 изготовленных им птичьих чучел, из которых 150 сохранилось до сих пор. Достоинно удивления, как ухитрился он совмещать это с непростыми обязанностями врача, а в 1921–1925 гг. даже с обязанностями главного врача губернской больницы!..

Объяснить это можно только великой любовью А. П. Велижанина к природе, особенно к пернатому его царству. В годы его детства и юности природа Алтая была не в пример богаче нынешней, еще не так «освоена» человеком. Рассказывают, тогда в Барнауле только ленивый не был охотником и рыболовом: столько дичи и зверя водилось в лесах, столько рыбы плескалось в Оби! Не стал исключением и Андрей Велижанин. В нем рано проснулся больше исследователь, чем добытчик. Особый интерес, как уже сказано, пробудился у него к пернатому царству. Так врач А. П. Велижанин стал виднейшим на Алтае орнитологом и таксидермистом.

Здесь, пожалуй, уместно привести воспоминания его дочери Людмилы Андреевны Оверко. Они были написаны по просьбе бывшего заведующего архивным отделом крайисполкома Владимиром Сергеевичем Петренко (ныне покойным), хранятся в его фонде и ранее не публиковались.

«...Отцу было 35 лет, когда в 1910 году погибла наша мама – Нина Александровна. Мы с Глебом остались сиротами, Глебу было шесть лет, мне – один годик. Жили мы в городе Зайсане, где отец работал врачом городской больницы.

Родственники настойчиво уговаривали отца отдать меня им, но он не согласился. Выростила нас Полина Васильевна, ставшая в 1911 году женой отца. Она проявила большую преданность к нему, и к нам в нашей и в дальнейшем нелегко сложившейся жизни. Сиротства мы с братом не чувствовали, и я вспоминаю нашу вторую маму с большой любовью, нежностью и глубокой благодарностью. Она умерла уже в преклонном возрасте в Москве, где жила у дочери Калерии, нашей новой сестры.

В Барнауле отец работал главным врачом губернской больницы, был специалистом по детским внутренним болезням и туберкулезу. Принимал больных и дома в любое время суток. Его внимание к людям находило с их стороны отклик и признательность.

В нашей семье хранилась большая картина известного алтайского художника Андрея Осиповича Никулина с такой дарственной

надписью: «Дорогому Андрею Петровичу. Этот дар как выражение моего чувства благодарности за бескорыстную добросовестную врачебную помощь, спасшую меня в самые лихие дни моей жизни».

Здесь же – приписка его жены: «Присоединяюсь в этом даре дорогому и честному врачу. Маляева».

Отец любил стихи. Помню, как декламировал М. Ю. Лермонтова:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна...

Он хорошо играл в шахматы. Но самой большой его увлеченностью были охота и рыбная ловля. Он отдавал ей все свободное время, нередко уезжал на несколько дней в лодке или на лошади. Во время его сборов в доме царила необыкновенная суматоха: заряжались патроны, собиралась рыбная снасть, укладывались в рюкзак продукты, а охотничья собака Том, умный и всегда послушный четвероногий друг отца, от нетерпения оглушительно лаял.

Доставалось хлопот домочадцам и по возвращении отца с охоты с большими трофеями. В наши обязанности входила довольно утомительная порой обработка, отбор (по строгим указаниям отца) тушек птиц или шкурок зверей для изготовления чучел...»

Стоит ли удивляться, что Глеб Велижанин пошел по стопам отца?..

2

А. П. Велижанин проявил себя в отделе РГО не только сведущим орнитологом и искусным таксидермистом, но и способным организатором. Не случайно в июле 1912 г. он был избран членом Совета подотдела, а 16 марта 1913 г. – председателем Совета и оставался на этом посту до 15 июня 1934 г., то есть до закрытия, а точнее сказать – до разгона Алтайского отдела РГО²⁵. С усилением тоталитарного режима началась фальсификация истории страны, безмерное выпячивание роли большевистской партии, в первую очередь – И. Сталина, и труды краеведов, их находки могли этому только помешать.

В октябре 1919 г. А. П. Велижанин был призван в колчаковскую армию и назначен врачом в 445-й военно-эпидемический госпиталь.

²⁵ Алтайский отдел РГО был восстановлен лишь в 1957 г.

На Алтае вспыхнула эпидемия тифа и холеры, не щадившая ни военных, ни гражданских лиц. Она не прекратилась и после восстановления советской власти, а потому А. П. Велижанин был снова призван, на сей раз – в Красную Армию, в эпидемический отряд 26-й Златоустовской дивизии, вступившей в Барнаул 10 декабря 1919 г. Вскоре эпидемический отряд был преобразован в 448-й эпидемический госпиталь, в котором А. П. Велижанин прослужил до октября 1921 г.

Надо ли доказывать, что и при белых, и при красных он занимался одним и тем же делом – лечил людей? Тем не менее в его послевоенной анкете появилась зловещая запись: «Служил у Колчака». Служил не по мобилизации, а как бы по доброй воле. Нам теперь даже представить трудно, что означала тогда такая запись! А у Велижанина в анкете была еще и другая, похлеще: «В 1905–1907 гг. и в феврале-октябре 1917 г. состоял в партии кадетов».

Полного доверия к нему у советской власти не было с самого начала. Вот что говорится в его служебной характеристике, составленной не позже мая 1925 г.²⁶, заведующим губздравотделом А. Кульвановским:

«Опытный врач, честный работник, человек с характером. Иногда резок и высокомерен. Политически неграмотен и принципы советской политики как внутренней, так и внешней не вполне понимает.

В начале 1920 года относился критически к советской власти, теперь как будто начинает относиться лояльнее. Владеть собою не может.

Секретную работу поручать нельзя. К профсоюзной организации относится терпимо».

А вот что говорится в более поздней архивной справке, подписанной заведующим архивным отделом Алтайского крайисполкома П. А. Бородкиным:

«А. П. Велижанин характеризуется как социально-вредный элемент, подлежит увольнению, дважды исключался из союза «Медсантруд».

Числится в списках лиц, находящихся на особом учете в горздраве и НКВД. Секретную работу доверять нельзя».

Справка выдана не ранее 1961 г., ибо лишь в этом году П. А. Бород-

²⁶ 25 мая 1925 г. Алтайская губерния вошла в состав вновь образованного Сибирского края.

кин был назначен на вышеназванную должность. К тому времени, а точнее – 3 февраля 1959 г. А. П. Велижанин был уже полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

В справке не указано, кому и по чьей просьбе она выдана. Возможно, краеведческому музею, решившему восстановить доброе имя своего многолетнего сотрудника. Но имена таких, как А. П. Велижанин, даже после реабилитации еще долгое время оставались под негласным запретом.

3

Впервые А. П. Велижанин был арестован органами ОГПУ 16 апреля 1933 г. Органам стало известно, что в доме садовода-селекционера Н. И. Давидовича нередко собираются его друзья и знакомые, в основном люди пожилые, из «бывших», и ведут антисоветские разговоры. Бывал там и А. П. Велижанин. На другой день после ареста, 17 апреля, он на допросе показал:

«...Мы вели разговоры в основном о политическом и экономическом положении страны. Все эти разговоры и выводы из них носили резко выраженный контрреволюционный характер. В результате пришли к выводу, что интервенция Японии неизбежна, а, стало быть, и восстание. Для организации власти должна выступить интеллигенция. Наша задача состояла в том, чтобы к грядущим событиям подготовить общее мнение интеллигенции путем индивидуальной обработки. Но я вскоре пришел к выводу, что интервенция принесет ужасы и бедствия стране и прекратил агитацию, выступил против интервенции...

Знаком с Раковским Х. Г.²⁷ Он был у меня в тубдиспансере 9 февраля. Опросил, кто арестован. Я ответил: «Давидович Николай

²⁷ Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941), болгарин, член ВКП(б) с 1918 г. До ареста – начальник одного из управлений Наркомата здравоохранения СССР. В 1928–1933 (?) гг. находился в ссылке в Барнауле. В марте 1938 г. был вновь арестован и, как участник сфальсифицированного чекистами «Антисоветского право-троцкистского блока», приговорен к 25 годам лишения свободы. 11–15 октября 1941 г. в связи с приближением немцев к г. Орлу были, по приказу из Москвы, расстреляны 16 политических заключенных местной тюрьмы, в том числе: Х. Г. Раковский, Ольга Давыдовна Каменева (сестра Л. Д. Троцкого), Мария Александровна Спиридонова (один из лидеров партии эсеров) и Сергей Яковлевич Эфрон (муж Марины Цветаевой).

Иванович». – «А кто еще из больших людей?» Я ответил, что весьма много интеллигенции, но фамилий не назвал.

Об окончании следствия мне объявлено».

Вполне вероятно, что эти «признания» А. И. Велижанин написал под диктовку следователя.

Члены «контрреволюционной группы» Н. И. Давидовича получили довольно мягкие наказания, в том числе и А. П. Велижанин: он был приговорен к пяти годам лагерей (условно).

Возможно, хотя в это слабо верится, чекисты решили пощадить его как хорошего врача. Вот что показали о нем в ходе реабилитации (1958) его бывшие коллеги:

Врач А. К. Поздняк, член КПСС: «А. П. Велижанин считался хорошим врачом-фтизиатром» (специалистом по лечению туберкулеза – *В. Г.*).

Врач железнодорожной больницы Г. А. Колпаков «А. И. Велижанин и М. П. Элисберг – хорошие, авторитетные специалисты».

Еще надо сказать, что до 1937 г. представители партий, враждебных большевистской, получали нередко довольно мягкие наказания. Потом их стали расстреливать чуть не всех подряд.

Вот и кадету А. П. Велижанину дали возможность еще несколько лет погулять на воле. Но в том же 1933 г. его постиг новый тяжкий удар: органами ОГПУ был арестован и приговорен к трем годам лагерей его 28-летний сын Глеб – надежда и гордость отца. К прежним компроматам бывшего кадета, осужденного по 58-й статье, А. П. Велижанина, добавился новый: «отец врага народа». С таким грузом уцелеть в 1937 г. было невозможно...

4

Напомню несколько цифр. Если за предыдущие 17 лет, с 1919 по 1936 г., на Алтае было репрессировано 11 751 человек, то в одном лишь 1937 г. – 14 183 человека!

В чем причина столь резкого скачка?

31 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило приказ № 00447 народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова «Об операциях по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов».

Этот приказ положил начало массовому террору в нашей стране. Исследователи называют две причины его появления. Первая

причина: в декабре 1937 г. и начале 1938 г. предстояли первые, по новой, «Сталинской», Конституции, всеобщие, прямые и равные выборы в Верховный Совет СССР, республиканские и местные советы. И чтобы подстраховаться от нежелательных случайностей со стороны «социально-чуждого элемента», ранее не имевшего права голоса, решено было устроить ему, а заодно и всему населению, основательную прополку.

Другая причина была, в общем-то, сродни первой. В связи с надвигавшейся угрозой войны с Германией и Японией сталинское руководство задалось целью выявить, изолировать, а частью физически уничтожить не только явных, но даже потенциальных врагов советской власти. Заодно исключить всякую возможность появления в стране «пятой колонны», то есть шпионов и диверсантов. А чтобы это важное государственное дело не было пущено на самотек, краевым (областным) управлениям НКВД устанавливался... лимит на аресты!

Да, да, самый настоящий лимит, подобный тем, что устанавливаются, к примеру, на отстрел зверя или птицы. Только, в отличие от охотничьих, лимит на аресты людей превышать не только не запрещалось, но и поощрялось, а за невыполнение можно было поплатиться не только должностью, но и головой. Так, начальник управления НКВД по Алтайскому краю С. П. Попов сразу отличился: в дополнение к выделенному лимиту на арест 4 000 человек запросил у Н. И. Ежова еще на 3 000 и получил его!..

Стоит ли удивляться, что между краевыми (областными) управлениями НКВД, районными их отделами началось своего рода соревнование – кто больше выявит «врагов народа», то есть кто больше арестует!

В это с трудом верится, этому нет примера в истории, но в нашем Отечестве так было, читатель...

Каждодневные непредсказуемые аресты породили в стране обстановку всеобщего страха, подозрительности, доносительства. Шпионов, диверсантов, вредителей выискивали даже пионеры, а коммунистам и комсомольцам – это вменялось в обязанность. Следствие по арестованным тем же приказом № 00447 предписывалось вести «упрощенным способом». Практически задача следователя сводилась к тому, чтобы принудить обвиняемого подписать сочиненный самим же следователем протокол допроса

с «признательными» показаниями. По существовавшим тогда юридическим нормам для подтверждения вины арестованного вполне достаточно было его признания, то есть подписи под соответствующим протоколом допроса. А выбивать подписи чекисты умели. Для производства суда над обвиняемыми при краевых (областных) управлениях НКВД учреждались тройки в следующем составе: первый секретарь крайкома (обкома) ВКП(б) – председатель, краевой (областной) прокурор и начальник краевого (областного) управления НКВД. Судила тройка тоже «упрощенным» способом: без вызова свидетелей и даже самого подсудимого, без участия защиты и обвинения. Втроем, за один, как говорится, присест, тройка решала судьбы десятков людей. Приговоры ее были двух видов: расстрел с конфискацией имущества или 5–10 лет лагерей. Жалобы на приговор запрещались. Надеюсь, нет надобности рассказывать об этом подробнее.

Так же «судило» и особое совещание (ОСО) при НКВД СССР. Была еще третья судебная инстанция: выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР. Но, хотя на нее обвиняемые вызывались (приводились под конвоем), судом это назвать тоже нельзя: он продолжался 10–15 минут на каждого подсудимого и заканчивался чаще всего смертным приговором, который обжалованию не подлежал и приводился в исполнение в тот же день.

5

Однако вернемся к А. П. Велижанину.

В Барнауле выполнение приказа № 00447 началось с фальсификации так называемой «кадетско-монархической контрреволюционной организации», якобы связанной с зарубежным «Российским общевоинским союзом» (РОВС).

На помощь местным чекистам из Новосибирска, из краевого управления НКВД, прибыла группа следователей во главе с капитаном госбезопасности С. П. Поповым, будущим начальником управления НКВД по Алтайскому краю (образован 28 сентября 1937 г.).

Он и провел с будущими своими подчиненными «мастер-класс» (кажется, так это теперь называется?). Сделал это просто и наглядно. Потребовал списки «социально-чуждого элемента», некоторых вычеркнул, остальных приказал арестовать. Так, в

одну ночь на 20 июня 1937 г. в подвале горотдела оказалось сразу 80 человек, в их числе и А. П. Велижанин. Затем С. П. Попов взял лист ватмана и на глазах у всех «создал» контрреволюционную организацию в Барнауле: руководителем ее записал царского полковника А. И. Шереметьева, заодно произведя его в генерал-майоры, членами штаба – бывшего городского голову В. Я. Бирюкова, преподавателя химии учительского института, бывшего эсера К. Е. Бекаревича, епископа М. В. Дагаева, полковника царской армии В. П. Войнич-Сяноженского, учителя математики 42-й школы, бывшего члена IV Государственной Думы эсера А. И. Шапошникова; этой чести удостоился и А. П. Велижанин.

Остальных арестованных С. П. Попов быстренько расписал по «повстанческим отрядам», указав стрелками, кто кого завербовал, и, свернув лист в трубку, протянул его прибывшему с ним следователю Толмачеву:

– Передайте всем следователям: в разрезе этой схемы добиваться признаний у арестованных!

Не подумайте, читатель, что все это – плод моей фантазии. Я просто пересказал показания бывшего начальника Барнаульского горотдела НКВД К. С. Жукова, очевидца этого события.

Так или примерно так чекисты «вскрывали» и другие «контрреволюционные организации».

И на первый взгляд, удивительно, что обвиняемые, допрошенные в «разрезе» сочиненной С. П. Поповым схемы, во всем признавались на первом же допросе! Так, глухой и полуслепой В. Я. Бирюков, давно, по словам жены, не отлучавшийся дальше огорода, «признался», что сформировал повстанческие отряды в пяти районах края; А. И. Шапошников проделал то же самое в шести районах; М. В. Дагаев вовлек в организацию почти всех уцелевших к тому времени от арестов священнослужителей Барнаула; не отстал от них и А. П. Велижанин: он «создал» в Барнауле четыре карательных отряда и диверсионную группу!..

И во всех этих тяжких преступлениях они признались на первом же допросе, причем без предъявления каких-либо улик!

А они и не требовались. В то время, как уже говорилось, для доказательства вины подсудимого вполне достаточно было его признания, то есть подписи под соответствующим протоколом допроса.

Как эта подпись была получена у А. П. Велижанина, показал на допросе в ходе реабилитации все тот же К. С. Жуков:

«...Зашли мы с Поповым в кабинет, где допрашивался Велижанин и увидели, что на столе у следователя Старосельникова лежит отпечатанный протокол допроса, еще не подписанный. Велижанин заявил нам, что следователь держит его на ногах в течение трех дней и требует подписать протокол допроса, который составлен не с его слов и содержит вымысел. В ответ Попов сказал: «Ничего, никуда не денешься, подпишешь!»

И мы вышли из кабинета».

В медицинском свидетельстве А. П. Велижанина, оформленном еще в 1933 г., при первом аресте, сказано: «Функциональное расстройство нервной системы в редкой форме. Туберкулез легких. Миостения сердца. Дистрофия правой кисти руки. Неврастения».

Вряд ли четыре года спустя здоровье 62-летнего старика улучшилось. Скорее – наоборот. А выстоять несколько суток на ногах и здоровому человеку не под силу! Распухают ноги, лопаются мелкие кровеносные сосуды, причиняя невыносимую боль. Можно ли обвинять Велижанина в том, что он подписал протокол допроса?..

Без сомнения, тем же или еще более жестоким способом были выбиты подписи и у других членов мифического штаба.

Постановлением тройки при управлении НКВД по Западно-Сибирскому краю от 22 августа 1937 г. все члены «штаба», в том числе Андрей Петрович Велижанин, были приговорены к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 2 сентября 1937 г. в Барнауле.

Всего, по словам самих чекистов, по делу «РОВС» в Западно-Сибирском крае было репрессировано до 15 тысяч человек. Большинство их погибло.

Расследованием, проведенным в 1959 г., установлено, что это «дело» полностью сфальсифицировано органами НКВД. В том же году все осужденные по нему были полностью реабилитированы.

6

Судьбу отца повторил его сын Глеб. Он родился 30 апреля 1905 г. в Усть-Каменогорске. В 1928 г. закончил гимназию и

биологическое отделение физико-математического факультета Томского университета. Вот какой отзыв дал о нем профессор университета В. Хакин:

«За время учебы Глеб Андреевич Велижанин дважды принимал участие в экспедициях под моим руководством, где проявил большой интерес, любовь и знание дела. Безусловно, является одним из очень ценных работников, которому с полной уверенностью в успехе может быть поручено исследование фауны Бахмутовского заказника.

Глеб Андреевич чрезвычайно интересуется Барнаульским краем и готов отдать на его изучение и развитие все свои силы, что делает его уже незаменимым работником в условиях Барнаула».

Не менее лестно характеризуется Глеб Велижанин и в справке Алтайского отдела РГО от 2 апреля 1930 г.:

«Гражданин Велижанин Г. А. состоит членом-сотрудником Алтайского отдела РГО. В 1923 г. был участником экспедиции под руководством А. П. Велижанина (своего отца – В. Г.) в верховья речки Барнаулки. Собрал 300 шкурок птиц.

В 1925 г. совершил самостоятельную поездку в район села Большие Ракиты для наблюдения за пернатыми.

С сентября 1924 г. по 11 сентября 1925 г. был препаратором зоологических экспонатов при музее.

В 1928 г. по поручению Алтайского отдела РГО совершил двухнедельную поездку по степи и бору между Бийском и Барнаулом и представил 110 шкурок птиц и 20 шкурок млекопитающих, а также много ценных записей и наблюдений.

Опубликовал в журнале «Uragus» статью. За последние два года сделал три доклада о своих научных поездках. Неоднократно жертвовал музею чучела птиц.

Зам. председателя совета АО РГО (Ф. Харкеевич).
Секретарь (Г. Д. Няшин)».

Возможно, эти лестные характеристики послужили основанием для того, что сразу после окончания университета он был назначен на довольно ответственную должность.

Из воспоминаний М. Д. Зверева²⁸:

«В 1928 г. Наркомзем СССР настаивал на прекращении промысла хорьков, поскольку они уничтожали сусликов, наносивших огромный вред посевам. Но Внешторг настаивал на их промысле, и Совнарком поручил трем институтам защиты растений: на Украине, Северном Кавказе и в Западной Сибири изучить эту проблему в течение трех лет.

Сибирский институт защиты растений три года изучал значение хорьков в сельском хозяйстве. Между Барнаулом и Камнем-на-Оби был организован спецзаказник площадью 20 тысяч гектаров. Заведующим спецзаказником был назначен молодой специалист Глеб Андреевич Велижанин. В селе Ильинка (Тюменцевского района – В. Г.), в просторном деревянном доме расположилась база этого заповедника. Дружный энергичный коллектив, находившийся в ведении Г. А. Велижанина, состоял из лаборантов-зоологов Ю. А. Климова, Е. А. Кричмана, двух ботаников и двух конных объездчиков, охранявших территорию заказника.

Недалеко от Ильинки, на реке Оби, находилась пристань, где ежедневно швартовались рейсовые пассажирские пароходы «Барнаул – Новосибирск».

Глеб Велижанин, кроме организационной работы, вел изучение размеров роли хорьков в уничтожении сусликов и одновременно изучал фауну, до того времени не изученную в этом районе Сибири.

Из интересных находок им были обнаружены здесь крупные птицы азиатских пустынь и горные грифы. Одного Глеб Велижанин добыл, и я сфотографировал его с ним верхом на коне.

Летом приезжала младшая сестра Глеба – Элла (Калерия²⁹ – В. Г.), веселая и шумливая. Когда своей разговорчивостью она мешала Глебу, он строго кричал:

– Элла, замолчи!

Это было так часто, что запомнилось мне до сих пор.

²⁸ Зверев Максим Дмитриевич (1896–1996), писатель-натуралист, крупный ученый-зоолог, уроженец Барнаула. В 1923 г., по окончании Томского университета, работал научным сотрудником Сибирского института защиты растений (СИБИЗР) и Новосибирского зоопарка. С 1937 г. – в Алма-Ате, основатель Алма-Атинского зоопарка и заповедника, многолетний их руководитель.

²⁹ В протоколе допроса Г. А. Велижанина от 4 декабря 1937 г. значится: «Сестра Калерия в сумасшедшем доме». Не стала ли причиной этого трагедия с отцом и братом?..

Кроме обычных тушек птиц и зверьков заказника, Глеб изготовил великолепные чучела многих птиц, настолько похожих на живых, что мы поставили на лугу пять чучел куликов-турухтанов и фотографировали их, как живых. Фото у меня сохранилось.

После окончания работ Глеб Велижанин уехал в Барнаул, и больше мы не встречались.

Его фамилия упоминается в следующих работах:

1. Известия Сибирской краевой станции защиты растений. Зверев М. Изучение хоря в Сибири. Новосибирск, 1930.

2. Там же, № 1 – 1931. Зверева О. Н. Ботаническое описание хорькового заказника.

3. Там же. Материалы по биологии и сельскохозяйственному значению хоря.

8

Как же этот молодой человек, всецело преданный науке и далекий от политики, вдруг оказался «врагом народа»?

Не вдруг, читатель.

В январе 1933 г. чекистами Западно-Сибирского края была сфальсифицирована крупная «белогвардейская повстанческая организация». По обвинению в принадлежности к ней только в Барнауле было арестовано 86 человек, в основном из «социально-чуждого элемента». Одним из них оказался и «сын кадета» Глеб Велижанин, арестованный 23 марта 1933 г. Другой вины перед советской властью за ним не было, может, потому и наказание получил не очень большое: три года исправительно-трудовых лагерей. Срок отбывал на Беломорканале. Освобожден досрочно в 1935 г.

По возвращении в Барнаул работал энтомологом на малярийной станции. Один из сотрудников станции, Н. В. Клементовский, в 1955 г., в ходе реабилитации, показал:

«Глеб Велижанин был довольно замкнутым, скрытным человеком, малообщительным со служащими станции. Специальность знал. Работал добросовестно».

Причину его замкнутости и малообщительности понять нетрудно. Как еще мог вести себя в те годы человек, только что отбывший срок по 58-й «политической» статье? К тому же он знал, и другие знали, что у чекистов он, как «меченый», оставался «на крючке», они следили за каждым его словом, каждым шагом, и от него лучше

было держаться подальше, чтобы самим не попасть на заметку органам. Такие были времена...

20 июня 1937 г. вторично был «взят по линии НКВД» его отец, и Глеб Велижанин понял, наверное, что он тоже обречен на новый арест. Предчувствие его не обмануло...

В октябре 1937 г. чекисты «вскрыли и ликвидировали» (читай: сфальсифицировали) в Барнауле и прилегающих районах очередную «фашистско-шпионскую террористическую организацию», объединявшую якобы врачей «старой школы» (с дореволюционным стажем работы). По версии чекистов, эта организация «по заданию японской, германской и польской разведок вела, «в целях ослабления советского тыла, подготовку бактериологической диверсии, а также терактов против партийно-советского руководства» (так сказано в «Обвинительном заключении»).

По обвинению в принадлежности к этой организации в Барнауле были арестованы 24 врача, примерно, каждый четвертый из работавших в городе.

Взяли лучших из лучших. Барнаульские старожилы, вспоминая врачей довоенной поры, чаще других называли Александра Ивановича Смирнова, Александра Павловича Киркинського, Нила Михайловича Руднева. Все трое были выпускниками Томского университета, по окончании которого безвыездно жили и работали в Барнауле. У них, можно сказать, лечился весь город, к ним привозили больных из дальних сел и деревень. Они вели прием на дому, ходили по вызовам, никому, говорят, не отказывали, хоть среди ночи позови. Считали это святым долгом врача, а во всем, что касается долга и чести, они, люди старой школы, были весьма щепетильны.

Немало добрых слов можно сказать и о других врачах, ставших жертвами сталинских репрессий. Каково же было изумление барнаульцев, когда эти уважаемые, столько добра сделавшие люди оказались «врагами народа»?

К «Делу врачей», не иначе как для массовости, чекисты «пристегнули» еще 21 человека из «социально-чуждого элемента» – бывших эсеров, царских чиновников, кулаков и пр. В их числе оказался и Глеб Велижанин как «сын видного кадета».

В ходе реабилитации выяснилась истинная причина интереса чекистов к барнаульским врачам «старой школы». Они жили в городе давно, в дореволюционные годы занимались частной практикой,

то есть принимали больных на дому, а потому квартиры или дома у них были просторные. И начальник краевого управления НКВД С. П. Попов решил за их счет решить жилищную проблему для своих вновь прибывших сотрудников. При этом и себя не забыл: вселился в прекрасную квартиру врача А. П. Киркинського, вышвырнув среди зимы его семью на улицу.

В квартиры (дома) других арестованных врачей вселились чекисты П. Р. Перминов, И. Я. Юркин, И. К. Лазарев, В. Г. Крючков и др. Об этом, а также об истинных причинах ареста врачей «старой школы» показал позже на допросе чекист М. Л. Шорр, секретарь С. П. Попова.

Глеб Велижанин был арестован 14 ноября 1937 г. и уже на первом (на первом ли?) допросе, состоявшемся 4 декабря, через 20 дней после ареста, «признался», что является участником контрреволюционной организации, в которую вовлек его в конце 1936 г. заведующий больницей водного транспорта Н. П. Сокол-Черниловский.

Об этом «вербовщике» стоит немного рассказать. Николай Павлович Сокол-Черниловский родился в 1890 г. в Харькове, в семье дворянина. В 1911–1914 гг. учился в Лембергском университете (Австрия), закончил образование в 1922 г. на медицинском факультете Томского университета.

В апреле 1933 г. он был арестован органами ОГПУ и осужден к пяти годам исправительно-трудовых лагерей по одному делу с Глебом Велижаниным. Срок тоже отбывал на Беломорканале и тоже освобожден досрочно.

Вторично он был арестован 4 декабря 1937 г. Причину его ареста опытный читатель назовет без труда: а) дворянин, б) жил за границей, в) служил у Колчака.

Последний «компромат» отмечен в анкете, но кем служил – не указано.

9

В чем же еще «признался» Глеб Велижанин?

Вот выдержка из его первого и единственного протокола допроса, проведенного, как уже говорилось, 4 декабря 1937 г.:

«Вопрос: Вы арестованы как участник контрреволюционной фашистско-диверсионной организации. Признаете себя виновным?»

Ответ: Да, признаю (заметьте: сразу, без предъявления каких-либо улик! – В. Г.) В организацию завербован в начале 1936 г. заведующим больницей водного транспорта Сокол-Черниловским Николаем Павловичем.

Вопрос: Когда вы вступили на путь борьбы с советской властью?

Ответ: Мой отец – бывший кадет с реакционно-монархическими взглядами. Будучи настроен враждебно к советской власти и ВКП(б), я вступил в контрреволюционную организацию.

Вопрос: Расскажите об обстоятельствах вербовки.

Ответ: После освобождения из лагеря мое отношение к существующему строю не изменилось. Стал искать встреч с лицами одинаковых убеждений. В начале 1936 г. встретился с Сокол-Черниловским. Он тоже был осужден в 1933 году на пять лет и тоже досрочно освобожден. Сокол-Черниловский сообщил мне, что в Барнауле есть подпольная контрреволюционная организация, возглавляемая врачом А. И. Смирновым, и предложил мне связаться с ним. От Смирнова я получил задание: в случае интервенции Германии или Японии свои поездки по Алтаю, а также самолет, имеющийся на станции для борьбы с комарами, использовать для рассеивания бактерицидных живых культур в населенных пунктах, на пастбищах и т. д. А в мирное время заниматься вербовкой новых лиц в организацию из числа недовольных советской властью.

Выполняя эти указания, я завербовал заведующую малярийной станцией врача Романовскую, которую намечал использовать как непосредственную исполнительницу по распространению инфекционных заболеваний».

На этом «следствие» было закончено.

В «деле» нет протокола допроса врача Романовской (имя и отчество не указаны). Нет ее и в справочнике «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае». Возможно, чекисты оставили ее «про запас» – для другого «дела».

В «Обвинительном заключении» о Глебе Велижанине сказано:

«Вину признал. Кроме того, изобличен показаниями врачей А. И. Смирнова, Н. П. Сокол-Черниловского, С. П. Покровского, В. В. Вергунова и др.».

Надеюсь, нет надобности объяснять, как «изобличили» Глеба Велижанина названные выше врачи? Им просто вписали его фамилию в их «признательные» показания, сочиненные, как и

«признания» Глеба Велижанина, следователями-чекистами. Это подтвердил на допросе в ходе реабилитации чекист А. С. Горбунов: «Показания врачей писались нужные следователю независимо от того, соответствовали они действительности или нет».

Яснее не скажешь!

Судебная тройка при управлении НКВД по Алтайскому краю рассмотрела «дело врачей» в три приема: 24 ноября, 8 и 9 декабря 1937 г., для чего осужденные были разделены на три группы. В общей сложности из 52 человек 43 были приговорены к расстрелу (в их числе и Глеб Велижанин), остальные – к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Смертный приговор был приведен в исполнение в Барнауле также в две очереди: 10 и 27 декабря. Велижанин оказался во второй очереди.

8 мая 1956 г. все осужденные по «делу врачей» были полностью реабилитированы «за отсутствием состава преступления».

Судя по всему, Глеб Андреевич Велижанин со временем мог бы вырасти в крупного ученого-зоолога. Но он был подстрелен на самом взлете. Да разве он один?..

ПОЭТ И КРАЕВЕД ПОРФИРИЙ КАЗАНСКИЙ (1885–1938)

Порфирий Алексеевич Казанский родился 20 февраля (ст. ст.) 1885 г. в селе Керевском Богородской волости Томского уезда, в семье чиновника тюремного ведомства. По окончании гимназии поступил в Томский технологический институт, но вскоре был исключен оттуда за участие в студенческой демонстрации и разбрасывание листовок в театре.

В 1906–1907 гг. он состоял в РСДРП, выступал в рабочих кружках, публиковал в томских сатирических журналах «Бич», «Ерш», «Красный смех» политические памфлеты в стихах под необычным псевдонимом «Премудрая крыса Онуфрий».

В 1911 г., несмотря на репутацию «неблагонадежного», закончил юридический факультет Томского университета, но на государственной службе не удержался по причине той же «политической неблагонадежности».

18 июня 1912 г. по приглашению редактора газеты «Жизнь Алтая» Георгия Гребенщикова переехал в Барнаул и вошел в состав редколлегии. Гребенщиков, по его словам, видел в нем «будущего руководителя газеты», что отчасти и сбылось. В газете из номера в номер стали появляться театральные рецензии и стихи П. А. Казанского, а также хлесткие стихотворные фельетоны. Рецензии он подписывал полной фамилией, стихи – псевдонимом «К. Порфирьев», фельетоны – прежним псевдонимом «Премудрая Крыса Онуфрий».

П. А. Казанский пробовал свои силы и в драматургии. Его пьеса «Враг» дважды, в марте и апреле 1916 г., с успехом прошла на сцене Народного дома. В литературно-краеведческом музее 27-й школы

г. Барнаула хранится рукопись второй его пьесы «За Каменный пояс» (о походе Ермака в Сибирь), написанная добротным белым стихом.

Несмотря на загруженность газетной поденщиной, П. А. Казанский активно участвовал в общественной работе. Так, в 1915 г. он возглавил Барнаульское отделение Общества учащихся и учивших (учащими тогда называли учителей), был избран в Совет Общества попечения о начальном образовании в Барнауле, но через три месяца вышел в знак протеста против постановок на сцене Народного дома опереток полупристойного содержания.

В июне 1916 г. П. А. Казанский вышел из состава редколлегии газеты «Жизнь Алтая» и поступил инструктором-культурником в Алтайский центральный кредитный союз, одновременно стал редактором кооперативного журнала «Алтайский крестьянин».

2

Февральскую революцию 1917 г. П. А. Казанский встретил с восторгом. Он с головой окунулся в политику, снова вступил в РСДРП, от имени этой партии выступал на митингах и собраниях, проходивших тогда чуть не ежедневно. В апреле был избран гласным городской Думы, с неделю даже председательствовал в ней, но потом отказался: руководящие должности были не по его мягкому характеру.

В июне 1917 г. он был делегатом Сибирской областной конференции и 1-го Сибирского областного съезда, избравшего Сибирскую областную думу. В то время большевики, а позже – советские историки рьяно обвиняли «сибирских областников» в сепаратизме, то есть в стремлении отделиться от России. В действительности они выступали только против того, чтобы метрополия не смотрела на Сибирь как на бесправную падчерицу, кладовую природных богатств, а также место каторги и ссылки. В их планах и намека не было на отделение от России. Они добивались лишь автономии.

Октябрьский переворот 1917 г. П. А. Казанский резко осудил как узурпацию власти большевиками. Он не скрывал радости, когда советская власть в Сибири пала, но и диктатуру Колчака не одобрил, считая ее несовместимой с демократией.

В феврале 1918 г. он вошел в состав редколлегии газеты «Алтайский луч», органа меньшевиков. В июле, после временного

падения советской власти, был избран членом губернской земской управы, где возглавил отдел народного образования, а в декабре стал заместителем председателя губземуправы. Одновременно был членом совета краеведческого музея, членом правления Алтайского подотдела Русского географического общества, членом правления Культурно-просветительного союза Алтайского края.

Особой заслугой этого союза было издание серии книг авторов-сибиряков «Библиотека «Сибирский рассвет» и первого на Алтае «толстого» литературно-художественного журнала с тем же названием. П. А. Казанский входил в состав его редколлегии и был одним из авторов.

Занятый по горло служебными и общественными делами, он находил время и для творчества. В 1917 г. издал поэтический сборник «Песни борьбы и надежды», а в 1918 г. – второй «Родному краю». Удивления достойно, как его на все хватало!..

К ноябрю 1919 г. почти весь Алтай оказался уже во власти партизан. Работа губземуправы была парализована. П. А. Казанский вышел из ее состава и поступил учителем географии в частную женскую гимназию М. Ф. Будкевич.

10 декабря 1919 г. в Барнаул вошли партизаны полка «Красных орлов» армии Е. М. Мамонтова, а через три дня – части 26-й Златоустовской стрелковой дивизии. Советская власть на Алтае была восстановлена.

3

Казанскому не сразу припомнили его «контрреволюционное» прошлое. Ему доверили преподавать географию в лучших, опекаемых губкомом партии, учебных заведениях: губсовпартшколе, школе имени III Коминтерна, рабфаке Томского университета (в нем он был даже заведующим учебной частью).

Свободное от уроков время он проводил в краеведческом музее и Алтайском отделе РГО (там и там он состоял членом Совета). П. А. Казанский был одним из организаторов 1-й губернской краеведческой конференции (февраль 1925 г.), где выступил с докладом «Выдающиеся научные и общественные деятели Алтая». Текст доклада сохранился в краевом госархиве, и меня, признаться, удивили и даже расстроили допущенные в нем ошибки и неточности. Так, об И. И. Ползунове в нем сказано,

что он изобрел свою «огненную» машину на Кольванском заводе (в действительности – на Барнаульском): она якобы два месяца проработала на Змеиногорском заводе, после чего потребовала ремонта и от «неумелого ремонта совсем развалилась». Не была она на Змеиногорском заводе и быть там не могла, ибо этот завод (он назывался Змеевским) вступил в строй лишь в 1805 г., через 40 лет после недолгого действия «огненной» машины; и не от «неумелого ремонта» она вышла из строя, а оттого, что у нее прогорел котел, склепанный из тонкой листовой меди, а сделать более прочный специалистам Барнаульского завода оказалось не под силу.

В докладе не были даже упомянуты такие выдающиеся организаторы и новаторы горнозаводского производства, как отец и сын Фроловы, Ф. В. Стрижков, П. И. Шангин и другие. Позже их вернул из небытия краевед Н. Я. Савельев.

В конце 20-х годов П. А. Казанский принял активное участие в подготовке сборника «Барнаул в прошлом и настоящем» (к 200-летию города), написал для него одну из основных статей. Он же подготовил фотоснимки памятников, некоторых зданий, видов города. Рукопись сборника была направлена в Новосибирск, в цензуру, для получения разрешения на ее издание. Оттуда пришел ответ: «Издание может быть осуществлено исключительно на средства Алтайского отдела РГО». Но в отделе РГО таких средств не нашлось, и хорошая идея осталась неосуществленной. Лишь статья П. А. Казанского под названием «Барнаул» позже была опубликована в «Сибирской советской энциклопедии» (1929 г.).

Из-за отсутствия средств в краеведческом музее был лишь частично осуществлен другой замысел П. А. Казанского – сфотографировать надгробные памятники людей, оставивших след в истории города и края и похороненных на Нагорном кладбище.

И совет РГО, и Совет музея немало совместных сил прилагали для развития краеведения в городе и крае. Так, в 1930 г. ими была создана даже комиссия для организации краеведческих кружков в городах и селениях края. Для этой цели был принят на работу в музей выпускник этнографического отделения географического факультета Ленинградского университета Годунов Тимофей Федорович. П. А. Казанский, по поручению Совета музея, помог ему наметить план и маршрут поездки, снабдил краеведческими материалами. Годунов побывал в Алейске, Тальменке, Шадрино,

Павловске, Шелаболихе, Ребрихе, Косихе. Результат оказался ничтожным. Лишь в Косихе Годунову удалось создать кружок из 10 человек, в остальных же селах (не сказано, в каких) он нашел лишь двух человек, интересующихся краеведением.

Причиной неудачи была скорей всего неопытность Годунова, незнание им местных условий. Да и как можно было поручать такое дело человеку неопытному, незнакомому с историей Алтая и местными условиями?..

Впрочем, и сам Казанский сумел организовать в Барнауле лишь один краеведческий кружок – на курсовой базе Сибкредитсоюза, да и тот, наверное, оказался недолговечным.

Словом, скоростной метод развертывания массового краеведческого движения не сработал. Провалом закончилась и другая инициатива совета музея – прочесть в Барнауле цикл платных лекций на краеведческие темы. Была создана даже комиссия по выработке тематики лекций и подбору лекторов. Возглавил ее П. А. Казанский. Он сам прочел первую лекцию на тему: «Значение краеведческой работы. Население и природа Алтайского края как объект изучения». На лекцию пришло 40 человек. Другим лекторам повезло намного меньше, у них посещаемость составила всего... 3–8 человек. Так, на лекцию А. П. Велижанина «Хищные птицы Алтая», прочитанную им в клубе «Медсантруд», пришло... два человека!..

Устроители перенесли лекции в рабочие клубы на городских окраинах в надежде, что рабочий класс проявит к ним больший интерес, чем высокообразованная интеллигенция в центре. Но результат был почти тот же.

Тогда устроители обратились в профсоюзные организации предприятий и учреждений с просьбой самим назвать желательные для них темы лекций. Лишь четверо выразили желание прослушать лекции по этнографии и трое – на естественно-исторические темы. На лекцию П. А. Казанского «Аборигены Алтая» в клуб работников просвещения пришло всего 16 человек.

Из 12 запланированных лекций кое-как удалось провести лишь семь. П. А. Казанский с А. П. Велижаниным взяли проводить лекции с посетителями музея. Каков был их результат, сведений нет. В такое безразличие к истории города и края с трудом верится, но это подтверждено документами в книге Т. В. Тишкиной «Деятельность краеведческих организаций Алтайского края в 1918–1931 гг.», откуда

я и взял эти примеры. Автор объясняет низкую посещаемость лекций тем, что рассчитаны они были в основном на учащихся старших классов, а у них как раз в это время шли экзамены. Мне лично это объяснение кажется неудовлетворительным хотя бы потому, что лекции не в школах проводились, а в рабочих клубах и рассчитаны были на взрослых слушателей. 20 апреля 1931 г. Алтайский отдел РГО был преобразован в отдел Общества изучения Сибири и ее производительных сил. Но уже 15 июня 1932 г. это Общество было закрыто, а его руководители репрессированы как «Враги народа». Прекратил существование и его Алтайский отдел. Краеведческими кружками и лекциями заниматься стало некому.

В 1932 г. П. А. Казанский переехал в село Тюменцево (райцентр) и стал преподавать литературу и географию в местной школе. Жена его, Платонида Яковлевна, взяла один из начальных классов. Причиной переезда стало то, что в городе было трудно прожить даже на две учительских зарплаты. За 20 лет жизни в Барнауле Казанский так и не обзавелся собственным домом, мотался с семьей по частным квартирам, а в семье было пять душ: он с женой, теща и две дочери – родная и приемная. Выручил бывший ученик – директор Тюменцевской школы. Им выделили жилье с огородом, они развели кур, гусей, вскоре колхоз за хорошую работу премировал Казанского коровой.

По всей вероятности, была и другая, даже более важная причина переезда в отдаленное село: попытка скрыться от всевидящих глаз ОГПУ–НКВД. Ведь он уже дважды арестовывался органами: в 1923 г. как меньшевик и был освобожден лишь после того, как опубликовал в газете «Красный Алтай» покаянное заявление о разрыве с партией, в которой давно не состоял, да ее уже и не было ни в Барнауле, ни в стране. В 1931 г. он был снова арестован как меньшевик но вскоре освобожден «за недостатком улик». Но наступило время, когда улики уже не требовались.

В августе 1937 г. П. А. Казанский был уволен с работы якобы за то, что аполитично проводил уроки. А 18 декабря он был арестован и этапирован в барнаульскую тюрьму. Первый его допрос, если верить протоколу, состоялся 3 февраля 1938 г., через 47 суток после ареста. Но можно с уверенностью сказать, что П. А. Казанский 47 суток вел неравную борьбу с палачами, пытаясь доказать им свою невиновность. Лишь через 47 суток они смогли принудить его (как

и чем, можно лишь гадать) подписать сочиненный ими протокол допроса с «признательными» показаниями. А ведь допрашивал его палач из палачей – лейтенант госбезопасности Салтымаков!..

В чем же «признался» П. А. Казанский?

– В 1918–1919 гг. оказывал активную поддержку колчаковцам. Если в постановке дела народного образования в губернии, то да. Но какое же это преступление?

– В 1920 г. был организатором и руководителем подпольной меньшевистской организации, проводившей подготовку вооруженного восстания с целью свержения советской власти. Не было такой организации в Барнауле, ее выдумали чекисты.

– Состоял в обществе эсперантистов, поддерживал связь с белоэмигрантами меньшевистского толка. Немецким эсперантистом Бершелем завербован в агенты немецкой разведки. И это ложь!

Между прочим, в первые годы советской власти изучение международного языка эсперанто как средства укрепления интернациональных связей пролетариата всячески поощрялось. Кружки эсперанто действовали в каждой школе, на многих предприятиях и в учреждениях. Потом эсперантистов стали зачислять в иностранные шпионы со всеми, как говорят, вытекающими из этого последствиями.

Судила П. А. Казанского выездная сессия военной коллегии Верховного суда СССР 2 июля 1938 г. Суд продолжался... 10 минут и закончился приговором к «высшей мере» – расстрелу.

Приговоры выездной сессии военной коллегии обычно приводились в исполнение в тот же день. Но П. А. Казанский почему-то был расстрелян лишь через 76 суток. Столько времени провел он в камере смертников, каждый день и каждую ночь ожидая вызова. Даже представить страшно, какая это была для него пытка!

В 1960 г. Порфирий Алексеевич Казанский был полностью реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

ТРУДНАЯ СУДЬБА КРАЕВЕДА

Григорий Дмитриевич Няшин родился 7 (19) августа 1871 г. в казачьей станице Атбасар (ныне город в Казахстане), в семье станичного атамана. По окончании Омской гимназии и юридического факультета Московского университета служил на различных судебных должностях в Омске, Томске, Бийске (следователем), а с 1907 г. и до революции – в Барнауле присяжным поверенным (адвокатом). Был человеком довольно передовых убеждений. Еще в студенческие годы привлекался к жандармскому дознанию за участие «в противозаконном кружке, именуемом «Сибирским землячеством». Будучи адвокатом, неоднократно безвозмездно выступал в судах по защите лиц, обвинявшихся в политических преступлениях, причем не по их просьбе. Так, в сентябре 1908 г. он защищал демократически настроенных бийских интеллигентов В. И. Петрова, В. М. Яхонтова и Л. П. Ешина, распространявших в городе и уезде листовки антиправительственного содержания.

Кроме адвокатской практики, преподавал историю, литературу и обществоведение в частной женской гимназии М. Ф. Будкевич, состоял членом совета Общества попечения о начальном образовании в Барнауле.

В 1917–1919 гг. был товарищем (заместителем председателя) Барнаульского окружного суда по административному отделению, ведал разбором жалоб на действия местной администрации. С восстановлением советской власти это в вину ему не было поставлено.

В 1920–1931 гг. работал научным сотрудником Алтайского губархива (после упразднения губернии – Барнаульского окружного архивного бюро). Более трех лет возглавлял это учреждение.

За годы революции и гражданской войны архив, один из старейших и богатейших в Сибири, пришел в запущенное состояние. Многие документы и редкие издания были свалены в кучу, помещение не отапливалось, сотрудников не хватало. Положение усугублялось тем, что судьбою архива ведали невежественные люди. Так, в 1921 г. разборочная комиссия из 5 482 рассмотренных дел XVIII–XIX вв. лишь 700 признала заслуживающими хранения, остальные распорядилась уничтожить. В связи с острой нехваткой бумаги для расплодившихся канцелярий было разрешено вырезать чистые листы из архивных дел. Почти каждый день 10–20 добрых молодцев, присланных из разных учреждений, наперегонки кромсали ценнейшие старинные дела, пыль стояла столбом! Проследить, чтобы не пропали ценные документы, было практически невозможно.

А к концу 1921 г., «в целях экономии средств», из 13 сотрудников архива было уволено 10.

Работать в таких условиях было крайне тяжело, но Няшин работал! Ему принадлежит немалая заслуга в становлении Алтайского государственного архива. Одновременно он преподает русский язык, историю и политэкономия в учебных заведениях Барнаула, а также на разных курсах для красноармейцев, милиционеров, рабочих и пр. Но это лишь для того чтобы не умереть с голоду самому и семье. Разруха, дороговизна, нищенская зарплата заставляли.

Работа в архиве сделала его краеведом, и этому увлечению он отдается до конца жизни. Его статьи и заметки об архивных находках все чаще появляются в газете «Красный Алтай» (ныне «Алтайская правда»). Перечень их занял бы слишком много места.

В феврале 1925 г. Няшин выступает на 1-й (и, к сожалению, последней) губернской краеведческой конференции с докладом «Архивное дело в губернии». В том же году он избирается членом Алтайского отдела Русского географического общества, а с мая 1930 г. – ученым секретарем его Совета. С 1928 г. он член совета Барнаульского краеведческого музея и комиссии по охране памятников старины. Там и там Няшин регулярно выступает с докладами и сообщениями; в декабре 1928 г. он представляет Алтай на сессии Сибирского бюро краеведения.

В 1929 г. в Барнауле выходит его брошюра «Некоторые моменты истории Барнаула» – результат многолетних архивных поисков. Она подкупает научной добросовестностью и объективностью

в изложении событий. Брошюра и поныне пользуется спросом у исследователей, у всех интересующихся историей Алтая.

Г. Д. Няшин – один из авторов Сибирской советской энциклопедии. Его перу принадлежат статьи о Ф. В. Геблере, К. Д. Фролове, В. К. Штильке, П. И. Шангине, А. Н. Демидове и некоторых других.

Много сил и времени уделяет он работе в комиссии по охране памятников старины. Большинство их находилось в плачевном состоянии. Вот выдержка из отчета Няшина о проверке Нагорного кладбища (1931): «Бюст Н. М. Ядринцева снят и увезен на Алтметаллзавод; могила В. К. Штильке завалена навозом; с надгробного памятника К. Д. Фролову сняты обе чугунные плиты и отправлены на Алтметаллзавод; сломан и валяется в ограде мраморный крест с памятника на могиле С. И. Гуляева...»

В таком вот состоянии находился Пантеон славы Алтая!.. Добавим к этому, что еще в августе 1924 г. обе плиты с Демидовского столпа (обелиска в честь 100-летия горного дела на Алтае) были отправлены на пароходе «Коммунист» (символично, не правда ли?) в Новониколаевск на переплавку. Примеры можно продолжать и продолжать. Это было воинствующее невежество, порожденное угаром классовой борьбы. Г. Д. Няшин, выступивший в газете «Красный Алтай» 31 мая 1928 г. в защиту памятников старины, был подвергнут разносной критике и откровенным угрозам в той же газете, в статье некоего Евг. Попова под красноречивым заголовком «Воинствующий архивариус» (8 февраля 1930 г.).

Прошу читателя извинить за большую выдержку из этой глумливой статьи, но, мне кажется, она поможет лучше понять, почувствовать, в какой душной обстановке приходилось в те годы жить и работать Няшину и таким, как Няшин – «социально-чуждым элементам». Вот что говорится в этой статье:

«...В анкете на вопрос – состоите ли в партии – Няшин пишет: «Ввиду веских обстоятельств никакой партии не сочувствую». А устно поясняет: «Вступить в партию – это значит потерять человеческое достоинство».

Однажды к этому хранителю достоинства, как к советскому служащему и члену профсоюза, явился представитель воинствующих безбожников³⁰ с антирелигиозной анкетой. На просьбу заполнить

³⁰ *Союз воинствующих безбожников – массовая добровольная общественная организация в СССР в 1925–1947 гг. Союз вел антирелигиозную пропаганду, проща говоря, боролся с «религиозным дурманом» нередко насильственными методами.*

анкету и назвать ряд церквей, которые могут быть использованы под культурные учреждения, Няшин ответил:

– Можете уходить, откуда пришли. Я слишком культурный человек, чтобы голосовать за закрытие церквей и передачу колоколов на нужды индустрии!..

А через несколько дней гражданин Няшин представляет в Союз Рабпрос (работников просвещения – *В. Г.*) объяснение, в котором пишет:

«Заявляю, что, по моему мнению, в Барнауле должны быть сохранены все памятники старины, в том числе Петропавловский собор, Богородская церковь, Захарьевская церковь и кладбищенская церковь с крестами, колоколами и внутренними украшениями, а также здание лютеранской церкви».

К этому заявлению Няшин приложил список «наиболее выдающихся памятников в Барнауле». В частности, к другим достопримечательностям старины архивариус добавил памятник на могиле Н. И. Журина.

Кто такой Журиин, архивариус предусмотрительно умалчивает, но мы знаем: Николай Иванович Журиин – не кто иной, как бывший начальник Алтайского округа, иными словами – губернатор, монархист, негодяй и подлец.

Вот за какие памятники старины печется гражданин Няшин!

По мнению архивариуса, все перечисленные им церкви надо сохранить вместе с колоколами. Удивляемся, как это гражданин Няшин не приписал: «А также со всеми попами, просвирнями и их родственниками, ближними и дальними, как ходячими памятниками отжившей культуры».

Вывод из сказанного может быть один: не по ошибке ли гражданина Няшина держат в окружном архиве?»

Вывод выделен жирным шрифтом с явным намерением, чтобы компетентные органы обратили на него внимание.

Хотелось бы сказать несколько слов в защиту Н. И. Журина. Москвич, выходец из бедной мещанской семьи, он трудом и талантом пробил дорогу в Горный институт. В 1882–1891 гг. был управляющим Алтайским горным округом. Немало сделал для развития образования, науки, культуры в Барнауле. Активно содействовал становлению «Общества попечения о начальном образовании в Барнауле», а также Общества любителей исследования Алтая, в

том и другом был избран почетным председателем и являлся на этом посту отнюдь не свадебным генералом. Не чурался общения с политическими ссыльными и поднадзорными, помогал им в устройстве на работу к неудовольствию жандармского надзора. Вот как отзывался о Журине межешвик П. Н. Соболев, между прочим, тоже из «поднадзорных»:

«Внимательный к чужому мнению, он всегда откликнулся на всякое хорошее и полезное дело и своим примером привлекал других к общественной деятельности».

Еще лучше сказал о нем при отпевании в Дмитриевской церкви протоиерей Иоанн Горетовский: «Это был первый гражданин нашего города не только по своему высокому положению, сколько по своим достоинствам».

Словом, Николай Иванович Журин оставил добрую память на Алтае и называть его негодяем, подлецом может лишь дремучий невежда.

Однако вернемся к Няшину. В 1930 г. членам Географического общества удалось издать 12-й номер «Алтайского сборника» (через 18 лет после 11-го). Няшин поместил в нем статью «Материалы Барнаульского архива о докторе Ф. В. Геблере». Он подготовил несколько статей и для 13-го номера, но выпуск его был запрещен, а в мае 1931 г. прекратило деятельность и Географическое общество, незадолго перед тем переименованное в Алтайское отделение Общества изучения Сибири и ее производительных сил.

Та же участь постигла и все общество, а его руководители (в Новосибирске) по надуманным обвинениям репрессированы как «враги народа».

На смену обществу появилось Барнаульское бюро краеведения, но и оно вскоре распалось, ибо работать в нем стало некому: один за другим были арестованы ведущие краеведы А. П. Велижанин, В. И. Верещагин, П. А. Казанский и другие. Вся их вина состояла в том, что они принадлежали к «социально-чуждому элементу», «бывшим людям».

К той же категории относился и Няшин: сын станичного атамана, царский, затем колчаковский чиновник, вдобавок муж генеральской дочери. Неважно, что он, как и названные выше «бывшие», лояльно относился к советской власти, добросовестно трудился и не помышлял ни о каких заговорах. От ареста его спасла, очевидно,

болезнь. Незадолго перед тем у него умерла жена, и потрясенный ее смертью, он около двух лет тяжело болел.

Летом 1934 г., едва поправившись, он переезжает в село Пospelиху, подальше от всевидящих глаз и всеслышающих ушей чекистов. Там работает учителем немецкого языка в средней школе.

Гордиться бы руководству школы, районному отделу народного образования тем, что в их коллективе появился человек, владеющий четырьмя европейскими языками плюс казахский и украинский, известный краевед, добросовестнейший преподаватель. Но для них он был прежде всего «социально-чуждый элемент», а кругом призывали к бдительности и беспощадно расправлялись с теми, у кого она притупилась.

И вот в сентябре 1937 г. Г. Д. Няшин по вздорному поводу был уволен.

Он вернулся в Барнаул. Около шести лет сухонький, лысый, совершенно седой старичок с пышными белыми усами, почти закрывающими рот, обивал пороги краевых властей, неоднократно писал в Наркомпрос, пытаясь доказать свою невиновность и если не восстановиться на работе, то хотя бы защитить свою честь от несправедливых обвинений. Честь у него, человека старой закваски, была далеко не на последнем месте. Напрасные попытки!..

Уже слабый и больной, Няшин подрабатывает консультациями в архиве, музее (по истории Алтая), краевой библиотеке (по иностранным языкам). Находит время заниматься и краеведением. Только в 1941 г. в «Алтайской правде» появляются его статьи: «Барнаул в XVIII-м веке», «Барнаул в XIX-м веке», «Механикус Ползунов».

21 мая 1943 г. Григорий Дмитриевич Няшин скончался, так и не добившись правды.

Группа друзей обратилась в «Алтайскую правду» с просьбой опубликовать некролог. В нем, в частности, говорилось:

«...Умер автор книги «Некоторые моменты истории Барнаула». В лице Г. Д. Няшина алтайская научная общественность потеряла одного из крупных краеведов. В периодической печати Барнаула и Западной Сибири Г. Д. Няшиным за последние 20 лет напечатано свыше пятидесяти статей и заметок на самые разнообразные краеведческие темы...

Вклад, сделанный Г. Д. Няшиным в прекрасную сокровищницу советской науки, будет служить памятью о скромном интеллигенте, посвятившем половину своей жизни собиранию, научной обработке и публикации краеведческих материалов о родном ему Алтае.

Смерть Г. Д. Няшина должна напомнить алтайской научной общественности, что ряды краеведов, и без того не очень густые, редуют и требуется серьезное пополнение их».

Некролог не был опубликован...

АРХИВИСТ, КРАЕВЕД

Юлиан Гаврилович Циркунов родился в 1877 г. в Богучарском уезде Воронежской губернии, в семье крестьянина, ставшего потом железнодорожным рабочим. По окончании реального училища поступил по настоянию отца вольноопределяющимся в армию; через три года закончил школу прапорщиков, но далее служить не захотел, в 1900 г. уволился в запас, стал учителем.

В 1905 г. был призван в армию и назначен смотрителем госпиталя в Харбине. По окончании русско-японской войны демобилизовался, работал учителем в Харбине и на станции Маньчжурия. В 1914 г. был вновь призван, три года провел на фронте, дважды ранен, дослужился до чина штабс-капитана.

После Февральской революции перешел на сторону большевиков, вступил в ряды ВКП(б). В декабре 1917 г. самовольно покинул фронт, выехал в г. Екатеринбург, к семье. Здесь военкоматом был назначен комиссаром по формированию отрядов Красной гвардии. Участвовал в боях с белочехами. После временного падения советской власти скрывался.

С приходом Красной Армии – военный комиссар г. Тара. В 1921 г. принял участие в подавлении Ишимско-Петропавловского восстания крестьян, вызванного продразверсткой, а также перегибами советских и партийных органов.

С того же года – на Алтае: губернский военный комиссар (1921), Рубцовский уездный продкомиссар (1922), заведующий Барнаульским рабфаком Томского университета (1922–1923), заведующий губистпартом и окружным архивным бюро (1924–1928).

Некоторое время исполнял обязанности заместителя редактора газеты «Красный Алтай» (1927).

В 1929–1937 гг. Юлиан Циркунов – научный сотрудник Западно-Сибирского крайистпарта, который возглавлял известный большевик-подпольщик В. Д. Вегман, историк и журналист. В эти годы появляются краеведческие публикации Ю. Г. Циркунова: «Красногвардейский отряд Петра Сухова» (журнал «Сибирские огни», 1931, № 7/8), «Сибирская Красная гвардия и отряд Петра Сухова» (Новосибирск, 1934, в соавторстве с В. Д. Вегманом), «Повстанческое движение на Алтае» (Новосибирск, 1935), «Солоновский бой» (журнал «Сибирские огни», 1935, № 1).

В 1936 г. В. Д. Вегман был арестован органами НКВД по обвинению в троцкизме и в тюрьме покончил с собой. Сразу же начались гонения и на Циркунова. Он был обвинен в том, что все его работы по истории революционного и партизанского движения на Алтае написаны с троцкистских позиций, делается упор на стихийность их возникновения, принижена руководящая и направляющая роль партии большевиков.

Возможно, стараниями друзей, пытавшихся спасти его от неминуемого ареста, Циркунов в 1937 г. оказался в отдаленном горно-алтайском селе Турочак, близ Телецкого озера, в должности... уполномоченного крайрыбтреста. А вскоре он назначается заведующим отделом здравоохранения Турочакского аймака (района). Одновременно стал преподавать историю в местной школе.

Однако спастись в глуши Горного Алтая от «всевидящего глаза» НКВД ему не удалось. 11 июня 1938 г. он был арестован.

«Винником моего ареста, мучений и страданий является заведующий парткабинетом райкома ВКП(б) Коркин», – писал Циркунов в жалобе Берии из лагерной больницы незадолго до смерти.

Сам же Александр Митрофанович Коркин в ходе реабилитации (1954) показал, что дело было так. Он присутствовал на уроке истории у Циркунова и доложил в райкоме партии, что преподаватель не особенно резко осудил троцкистско-бухаринскую платформу в отношении восстановления народного хозяйства страны. Присутствовавший при разговоре начальник районного отделения НКВД

Кузюкин предложил написать об этом заявление на его имя. Коркин попытался отказаться.

– Сначала надо бы рассмотреть этот вопрос на бюро райкома.

– В таком случае ты будешь нести ответственность наравне с Циркуновым, – пригрозил Кузюкин. – Хочешь скрыть контрреволюционера?

У Коркина уже два родственника на Урале были взяты «по линии НКВД», и он написал все, что потребовал Кузюкин. Более того, на допросе в качестве свидетеля показал, что Циркунов систематически игнорировал методы преподавания в советской школе, восхвалял Троцкого, принижал роль Ленина, вел антисоветскую агитацию.

В ходе реабилитации Коркин заявил, что ничего такого не говорил, его слова извратили и вообще ему тогда протокол даже не зачитали.

Все это похоже на правду. Методы работы фальсификаторов из НКВД теперь хорошо известны, и не поворачивается язык осуждать Коркина. Сталинско-бериевские чекисты и не таких обламывали.

Таким же способом, наверное, получили они «уличающие» показания от учителя И. Н. Ужгина, директора Дома туристов М. В. Бородина, медсестры А. И. Аверьяновой, ученика 7 класса Саши Побединского. Вот что написал он в своих свидетельских показаниях (сохраняю орфографию): якобы Циркунов на своих уроках «старался запутать всех учащихся. На место истории он нам болши рассказывал анигдоты этим самым разлагал труддисциплину среди учащихся. Он не старался разеснить нужный вопрос среди учащихся а все болши рассказывал анигдоты. Говорил нам что вот до чего я дожил что остался нагишом а достать нигде ни достаниш ничего не стало. В класс приходил одна нога обута в сапоге а другая в галоши...»

Все эти свидетели в ходе реабилитации от своих показаний отказались, заявив, что дали их под нажимом. Наверное, им и теперь, кто жив, стыдно за них. Но человека-то не вернешь.

Еще больше, чем подневольные свидетели, приписали Циркунову допросившие его и. о. начальника Ойротского областного управления НКВД Буторин и небезызвестный Яков Пасынков, виновник гибели партизанского начдива И. Я. Третьяка и многих других партизан. Скорее всего, не допросили, а просто

принудили подписать заранее сочиненный ими протокол допроса с «признательными» показаниями объемом в 24 машинописные страницы. Пересказывать его содержание не хочется: в нем что ни слово, то ложь. Оговариваются, в частности, многие из уцелевших от репрессий руководители партизанского движения на Алтае (явно рука Пасынкова).

1 марта 1939 г. в кабинете Кузюкина состоялось заседание выездной сессии Ойротского областного суда. Циркунов виновным себя не признал, от прежних показаний отказался, но это его не спасло. Он был приговорен к 20 годам заключения в исправительно-трудовом лагере и поражению в правах на 5 лет, с конфискацией имущества. Его кассационная жалоба в Верховный суд РСФСР была отклонена.

24 сентября 1941 г. Юлиан Гаврилович Циркунов умер в тюремной больнице. Трагическая его судьба подтверждает горькую истину: революция пожирала собственных детей. В 1954 г. он был полностью реабилитирован.

НЕ СДАВШИЙСЯ

Михаил Федорович Розен – одна из бесчисленных жертв тоталитарного режима. Правда, по сравнению с другими ему, можно сказать, повезло: он не сидел в тюрьме, если не считать кратковременного ареста, его миновали сталинско-бериевские лагеря, но угроза тюрьмы, лагерей и даже физического уничтожения висела над ним почти всю жизнь, вплоть до смерти «вождя народов». Лучшие свои годы он провел на положении ссыльнопоселенца под неусыпным оком «органов», но и в таких условиях находил в себе силы работать с полной отдачей (иначе не умел), заниматься научными исследованиями порой не по своему выбору и склонности, а по заданиям начальства. И тем не менее успел сделать на удивление много.

А виноват он перед советской властью был лишь в том, что происходил из старинного рода баронов Розен. В России ветвь их пошла от одного из «славных пленников» Петра I в Полтавской битве. Шведский генерал Розен навсегда остался в России, положив начало целой плеяде видных деятелей, приумноживших славу своего нового Отечества. Портрет прадеда Михаила Федоровича находится в Эрмитаже, в галерее героев Отечественной войны 1812 года, один из его родственников – декабрист, дед 30 лет преподавал геологию и минералогию в Казанском университете. У отца заслуги посромней: до революции он служил мировым судьей в г. Бауске (Латвия), где Михаил Федорович и родился 14 ноября (н. ст.) 1902 г.

Но настало время, когда дворяне (а тем более князья, бароны и пр.), купцы, священнослужители, а заодно их дети и ближайшие родственники стали официально именоваться «социально-чуждым

элементом» и еще оскорбительнее – «бывшими людьми» якобы мешающими продвижению победившего пролетариата к «светлому будущему» – коммунизму. А чтоб не мешали, их начали убирать. Как это делалось, теперь хорошо известно.

Попала под этот жернов и семья Розена. Правда, не сразу. В 1915 г., спасаясь от наступавших немцев, они переехали в Петроград. Здесь Михаил Федорович закончил гимназию (начинал в Рижской), в 1921 г. поступил в Ленинградский сельскохозяйственный институт. Он с детства любил сельскохозяйственные работы, даже курсы огородников закончил после гимназии. В институте специализировался в области почвоведения, на полевой практике в 1924 г. увлекся изучением речных наносов в дельте Волги. С этого начался его переход в «геологическую веру». По возвращении в Ленинград ему, еще студенту, поручено было организовать лабораторию по изучению наносов.

М. Ф. Розен закончил институт в 1925 г., а в следующем в печати появилась его первая научная работа о режиме наносов и генезисе островов в дельте Волги. В дальнейшем деятельность лаборатории расширилась, работы проводились на многих реках, а потом и на морях.

По отзыву профессора Ленинградского университета А. Каминского, Михаил Розен «с первых же шагов на научном поприще зарекомендовал себя весьма талантливым исследователем, умеющим извлекать из работ, преследующих узкие цели, ценнейшие данные для освещения научных проблем большого значения... и быстрым темпом расширяющим свой научный кругозор».

В 1931–1935 гг. Михаил Федорович в качестве старшего инженера-геолога работал на побережьях Белого, Баренцева, Каспийского и Аральского морей. Два раза попадал в сильные шторма и оказывался на краю гибели. Накапливал материал для монографии, кое-что публиковал.

«Но обобщить все накопившиеся материалы мне не удалось, – пишет он в автобиографии. – В 1935 г. я оказался высланным из Ленинграда, и начатая мною работа пропала». Пропала не одна эта работа. Судя по началу, из Михаила Розена мог бы выйти крупный ученый, сложись его судьба иначе.

После убийства С. М. Кирова тысячи и тысячи ленинградцев подверглись необоснованным, жестоким репрессиям. С Розеном еще обошлись, можно сказать, мягко: его с семьей (мать, жена, дочь)

просто выслали в г. Куйбышев (ныне снова Самара) как «социально-чуждый элемент», лишив права свободного передвижения по стране. Излишне говорить, что сделано это было без суда и следствия.

Топор ОГПУ–НКВД просвистел над их семьей еще раньше. В 1924 г. был арестован отец и выслан в г. Верхне-Удинск (с 1934 г. – Улан-Удэ). По отбытии ссылки поселился близ Ленинграда (в город ему путь был заказан), потом переехал к жене и сыну в Куйбышев. Здесь его в 1936 г. арестовали вместе с сыном, но Михаила Федоровича вскоре освободили, а отца отправили на Колыму. Последняя открытка от него пришла из Владивостока...

В Куйбышеве Михаил Федорович занимался гидро-геологическими и инженерно-геологическими изысканиями на месте будущихстроек и в районах, намеченных для орошения. Работал в разных организациях, в том числе и в Особстрое НКВД, а к ним, как известно, чем ближе, тем опаснее. Спасало Михаила Федоровича, вероятно, то, что он был человеком «дефицитной» профессии и редкой добросовестности.

«В силу сложившихся обстоятельств в начале 1942 года я попал на Алтай», – читаем в его автобиографии.

А обстоятельства сложились такие: после переезда Правительства в Куйбышев «органы» принялись очищать город от «социально-чуждого» и вообще «неблагонадежного» элемента. К этой категории относился и Розен. Его вызвали в милицию и сделали в паспорте отметку: «Может проживать в Алтайском крае. И нигде больше!..»

Морозным декабрьским днем 1941 г. на куйбышевский вокзал был подан специальный эшелон для выселяемых «неблагонадежных». В него погрузились и Розен с женой и дочерью (мать уехала в Астрахань к дочери, тоже высланной с мужем из Ленинграда).

В годы Великой Отечественной войны, да и раньше, Алтайский край был местом ссылки для многих и многих, чем-то вроде огромного лагеря, только без колючей проволоки. Но и без проволоки отсюда не убегали. Куда бежать-то, если лагерем стала вся страна?..

Первые десять лет Михаил Розен проживал в Змеиногорске, работал геологом треста «Запсибзолото» Министерства внутренних дел СССР. Кроме работы на Змеиногорском руднике, ему приходилось заниматься поисками и разведкой рудного и россыпного золота в ряде районов западного Алтая. Им был проведен перерасчет запасов золота и других полезных ископаемых Змеиногорского

месторождения, по результатам которого было принято решение о временной консервации рудника.

В 1951 г. Розену было присвоено звание горного инженера 2-го ранга; за год до этого в закрытом сборнике вышла его статья, первая после многолетнего перерыва.

Вскоре после переезда на Алтай Михаил Федорович разобрался, что он и его семья – не настоящие спецпереселенцы: от них не требовали ежемесячно отмечаться в комендатуре. А раз так, могут и не хватиться, если он надумает съездить куда-нибудь за пределы Алтайского края! Но далеко ли уедешь с проклятой отметкой в паспорте?.. Сколько он ни добивался, куда только ни писал, чтобы сняли эту отметку, ответа не получил. Лишь в 1953 г., после смерти Сталина, ему заменили паспорт и выдали справку о реабилитации. Словом, оправдали безвинного...

В 1952 г. он был переведен на Катунно-Бийский прииск, управление которым находилось в Бийске. Здесь прошло второе десятилетие пребывания Розена на Алтае. Два года он руководил разведкой Синюхинского золоторудного месторождения в Горном Алтае. После завершения работ здесь был открыт рудник «Веселый», а сам Розен в 1957 г. Государственной комиссией был признан «соучастником первооткрывательства Синюхинского месторождения».

В 1955 г. по поручению президиума Географического общества СССР Розен организовал, а точнее, воссоздал Алтайский отдел Общества, ликвидированный в середине 30-х годов. До отъезда с Алтая он неизменно избирался его председателем. Отдел был организован в Бийске: в краевом центре не нашлось никого, кто взялся бы помочь в этом деле.

В 1959 г. отделом, при материальной поддержке Совнархоза, была проведена в Бийске научная конференция «Природа и природные ресурсы Алтайского края», собравшая большое число участников. В 1961 г. под редакцией М. Ф. Розена был издан первый выпуск «Известий Алтайского отдела Географического общества СССР».

В 1957 г. в связи с ликвидацией Катунно-Бийского прииска Михаил Федорович вышел на пенсию (на льготных условиях, связанных с подземными работами).

В 1962 г. он получил квартиру в Ленинграде (однокомнатную, в нижнем этаже крупнопанельного дома) и покинул край, невольным гостем которого был в течение двадцати лет. Но связи с Алтаем не терял до конца жизни. «Я сохранил интерес к Алтаю, – пишет он, –

любовь к его прекрасной природе. Меня продолжает интересовать все, что делается по его изучению».

В читальных залах ленинградских архивов и библиотек, наверное, помнят до сих пор сухонького, седого, чрезвычайно скромного и вежливого старичка, который изо дня в день ходил к ним как на работу и постоянно искал что-нибудь об Алтае. Для сбора и копирования материалов Михаил Федорович не жалел своей скромной пенсии, часто отказывая себе в самом необходимом.

Неутомимый исследователь опубликовал около семидесяти краеведческих работ (не считая газетных статей) по географии, геологии, истории и топонимике Алтая. Отдельными книжками вышли: «Очерки по истории горного дела на Алтае» (Барнаул, 1955), «История исследования природы Горного Алтая» (Горно-Алтайск, 1961), «Кольвань и гора Змеиная» (Барнаул, 1983), «Очерки об исследователях и исследованиях Алтая» (Барнаул, 1996). В 1992 г. к 90-летию Михаила Федоровича усилиями его друзей и почитателей изданы: сборник воспоминаний о нем и его многолетний труд «Библиография Алтая».

Но лежат в госархиве Алтайского края (в личном фонде Розена) и в Бийском краеведческом музее имени В. В. Бианки завершенные рукописи монографий: «Географические названия Алтая», «Топонимика Алтая», «У вершины Оби. Легенды и сказания». Хочется верить, что они дождутся своего издателя...

Несмотря на покаленную судьбу, пережитые несправедливости, Михаил Федорович не ожесточился, не замкнулся в себе. По словам исследователя его жизни и творчества В. Б. Бородаева, он «представлял собой уже почти исчезнувший тип русского интеллигента, сложившийся в дореволюционную пору. Его отличали исключительная доброжелательность, обязательность, уже становящаяся непривычной открытая сердечность и искренность интонаций, мягкость и необычайно вежливое, уважительное отношение к людям».

Таким его помнят все, кому доводилось с ним встречаться.

Умер Михаил Федорович Розен 5 ноября 1989 г.

«ПОИСКИ – МОЯ СТРАСТЬ»

«Поразительно, какое огромное количество талантов жило, трудилось и боролось с косностью, совершало героические подвиги без ожидания наград, поощрений, идя на лишения ради облегчения труда и расцвета экономики родного края!..»

Эти слова принадлежат нашему замечательному краеведу Николаю Яковлевичу Савельеву.

В 170-летней истории Колывано-Воскресенских горных заводов есть целое созвездие имен, составляющих славу и гордость Алтая. Это всемирно известный изобретатель «огнедействующей» машины Иван Иванович Ползунов, кудесник вододействующих устройств Козьма Дмитриевич Фролов, его сын – крупный организатор и руководитель горнозаводского производства Петр Козьмич Фролов, пионер камнерезного дела Филипп Васильевич Стрижков, первоклассные механики, новаторы производства Поликарп Михайлович Залесов, Михаил Сергеевич Лаулин, Павел Григорьевич Ярославцев, Степан Васильевич Литвинов и ряд других.

Характерно, что все они были выходцами из «низов» – детьми солдат, мастеровых, мелких канцелярских служащих, службу начинали с самых рядовых должностей и «своим горбом», трудолюбием, настойчивостью выросли в крупных специалистов. Испытав на себе тяжкую долю рудокопа, мастерового, они потом все силы, опыт, способности, накопленные по крупицам знания употребили на то, чтобы «облегчить труд по нас грядущим» (выражение принадлежит И. И. Ползунову).

Только эта благородная цель двигала всеми их делами и помыслами, но никак не погоня за чинами и наградами. Ради этого

они шли на любые лишения, на подвиг. Ведь иначе как подвигом не назовешь драматическую историю создания «огнедействующей» машины Ползунова, стоившей жизни изобретателю. В сорок два года зачах от силикоза – профессиональной болезни камнерезов – Филипп Стрижков.

Но прошли годы и – такое у нас, увы, не редкость – их имена (даже долгое время – Ползунова) оказались забыты. К счастью, они остались на страницах архивных документов. И нашелся человек, который заинтересовался ими. Этим человеком был алтайский краевед Николай Яковлевич Савельев.

Он был физиком по образованию, а по призванию – неутомимым исследователем и популяризатором истории родного края. Специальность учителя физики, возможно, и послужила причиной его увлечения историей техники прошлых веков. Рассказывают, что еще в школьные годы он пытался воспроизвести модель «огнедействующей» машины Ползунова. Потом, став музейным работником, Николай Яковлевич (с помощью столяра музея) сделал 14 моделей старинных станков и механизмов. Среди них – часть знаменитого каскада К. Д. Фролова на Змеиногорском руднике, универсальная камнерезная машина Ф. В. Стрижкова и, конечно, модель машины Ползунова (в том варианте, в каком она была построена изобретателем в 1766 г.). Мог бы, по его словам, сделать больше, но получил упрек от начальства за то, что прославляет технику отсталой царской России и замалчивает о передовой советской.

Его модели до сих пор являются украшением экспозиции краевого краеведческого музея, отделом дореволюционной истории которого Николай Яковлевич заведовал 14 лет. Они вызывают у посетителей законное чувство гордости умельцами, трудившимися когда-то на Алтае, а также признательность человеку, сумевшему представить плоды их труда в такой наглядной форме.

Думается, что без глубокого знания физики, механики он вряд ли смог бы так досконально разобраться в технике прошлых веков. В этом ему не было равных на Алтае. Пожалуй, нет и теперь. Конечно, к знаниям нужно добавить любовь, увлеченность и необыкновенную работоспособность, которую можно назвать одержимостью. И еще одно хорошее слово напрашивается: призвание. Однако истинное свое призвание, несмотря на приведенный выше пример из школьных лет, Савельев осознал не сразу. В жизни так нередко случается.

Он родился в 1908 г. на Урале, в старинном горнозаводском поселке (теперь городе) Кушва, в семье фельдшера. В трехлетнем возрасте, после смерти отца, переехал с матерью в село Гутово Томской губернии, а оттуда в 1922 г. – в Барнаул. Здесь закончил среднюю школу, работал лаборантом в физическом кабинете, преподавал физику в школах Рубцовска и Барнаула, одновременно учился заочно в Иркутском педагогическом институте, но после 4-го курса вынужден был оставить учебу из-за болезни сердца. Однако это не помешало ему в июле 1942 г. вступить добровольцем в ряды 74-й стрелковой бригады, формировавшейся в Барнауле.

Фронтовая судьба его сложилась нелегко. В боях с немецко-фашистскими захватчиками командир стрелкового отделения Савельев получил одну за другой две тяжелейшие контузии. Из полутора фронтовых лет он семь месяцев провалялся в госпиталях. Затем по направлению один год работал токарем на одном из заводов Москвы, одновременно долечивался у московских врачей – восстанавливал способность говорить.

В ноябре 1944 г. вернулся в Барнаул, снова стал учителем физики. Но расстроенное здоровье вынудило его уйти из школы. Так, можно сказать, волею обстоятельств стал он музейным работником. Это и оказалось его истинным призванием!

Теперь он мог, сколько душе угодно, рыться в богатейших фондах музея, стал постоянным посетителем краевого государственного архива, для работы в котором ему директором музея даже были выделены специальные дни. Что дни! Он проводил там все свои отпуска от первого дня до последнего. И это при его-то здоровье...

А может, радость путешествий в прошлые века была для него лучшим лекарством? Во всяком случае, сам Николай Яковлевич в это верил.

Летом он отправлялся в поездки в Горную Кольвань, Змеиногорск, Салаир, обследовал давно заброшенные рудники, места исчезнувших заводов, встречался с потомками колыванских камнерезов, рудокопов, мастеровых, листал их семейные альбомы, записывал сохранившиеся предания о давно прошедших временах, вовлекал новых людей в славную когорту краеведов.

В Барнауле, Свердловске (ныне снова Екатеринбург), Новосибирске стали выходить его книги. Имя алтайского краеведа приобретало все большую известность в научном мире. Его

приглашали на научные конференции, совещания, он выступал с докладами и сообщениями в Москве, Ленинграде, сибирских городах, вел обширную переписку.

В августе 1961 г. Николай Яковлевич стал научным сотрудником краевого госархива. Он перешел сюда для того, чтобы целиком отдаться исследовательской работе. В стенах архива и прошли последние шесть лет его жизни. Здесь, за своим рабочим столом, он и скончался 28 декабря 1967 г.

У него была прекрасная и довольно редкая для исследователя черта: своими находками он охотно делился с другими. Кто бы ни обращался к нему за помощью, будь то школьник или известный ученый, он каждому старался помочь больше, чем обязывал его служебный долг.

Вот два примера.

Выслав доктору биологических наук Г. В. Крылову копию старинной карты лесов Алтая, он пишет: «Я постараюсь и впредь давать Вам полезные материалы. Я это сделаю не потому, что буду упомянут в Вашей статье, а потому, что это дает мне удовлетворение – чувство, что дело, сделанное людьми сто лет назад, служит на пользу людям».

Узнав, что Евгений Федоров (автор романов «Каменный пояс», «Большая судьба», «Ермак») собирается писать историческую повесть о камнерезах Горной Кольвани, он дарит ему свою рукопись «Алтайские камнерезы» объемом в 10 печатных листов (первый вариант одноименной книги, вышедшей в Барнауле. Рукопись по объему вдвое превосходила ее).

«Просто не хватает слов выразить свое состояние, – пишет ему растроганный Евгений Александрович. – Ваш поступок чрезвычайно благороден. Так мог поступить только человек с широкой ясной душой...»

Ответы на пяти-шести страницах даже школьным следопытам не редкость в практике Савельева. «Не стесняйтесь, заказывайте, – просит он своих корреспондентов. – Поиски – моя страсть и отдых для меня. Чем больше запросов ко мне – тем мне лучше работается».

А ведь найти в архивном море нужный документ порою не легче, чем иголку в стоге сена! Кто имел с этим дело, согласится со мною.

Но Николай Яковлевич чаще сетует на другое: мало «соперников», мало истинно влюбленных в историю родного края!..

«Моя мечта, – пишет он, – иметь не одного – двух, а пятнадцать–двадцать «конкурентов» по разным вопросам. Я хотел бы, чтобы десятки исследователей в возможно короткий срок подняли основы богатейшего материала нашего краевого госархива».

А вот еще одна выдержка из его письма известному историку техники профессору В. С. Виргинскому: «Сейчас растет вокруг ученых нашей страны армия рядовых разведчиков науки, которые имеют время и любят заниматься поисками фактов. Я один из таких рядовых и буду им относительно Алтайского округа, его истории...»

Истины ради надо сказать, что Николай Яковлевич был все же не рядовым разведчиком истории нашего края. Его перу принадлежит 13 работ, вышедших отдельными изданиями:

Козьма Дмитриевич Фролов. Свердловск, 1950.

Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае. Барнаул, 1950.

Выдающийся паротехник-барнаулец С. В. Литвинов и его паровые машины. Барнаул, 1950.

Петр Козьмич Фролов. Новосибирск, 1951.

Алтай – родина выдающихся изобретений. Барнаул, 1951.

Сибирские механики П. М. Залесов и М. С. Лаулин. Новосибирск, 1953.

Филипп Васильевич Стрижков. Барнаул, 1954.

Строительство вододействующих устройств на Алтае в XVII веке (в соавторстве с В. С. Виргинским). Москва, 1955.

Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956.

В старом Салаире. Кемерово, 1957.

Алтайские мастера хрустального дела. Барнаул, 1958.

Сыны Алтая и Отечества, ч. 1 («Алтайские мастера хрустального дела», «Козьма Дмитриевич Фролов», «Филипп Васильевич Стрижков», «Петр Козьмич Фролов», «В старом Салаире»). Барнаул, 1985.

Сыны Алтая и Отечества, ч. 2. «Механикус Иван Ползунов». Барнаул, 1988.

Кроме того, им опубликовано 20 статей на краеведческие темы в журналах и альманахах.

Он много занимался также изучением жизни и условий труда алтайского приписного крестьянства. В его личном архивном фонде хранятся две неопубликованные объемистые рукописи:

«Кабинетские крестьяне (очерки истории дореволюционного крестьянства Алтая)» и «К вопросу освобождения кабинетских крестьян Алтайского округа от выполнения заводских работ».

Несомненный научный интерес представляет и его обширная переписка с учеными, писателями, краеведами.

В апреле 1960 г. группа историков ряда сибирских вузов, а также Ленинградского политехнического института возбудила ходатайство перед Высшей аттестационной комиссией о присвоении Савельеву ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации. Это ходатайство поддержал академик В. В. Данилевский, внимательно следивший за его творчеством.

«Н. Я. Савельев, – писал он, – опубликовал очень много серьезных научных исследований, в результате многолетних изысканий ввел в научный оборот огромное количество пребывавших в неизвестности фактов из истории нашей Родины.

Научные работы Н. Я. Савельева настолько серьезны, обобщают столь важные стороны, дают так много нового, что ни один исследователь Алтая и Сибири не может обойтись без его исследований.

В результате изысканий Н. Я. Савельева советские ученые впервые получили возможность ознакомиться с выдающимся творчеством М. С. Лаулина, Ф. В. Стрижкова и многих других забытых, а вместе с тем выдающихся деятелей Сибири и Алтая. Савельеву принадлежат важные исследования по истории камнерезной, стекольной и других отраслей промышленности. Он открыл и ввел в науку много новых сторон в творчестве И. И. Ползунова, К. Д. Фролова, П. К. Фролова и других сибиряков, созидательной деятельностью которых гордится русский народ».

Но получилось так, что порядок присуждения ученой степени без защиты диссертации как раз в это время был отменен.

Самого Савельева это мало огорчило, во всяком случае из колеи не выбило. «Со степенью или без степени, – говорил он, – я все равно буду делать то, что делал раньше».

«В АЛТАЙ Я ВРОС КОРНЯМИ...»

Марк Иосифович Юдалевич родился 9 ноября 1918 г. в городе Боготоле Красноярского края, но с 1927 г. живет в Барнауле. Отлучался отсюда лишь дважды: на учебу (в Омский педагогический институт) и – на войну!

На фронт пошел добровольцем – рядовым бойцом, сумев скрыть от врача-окулиста близорукость. Из-за своей близорукости противника не видел, когда приходилось по нему стрелять.

В ноябре 1941 г. в боях под Москвой был ранен. После госпиталя признан негодным к строевой службе и направлен корреспондентом бригадной газеты «За Родину!». Вел в ней поэтический цикл «Говорит Иван Боек», полюбившийся бойцам за образ отважного старшины, умевшего выходить победителем из любых положений. Старшина Иван Боек был как бы младшим братом Василия Теркина, впрочем, вряд ли претендовавшим на столь высокое родство.

В ноябре 1945 г., после демобилизации, Марк Юдалевич вернулся в Барнаул и стал корреспондентом «Алтайской правды»; а позже – заведующим отделом культуры и быта в редакции той же газеты.

На ее страницах стали часто появляться не только его стихи, но и басни, бичующие, как тогда говорили, отдельные недостатки, еще имевшие место в нашей жизни. Редакция газеты даже издала небольшим тиражом сборник этих басен, но они вызвали гнев партийного руководства края («что ни басня, то пасквиль на советскую действительность»). Тираж «книжонки» был уничтожен, а ее автор уволен с работы, причем даже без выходного пособия «за грубые политические ошибки, искривление линии

партии и слабое руководство отделом», хотя по итогам работы отдел занял первое место.

Вот как сам он вспоминает об этой черной полосе своей жизни:

«В 1949 году я был объявлен космополитом... Жизнь моя круто изменилась. Замолчал квартирный телефон. Иные знакомые, и даже друзья, завидев меня, переходили на другую сторону улицы. На работу никуда не брали. Только что вышедшая книжка басен пошла под нож... Пробовал обращаться к первому секретарю крайкома КПСС Н. И. Беляеву – ответа не получил. Секретарь по агитации и пропаганде крайкома КПСС В. И. Трушин пригласил меня к себе и посоветовал искать работу, не связанную с идеологией.

Печатать вас не будем, – твердо заявил он...»

Марк Иосифович решил обратиться к Константину Симонову, с которым был немного знаком в военные годы. По его рекомендации после войны стал участником первого Всесоюзного совещания молодых писателей.

Симонов, получив от Юдалевича письмо, телеграммой пригласил его в Москву, уточнил детали случившегося и тут же, в его присутствии, позвонил некоему Борису Николаевичу.

По возвращении домой Юдалевич сразу же был вызван к Н. И. Беляеву, за ним даже машину прислали.

«Беляев, – вспоминает Марк Иосифович, – принял тепло, лишь слегка пожурил: «Что же вы ко мне не обратились? Беспокоите больших людей».

И все для меня переменялось! Произошел полный откат. Предложили работу и даже на выбор. Ожил мой телефон, и даже «друзья» стали узнавать меня и изливаться в самых теплых чувствах».

Позже он узнал, кому обязан столь счастливым поворотом в своей судьбе. Оказывается, Н. И. Беляеву позвонил заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев (позже – секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро), предложил разобраться с жалобой Юдалевича и доложить.

В 1946 г. Юдалевич издал первый свой поэтический сборник «Друзьям», составленный в основном из стихотворений, написанных на фронте. Стихи его вновь стали появляться на страницах местных газет и сборников, в альманахе «Алтай» (ныне журнал «Алтай»). Он был одним из его основателей, участвовал в качестве ответственного секретаря в составлении первого номера (1947), четверть века

состоял в редколлегии журнала, шесть лет был главным редактором, совмещая это с должностью секретаря краевой писательской организации (1957–1963).

Находясь на этом посту, добился, что альманах (журнал), выходящий один раз в год, стал ежеквартальным. Это означало, что для алтайских писателей в четыре раза увеличилась возможность публиковаться.

Позже он несколько лет возглавлял литературно-художественный и краеведческий журнал «Барнаул», созданный в 1993 г. в основном по его инициативе.

Словом, журналистике Марк Иосифович отдал много лет и немало сил, но все же она была для него лишь промежуточной станцией на пути в большую литературу. Литературное творчество стало для него содержанием, целью, смыслом всей жизни:

Я – каторжник. Наказан я сурово,
Бумажной цепью я к столу прикован,
Порвать ее стараться бесполезно –
Она куда надежнее железной.
...Прикован я, но для меня неволя
Порою слаще самой светлой доли.

Дать обзор и оценку творчества Марка Юдалевича я не берусь. И вряд ли эта задача по плечу одному человеку. Ведь он автор 65 книг (из них не менее десяти для детей), он успешно проявил себя во всех литературных жанрах: поэзии, прозе, драматургии, публицистике!..

Впрочем, сам он не склонен этим хвалиться, скорее наоборот.

«Писал много. К сожалению, количество не переходит в качество. А некоторые вещи через годы ставлю себе не в заслугу, а в вину».

Эта самокритика делает ему честь. Слабые вещи есть у каждого писателя, но не у каждого хватает мужества в этом признаться.

Для меня, как для человека, увлекающегося краеведением, особый интерес представляют произведения Марка Юдалевича на краеведческие темы. Первым из них стала его поэма «Алтайский горный инженер», опубликованная в журнале «Сибирские огни» (1952, № 3). Поэма об изобретателе «огненной машины» Иване Ивановиче Ползунове вызвала большой интерес у читателей, была высоко оценена критикой. А. Турков в «Литературной газете»

(31 июля 1952) отметил ее остросюжетность, афористичность и емкость языка, акварельно-тонкий пейзаж.

Поэма принесла автору широкую известность.

Вдохновленный интересом читателей к судьбе творца «огненной машины», Марк Юдалевич пишет одноименную пьесу в стихах и предлагает ее краевому театру драмы.

Для театра это было первое обращение к истории Алтайского края, первый опыт творческого сотрудничества с местным автором.

Спектакль поставил молодой актер и начинающий режиссер Борис Андреевич Вахрушев, оформил художник М. Николаев, музыку написал композитор В. Левашов, он же сам дирижировал оркестром на премьерном спектакле. Роль Ивана Ползунова исполнил один из ведущих актеров Сергей Григорьевич Хлытчиев, а практически в спектакле была задействована вся труппа.

Спектакль был готов к весне 1954 г., по городу уже расклеены афиши, но за три дня до премьеры в театре случился пожар, пострадали декорации и значительная часть костюмов.

Героическими усилиями коллектива спектакль был восстановлен. Премьера его состоялась 5 июля 1954 г. во Дворце культуры меланжевого комбината, куда после пожара переведена была труппа. На спектакль пришло около тысячи зрителей. Он стал событием в культурной жизни Барнаула и Алтайского края, одним из самых больших творческих достижений коллектива театра.

В 1957 г. с большим успехом прошла в краевом драматическом театре и вторая пьеса Марка Юдалевича «Так добывалась правда» (о легендарном партизанском Главкоме Ефиме Мамонтове).

Обе эти пьесы теперь списаны в архив. Говорят, что они устарели и зритель на них не пойдет.

Что ж... Рад бы ошибиться, но теперь у многих людей, особенно у молодежи, другие кумиры. Не те, что были у отцов и дедов. И горько вспоминать нестареющие слова А. С. Пушкина: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».

О том же говорит и наш современник Валентин Распутин: «Как бы ни чтили и ни прославляли мы наше время и общество, нельзя забывать, что они невозможны были без прошлого, без тех, кто трудами и подвижничеством, мученичеством и борьбой установил нас в жизни и дал Родину, которой мы вправе гордиться».

Трудно переоценить познавательное значение «историко-публицистического очерка» «Барнаул» (1992), удостоенного в 1996 г.

муниципальной премии (очерком автор назвал сборник объемом в 215 страниц). В кратких документальных его главках воссоздана дореволюционная история Барнаула со дня его основания (1730–1917), рассказывается обо всех более или менее значащих событиях, происходивших в нашем городе, а больше всего о людях, трудом и талантом которых маленький горнозаводской поселок вырос в «Сибирские Афины».

Одно обидно: Марк Иосифович довел свое повествование лишь до 1917 г. А ведь и последующая история нашего города тоже не менее интересна и поучительна!..

Заслуженный успех выпал на долю его последнего романа «Адмиральский час» – о судьбе адмирала А. В. Колчака и гражданской войне в Сибири. Тираж его (аж 500 экземпляров) разошелся практически мгновенно. Вне всякого сомнения, он не залежался бы в магазине, если переиздать его большим тиражом. Но перед кем этот вопрос ставить? О возрождении краевого книжного издательства пока дальше разговоров дело не идет, хотя никто не оспаривает его необходимости. Надо ли объяснять, какие проблемы это создает для местных писателей?..

К произведениям краеведческого характера относятся повести «1905 год», «Голубая дама», поэмы «Молчана» и «Крутояры». Особенно полюбилась читателям «Голубая дама» – увлекательное повествование о любви прекрасной женщины, заживо замурованной в стену ревнивцем-мужем – горным генералом. И хотя это всего лишь легенда, не подтвержденная ни одним документом, она покорила читателей красотой чувств влюбленных и прекрасным, образным языком, слегка стилизованным под старину.

По мотивам повести театром музыкальной комедии была поставлена одноименная оперетта, собиравшая полные залы.

Тема родного города, родного края красной нитью проходит через многие его стихотворения. Назову лишь некоторые: «У Барнаульского мемориала», «Старые кварталы», «Земля Алтая», «Собор в Барнауле», «Демидовская площадь», «Достоевский в гостях у барнаульского купца», «Как рабочий поэта Тачалова спас»... В день своего 85-летия в беседе с корреспондентом «Алтайской правды» Марк Иосифович сказал: «В Алтай я врос корнями». И в этих его словах нет никакого преувеличения!

Марка Юдалевича по праву называют большим знатоком истории Барнаула и Алтайя. В этом ему немалую помощь оказал (он сам это признает) Петр Антонович Бородкин. Они друзья со школьных лет (в одном классе учились), оба педагоги по образованию, ровесники, оба все четыре года, «от звонка до звонка», пробыли на фронтах Великой Отечественной войны, практически в одно время были демобилизованы, и даже в одинаковом воинском звании – старшинами.

Сняв погоны, Марк Иосифович пошел корреспондентом «Алтайской правды», а Петр Антонович – в краевой госархив, где сразу же был назначен директором, а в 1961 г. – заведующим архивным отделом крайисполкома. Привлекла его туда не высокая зарплата, она была меньше учительской, а любовь к истории родного края, зародившаяся еще в детстве.

П. А. Бородкин оказал большую помощь М. И. Юдалевичу в сборе материалов для пьес об И. И. Ползунове и Е. М. Мамонтове, был консультантом по всем другим вопросам истории Барнаула и края.

М. И. Юдалевич не остался в долгу. Как писатель с некоторым опытом, он помогал П. А. Бородкину овладевать искусством художественного слова, особенно на первых порах. Так, он был общественным редактором и автором предисловия к первой его книге «Исторические рассказы о Барнауле» (1963), высоко оцененной С. П. Залыгиным, давшим рекомендацию П. А. Бородкину для вступления в Союз писателей СССР. Вторую рекомендацию дал М. И. Юдалевич.

Эта взаимная выручка принесла большую пользу не только им, но и всей алтайской литературе.

Многие (если не все) ныне уже маститые алтайские писатели первые шаги в литературе делали не без помощи и поддержки Марка Иосифовича Юдалевича. К нему и теперь несут рукописи «молодые начинающие», и я не слышал, чтобы он хоть раз кому-нибудь отказал, сославшись на занятость, преклонный возраст, проблемы со зрением.

Что касается меня, он и доньше остается первым читателем и критиком – еще в рукописи – всего мною написанного. И мне очень-

очень помогают его замечания и ненавязчивые советы. А когда он возглавлял журнал «Барнаул», то нередко звонил:

– Над чем работаете? Если есть что готовое – несите.

Мне думается старейшиной алтайских писателей Марка Иосифовича называют не только из-за его почтенного возраста.

О нем нельзя сказать, что его, кроме литературы, ничто не интересует. Он внимательно следит за событиями в крае, стране и в мире, его стихи и статьи на злобу дня всегда содержательны и объективны. Словом, он человек с активной жизненной позицией.

Его заслуги в литературе и общественной деятельности отмечены двумя орденами, званием «Заслуженного работника культуры РСФСР». Он единственный из писателей и жителей нашего города удостоен звания «Почетного гражданина Барнаула» и «Почетного гражданина Алтайского края».

«ХРАНИТЕЛЬ АЛТАЙСКОЙ СТАРИНЫ»

Так называл его друг со школьных лет, ныне старейшина алтайских писателей Марк Иосифович Юдалевич. А известный алтайский журналист и не менее известный острослов А. Е. Сотников посвятил Петру Антоновичу Бородкину дружескую эпиграмму:

Судьба, писателя родив,
С ним поступает справедливо:
Одних она сдает в архив,
Других возносит из архива.

Да, как писатель, П. А. Бородкин, действительно, «вознесся» из архива: все его творчество посвящено истории родного края, почерпнутой в основном из архивных документов.

Но не каждый сотрудник архива становится писателем. Для этого нужны еще влечение к литературному творчеству и талант. У Петра Антоновича оказалось то и другое. Марк Юдалевич вспоминает, что однажды, в 4-м классе, учительница предложила им анкету, в которой был такой вопрос: «Кем ты мечтаешь стать?». И Петя Бородкин ответил: «Писателем».

В школе он больше всего любил историю и литературу, даже что-то сочинять пробовал. А в 10-м классе однажды зашел в краевой госархив – узнать, нельзя ли в нем поработать. Сотрудница архива не без иронии посоветовала ему сначала подрасти.

Совет был не лишним. По словам Петра Антоновича, в 16 лет он имел рост 140 сантиметров и вес 34 килограмма. Лишь с годами дотянул до нормального роста, а по весу даже перебрал.

Знала бы сотрудница, что этот шуплый, неброского вида паренек через 10 лет возглавит архив, а позже – всю архивную службу края!..

Он родился 12 июля 1918 г. в Барнауле, в семье маляра. Был восьмым ребенком из двенадцати. С 13 лет тоже стал малярничать, помогать родителям сводить концы с концами. В 1937–1939 гг. учился в Барнаульском учительском институте, но поработать учителем ему довелось лишь четыре с половиной месяца в селе Сычевке Смоленского района. В декабре 1939 г. его призвали в армию. Служил и воевал – в зенитной части разведчиком, командиром отделения разведки, заместителем политрука батареи.

В 1979 г. в полушутливой анкете по случаю юбилейной встречи «БУИСТов» (так называли себя выпускники Барнаульского учительского института) писал: «Участник Великой Отечественной войны с первого и до последнего дня. Воевал на трех фронтах – и ни единой царапины! Из наград – 4 медали. Считаю, этого вполне достаточно».

А вот братьям его меньше повезло: Павел сгорел в танке, Андрей умер от ран после войны.

В мае 1944 г., когда полк стоял в городе Грозном, Петр Антонович сумел сдать экстерном за полный курс Грозненского педагогического института, получить второй диплом учителя. Но в декабре 1945 г., сняв погоны, старшина запаса Бородкин пошел не в школу, а в архив, где сразу был назначен директором. Вне всякого сомнения, вчерашнего фронтовика перед этим спросили, где бы желал он трудиться на мирном фронте. И, как видим, желание его со школьных лет осталось прежним.

В 1961 г. Петр Антонович стал заведующим архивным отделом Алтайского крайисполкома.

Привели его в архив не высокая зарплата (она была в два раза меньше учительской), не высокая должность, а любовь к истории родного края. Это не красивые слова. В той же анкете «БУИСТА» он писал: «Мне кажется, кто где родился, там должен жить и до безумия любить свой край, область, город, деревню, чему и я стараюсь следовать».

И следовал! Как-то в шутку сказал, что всю жизнь, за исключением шести военных лет, прожил на «пяточке»: родился на Большой Олонской, крестился на Большой Олонской (в Знаменской церкви),

учился на Малой Олонской (в учительском институте) и работать довелось в здании Знаменской церкви, где с 1938 г. разместился краевой госархив. И жил поблизости, в переулке Косой Взвоз (позже имени Ф. Е. Колядо), в неказистом домике с печным отоплением и удобствами во дворе. Лишь незадолго до смерти, став глубоким инвалидом, впервые получил благоустроенную квартиру на улице Северо-Западной, получил по ходатайству краевой писательской организации. Сам он никогда и ни о чем не просил.

2

Работа в архиве была не мед. В хранилище (я сам это видел) сотрудники даже летом не снимали валенки. К приходу Бородкина многие дела оставались еще неразобранными. Надо было каждое из них перелистать, уточнить название, определить место в фонде, в описи, на стеллаже, а перед этим вынести на улицу и хорошенько обмести от вековой пыли («обеспылить»). Пылесосов тогда не было в помине.

Такую работу легкой не назовешь: дел-то было многие тысячи. «Легкой» была зарплата, особенно у рядовых сотрудников 360 руб. в месяц «старыми», то есть 36 руб. новыми, после денежной реформы. То, что она была ниже пресловутого «прожиточного минимума», – несомненно, неизвестно лишь, во сколько раз. Тогда его величина гласно не объявлялась. Вряд ли соответствовала ему даже зарплата директора – 600 руб. в месяц.

Но в архиве подобралась когорта энтузиастов, для которых история родного края тоже была не пустым звуком. 20-летними студентками-заочницами пришли сюда Римма Степановна Скворцова и Валентина Степановна Насонова. Обе трудились здесь до пенсии, хотя, не уйдя из архива по болезни Петр Антонович, они могли бы с ним и еще поработать. С 1953 г. по окончании Московского историко-архивного института и до трагической гибели (1986) работала Надежда Петровна Волкова, кстати, единственный в то время дипломированный специалист. В 1961 г. Римма Степановна сменила Бородкина на посту директора архива, Валентина Степановна возглавила один из ведущих отделов. Этим людям наравне с Петром Антоновичем принадлежит заслуга в воспитании, сплочении сотрудников в дружный работоспособный коллектив.

С благодарностью вспоминаю, каким вниманием окружили они меня, начинающего архивиста, терпеливо учили азам специальности, мягко указывали на ошибки, ненавязчиво вникали в мои житейские обстоятельства и по мере надобности старались помочь. И я – не исключение, так они обращались со всеми сотрудниками. Не давил авторитетом и Петр Антонович. Порой его было не видно и не слышно. Пройдется раз-другой по коридору (летом – по двору) – и опять в кабинет. Но негромкое слово его было законом для нас. И не от страха, а из уважения.

Словом, обстановка была спокойной, рабочей, без дерготни, мелочной регламентации, тем более – без начальственных разносов. В такой обстановке хотелось работать, интересно было работать. О себе скажу, что по утрам я вприпрыжку бежал в архив, заранее радуясь, что проведу день а кругу хороших людей, да еще откопаю в документах что-нибудь для себя новое, интересное.

3

Вместе со всеми по целым дням мерз в хранилище и молодой директор архива. Он не только листал и обеспыливал дела, но и успевал делать многочисленные выписки из них. Эти тетради с выписками потом всю жизнь пополнял. Надо ли говорить, какую службу они ему сослужили?..

Рискну предположить, что поначалу у него особо «великих планов не было», но чем больше копался в делах давно минувших дней, тем больше возрастало желание рассказать другим о том, что сам узнал и полюбил. Начал лектором общества «Знание». Две его лекции оказались настолько содержательными, что были опубликованы отдельными брошюрами: в 1949 г. – «Роль партизанского движения на Алтае в разгроме колчаковщины» и в 1951 г. – «Крестьянские волнения на Алтае в 1905–1907 гг.» (она легла потом в основу одноименной главы в 3-м томе «Истории Сибири»).

Затем один за другим вышли отдельными изданиями биографические очерки «И. В. Присягин» (1957), «М. К. Цаплин» (1959), «С. И. Гуляев» (1960), «П. К. Голиков» (1963). Они вызвали большой интерес, и не только на Алтае, но сам автор (опять рискну предположить) вряд ли был ими вполне доволен. Его не устраивал уже язык названных работ – суховатый, от документа – ни на шаг. Правда, он нет-нет да оживлял его то придуманным диалогом,

то портретной характеристикой. Но хотелось большего – облечь документ в художественную форму, с разумной долей вымысла, словом, писать не статьи, а рассказы. В нем просыпался художник.

Однако новая манера письма далась ему не сразу. Ефим Пермитин, которому Бородин послал рассказ «Непростительный случай», дал о нем такой отзыв: «Рассказ очень слабый и по форме, и по содержанию. Что посоветовать Вам? Читайте больше мастеров, читайте не спеша, с карандашом в руках. Секретов в творчестве нет: они налицо у каждого мастера, в каждом его произведении. Научитесь понимать их – научитесь писать».

Большую помощь и поддержку в становлении Бородина как писателя оказал его друг со школьных лет Марк Юдалевич, ставший к концу 50-х гг. автором более десятка книг, членом Союза писателей СССР. В свою очередь и Бородин немало помог ему, когда тот собирал материалы для поэмы и пьесы о Ползунове, пьесы о партизанском главкоме Ефиме Мамонтове («Так добывалась правда»). Обе пьесы в свое время с успехом шли на сценах алтайских театров, и я далеко не уверен, что они устарели, что современный зритель на них не пойдет.

В разное время к Бородину обращались за консультациями писатели Евгений Федоров, Ефим Пермитин, Афанасий Салынский.

А с Юдалевичем они задумали написать книгу «Исторические рассказы о Барнауле», даже план составили. Бородин энергично принялся за дело. «Он писал рассказ за рассказом и все торопил меня, – вспоминает Марк Иосифович. – Но я уже понял, что он вполне справится с этой первой своей книгой один».

Книга вышла в 1963 г. под редакцией и с предисловием Марка Юдалевича и принесла автору широкую известность. На нее обратил внимание Сергей Залыгин. «Это большое и нужное дело», – писал он Юдалевичу.

Залыгин же дал Бородину рекомендацию для вступления в Союз писателей (немалая честь для периферийного литератора!)

В рекомендации, в частности, говорится:

«П. А. Бородин – историк, по моим впечатлениям – один из самых знающих историю Сибири... Книга «Исторические рассказы о Барнауле», если судить по названию, только история, на самом же деле здесь наличествует художественный стиль, напоминающий стиль Бажова, но достаточно самостоятельный».

Вторую рекомендацию дал Марк Юдалевич. В 1968 г. Бородкин был принят в члены Союза писателей СССР.

Книга «Исторические рассказы о Барнауле», дважды сменив название («У истоков», «Навсегда»), выдержала четыре издания, каждый раз пополняясь новыми историческими новеллами. Если в первом издании их было 26, то в последнем – за 70.

Из многочисленных читательских отзывов, сплошь похвальных, приведу лишь один, принадлежащий научному сотруднику Московского института этнографии Академии наук СССР Р. Липец:

«У Вас есть очень важное для автора, занятого исторической тематикой, свойство. Вы видите в прошлом живых людей, у Вас свежие цветы, а не засушенные в гербарии».

В 1966 г. у Бородкина вышла повесть «Тайны Змеиной горы», также выдержавшая четыре издания, в 1980 – повесть «Мост», в 1985 – роман «Иван Ползунов». Много лет собирал он материалы о нем, обдумывал этот главный свой труд. А заканчивал его уже после ампутации обеих ног. На презентацию романа, проходившую в краевой библиотеке, его внесли на руках. Смотреть на это было тяжко...

Кроме повестей и романа, им опубликовано в газетах, журналах, сборниках более 400 статей по истории Алтая. Они пользовались и продолжают пользоваться спросом у исследователей.

Завидная работоспособность, особенно если учесть, что занятия литературным творчеством ему приходилось совмещать не только с работой, но и с целым рядом общественных нагрузок. Много лет он возглавлял писательскую партийную организацию, был заместителем председателя президиума краевого совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, членом редколлегии журнала «Алтай», общественного совета краевого книжного издательства.

4

Приведу еще несколько выдержек из анкеты «БУИСТА» (1979). На мой взгляд, они кое-что немаловажное добавляют к его характеристике.

«...3. Возраст за 60. Но кажется, что не жил еще на свете, а ноги уже не те, не слушаются, память вроде бы острая, но бывают досадные пробождения... Можно сказать, что еду с ярмарки с дырчавым

карманом. Короче говоря, как и полагается в жизни, много было надежд, но от них осталась одна пустота.

...5. Грамот – целая телега...Заслуженный работник культуры РСФСР. Член Союза писателей СССР.

...7. Любимое занятие (увлечение) с детства – охота. Конечно, не на медведей и не на тигров, т. к. они больно кусаются, к тому же их долго искать, а на водоплавающую дичь. Единственная опасность при такой охоте – возможность утонуть, которую я не использовал четырежды.

...10. О планах на будущее – закончить роман «Ползунов», написать о современном Барнауле, об охоте.

...12. Моим девизом в молодости и сейчас являются слова: «Не мешай жить людям!». Безусловно, если жизнь у них не имеет видимых изъянов или отклонений от норм морали.

...13. Мое отношение: а) к книгам (хорошим) – самое доброе, б) к музыке – кроме народной, не понимаю, в) к детям – снисходительное, г) к мужчинам – уважительное, д) к женщинам – полная загадка, е) к вину – положительное, хотя в медвытрезвителе бывать не приходилось, так же, как и напиваться до омерзительного, безрассудного состояния.

...19. Беспокоят колики в почках, гипертония, а больше – думы о жизни, о месте в ней».

12 сентября 1986 г. Петра Антоновича Бородкина не стало. Он получил вечную прописку в нашем городе – его именем названа одна из улиц Барнаула (бывшая 1-я Северо-Западная).

5

Скажу без преувеличения, что в моей жизни Петр Антонович занял большое место. Мне посчастливилось около восьми лет работать под его началом. Я и в архив-то поступил благодаря ему. Поначалу мне трудно было ориентироваться в архивном море. Подготовки-то никакой! Нужен был наставник, поводырь. И таким наставником, а точнее – главным наставником стал для меня он. К нему я чаще всего обращался с вопросами по краеведению, к нему нес рукописи газетных статей, выступлений по радио и телевидению. Он внимательно их прочитывал, указывал на ошибки, стилистические погрешности, и тогда я уже смело шел дальше. Если

там спрашивали, все ли у меня точно, отвечал: «Петр Антонович проверил». Этого было достаточно.

Краеведческий «кликбез» со мною он проводил необычным, но действенным способом. Вот лишь один пример. Вызывает однажды, говорит:

– Из «Алтайской правды» просят статью о Василии Штильке. Давай-ка, сделай.

– Петр Антонович, но я же ничего не знаю о нем, кроме фамилии!

– Ищи. Я, что ли, за тебя буду искать?

Иногда он разговаривал со мной таким вот образом, но это было у него признаком доброго расположения, доверительности, и меня не обижало.

Изрядно покопавшись, я наскреб материал на статью о Василии Штильке. Ее опубликовали. А потом так «заболел» этим замечательным человеком, что насобирал о нем на целую книжку!..

Он старался привить любовь к краеведению всем сотрудникам архива. Так, к 250-летию города мы сообща составили сборник «Гордость Барнаула» – о людях, оставивших добрый след в его истории. В то же время он составил план лекций по истории Барнаула, Алтая и распределил темы между сотрудниками. Автор лекции должен был выступить с нею перед коллективом, а коллектив обсудить ее содержание... И очень расстраивался, когда кто-нибудь, ссылаясь на занятость и пр., пытался от этого уклониться.

Он привлек меня к участию в сборнике «За власть Советскую», вышедшем в 1987 г. Так, волей-неволей познакомился я с историей партизанского движения на Алтае, при этом набрал столько материала, что его хватило потом на книжку об Ефиме Мамонтове, партизанском Главкоме.

А потом они с заведующим архивом крайкома КПСС В. С. Усатых задумали большой сборник о замечательных людях Алтая. При распределении материала Петр Антонович «накидал» мне 15 фамилий, о большинстве из них я практически ничего не знал. Около года потратил на это задание: все вечера, выходные, отпуск. И, хотя сборник почему-то не состоялся, ничуть не жалею о потраченном времени: узнал много такого, чего не знал раньше и что мне потом не раз пригодилось.

Сам Петр Антонович историю Алтая, особенно Барнаула, знал как никто другой. Под настроение мог рассказать о живших здесь людях, событиях, каждом старом доме много такого, чего не найдешь ни в одной книжке. Мне думается, он успел опубликовать лишь малую часть того, что знал.

Нравилось мне, что к нему любили заходить запросто, «на огонек», историки, писатели, барнаульские деды-старожилы. Наверное, и ему была немалая польза от этих посиделок...

С чувством острой жалости вспоминаю время, когда Петр Антонович заболел. Болезнь прогрессировала, он запустил ее, потому что не любил ходить по докторам. Он вообще не любил и не умел заботиться о себе, особенно если надо было стучаться в чьи-то кабинеты. Ни разу в жизни не был не только в санатории, но даже в доме отдыха. Все отпуска проводил на охоте.

Болезнь ног доставляла ему все большие страдания. В обеденный перерыв он уже не играл в шахматы и не рассказывал нам что-нибудь интересное из истории или из своего прошлого, а закрывался в кабинете, чтобы полчаса полежать на сдвинутых стульях. Но жалоб от него никто не слышал, хотя у него даже лицо осунулось, потемнело от постоянных болей. Он уже и ходить на работу пешком не мог, хотя жил близко, ездил на машине. Но и тогда не давал себе поблажки.

Когда рабочий день заканчивался и сотрудники уходили, он оставался заканчивать роман о Ползунове. И в выходные дни, когда случалось проходить мимо архива, я видел его там, склонившимся над письменным столом. Он, видимо, понимал, что нормальных условий для творчества уже не будет, может, чувствовал даже близкий конец и спешил, спешил...

Когда он стал глубоким инвалидом и невольным домашним сидельцем, его не оставили вниманием сотрудники архива, писатели, друзья и просто знакомые, тем более – родственники. А писатели как-то даже «выездное» собрание провели у него на квартире.

Все, кто встречался с ним в это время, в один голос отмечают, с каким мужеством он переносил свалившееся на него несчастье. По словам его жены Ирины Андреевны, он даже ей никогда не жаловался.

Неоднократно бывал у него и я. Когда ни придешь – сидит за столом, стучит на машинке, рядом с нею – стопка исписанных листов,

рядом – стопка отпечатанных. Повернется вместе с инвалидной коляской, приветливо протянет руку, спросит с лукавой ехидцей:

– Сам пришел или по поручению месткома?

– Сам пришел, Петр Антонович.

– Ну, рассказывай, что там у нас нового?..

Таким он и остался в моей памяти...

СЕРГЕЕВ АЛЕКСЕЙ ДМИТРИЕВИЧ (1930–2002)

На моей памяти это был, пожалуй, один из самых деятельных, самых значимых алтайских краеведов, инициатор и активный участник многих добрых начинаний. Вот некоторые из них:

- создание краевой краеведческой ассоциации. Длительное время он сам ее и возглавлял;

- разработка научно-исследовательской программы «Серебряное ожерелье Алтая», получившей статус федеральной;

- разработка программы «Города и села Алтайского края: историческое наследие»;

- участие в возрождении Алтайского отдела Русского географического общества;

- организация и регулярное проведение «Ползуновских чтений». Первые из них состоялись 12 ноября 1986 г. в Барнауле, восьмые (при его жизни) – в 2002 г. в Бийске.

Чтения проводились также в Павловске, Змеиногорске, Усть-Калманском и Усть-Пристанском районах, то есть в местах, связанных с трудовой и творческой деятельностью изобретателя «огненной машины». В них принимали участие преподаватели высших и средних учебных заведений, краеведы, сотрудники музеев библиотек, представители местной администрации. Материалы «Чтений» издавались отдельными сборниками.

Главным организатором, руководителем, вдохновителем «Чтений» был всегда А. Д. Сергеев. Он же обычно выступал с главным докладом. «Чтения» были его любимым детищем, если можно так выразиться. Они стали заметным событием в культурной жизни города и края, во многом способствовали распространению знаний о нашем великом земляке.

Ценным вкладом в «Ползуновиану» стала и книга А. Д. Сергеева «Слово об И. И. Ползунове (историческая квартология)», изданная в 1999 г. В книге большое внимание уделено исправлению ошибок и неточностей, допущенных авторами других работ о Ползунове: академиком В. В. Данилевским, В. С. Виргинским, И. Я. Конфедеровым и нашим земляком Н. Я. Савельевым, автором монографии «Механикус И. И. Ползунов» (Барнаул, 1988).

К сожалению, в полемическом задоре А. Д. Сергеев порою теряет чувство меры. Особенно досталось от него Н. Я. Савельеву. А. Д. Сергеев позволяет себе пренебрежительно называть его «физико-историком» (до перехода в музей Н. Я. Савельев преподавал физику в школе), а его труд – «теоретико-методолого-историческими блужданиями» (что сие означает, до меня, к примеру, не доходит.) Он обвиняет Н. Я. Савельева еще и в том, что у него «отсутствует историко-философский подход в восприятии Ползунова». Сам он, похоже, решил этот самый «историко-философский подход» наглядно продемонстрировать в четвертой главе своей квартологии, озаглавленной «Феномен Ползунова. Околофилософские тропинки». Один из разделов этой главы озаглавлен так, что без словаря не обойтись: «И. И. Ползунов – пассионарий технического прогресса, объект трансцендентности». А дальше – еще темней. Разъясняя свое определение, он обрушивает на читателя целый ворох цитат из произведений Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Гегеля, Канта, Гердера, Шпенглера, Тейяра де Шардена, Мигеля де Унамундо, Серена Кьеркегора, А. Ф. Лосева, Д. Л. Андреева, Е. Н. Егорова, Б. М. Кедрова!..

Не правда ли, оторопь берет от одного перечня фамилий философов?..

На какого читателя это рассчитано? Сам А. Д. Сергеев в аннотации указывает, что его книга «предназначена в первую очередь краеведам и всем патриотам Алтайского края». Рад бы ошибиться, но не уверен, что среди краеведов и патриотов Алтайского края найдется много грамотеев, способных не заблудиться на сергеевских «околофилософских тропинках». Да и какая надобность так усложнять простой в общем-то вопрос о значении изобретения И. И. Ползунова?..

Не пощадил А. Д. Сергеев и других авторов книг об И. И. Ползунове. У всех нашел ошибки и неточности. Создается впечатление, что

такое занятие доставляло ему большую радость: подчеркивать, что об И. И. Ползунове он знает лучше и больше других. Конечно, это хорошо и прекрасно, что у нас есть такой знаток, но лучше б это отметил кто-нибудь другой, а не он сам. И к предшественникам поуважительнее бы отнесся: ведь он шел по проторенной ими дорожке, на их плечах, как говорят, стоял.

Но в целом, повторюсь, его книга является ценным вкладом в «Ползуновиану». А его заслуги в организации и проведении «Ползуновских чтений» вообще трудно переоценить.

Алексей Дмитриевич Сергеев родился 30 марта 1930 г. в деревне Усадьба Думнического района Калужской области, в семье железнодорожного служащего. В 1940 г. с родителями переехал в г. Алейск. Здесь закончил среднюю школу, а в 1953 г. – Барнаульский педагогический институт. Работал преподавателем истории в селах Повалиха (1953–1955) и Бобровка (1955–1958), с октября 1958 г. – директором Алтайской краевой станции юных туристов. В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «История Алтайского края в трудах исследователей и путешественников (конец XVIII – первая половина XIX вв.)», и с 1974 г. стал преподавателем кафедры истории России Барнаульского государственного педагогического института. В 1980 г. ему было присвоено звание доцента.

Еще студентом принимал участие в полевых исследованиях по истории, этнографии, археологии. Работая в институте, каждый свой отпуск на общественных, как говорят, началах, при незначительной финансовой поддержке краевых советов Российского географического общества и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, проводил со студентами в историко-краеведческих экспедициях, отыскивая следы заводов и рудников когда-то процветавшего горного округа. Им найдены и описаны остатки, а точнее – следы Алейского свинцово-плавильного и Локтевского сереброплавильного заводов, место первой Демидовской плавки – ручного завода на р. Локтевке (осенью 1976 г. на этом месте был установлен памятный знак); изучены сохранившиеся следы Павловского, Сузунского, Змеевского заводов, а также многих рудников.

Прошел он со студентами и по Кольвано-Воскресенской укрепленной линии, ее форпостам и редутам, а точнее – следам от них, предварительно изучив сохранившиеся архивные документы.

О своих находках в 1975 г. издал книгу «Тайны алтайских крепостей». Особым спросом она пользуется у возрождающегося алтайского казачества – наследников боевой славы защитников наших рубежей.

Собранные им во время экспедиций материалы составляют основу этнографических и исторических коллекций историко-краеведческого музея Барнаульского педагогического университета.

А. Д. Сергеев весь период существования Алтайского отдела Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры был одним из самых активных его членов. Он был делегатом четырех съездов Общества, в том числе 1-го Учредительного, членом Центрального совета Краеведческого общества России. Дважды – в 1979 и 1984 гг. – участвовал в Международном научном конгрессе во Фрейберге (ФРГ), выступал там с материалами о пребывании на Алтае Гумбольдта и Б. Котта.

А. Д. Сергеев – автор 263 краеведческих публикаций. Отдельными изданиями вышли, кроме уже упоминавшихся «Слово об И. И. Ползунове» и «Тайны алтайских крепостей», «Память эпохи» (1982), «Факел поколений» (1970, 1977), «Первооткрыватели и исследователи Алтая» (1968, в соавторстве с Н. А. Камбаловым), «Рассказы о природе и истории Алтая» (1987, в соавторстве с Л. К. Акарачкиной и О. М. Винокуровой).

Осталась неопубликованной его монография «Славное Географическое» об истории Алтайского отдела Русского географического общества.

Заслуги Алексея Дмитриевича Сергеева в краеведении отмечены Демидовской премией (1994), Ползуновской премией (1999), присвоением звания «Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств».

КАДИКОВ БОРИС ХАТМИЕВИЧ

После демобилизации из армии я семь месяцев, с января по август 1975 г., работал ответственным секретарем Бийского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Работа в целом была интересной, она немало мне дала: увлекся краеведением, познакомился с интересными людьми, стал писать о них в газету «Бийский рабочий», даже издал книжку «Прописаны навечно» (о людях, именами которых названы улицы Бийска).

Одно в этой работе мне крепко не нравилось: собирать членские взносы. Приходилось ходить по школам, профсоюзным и партийным комитетам предприятий и учреждений, разъяснять, агитировать... Особого успеха моя агитация не имела: смотрели, за малым исключением, как на вымогателя, и я чувствовал себя униженным. А барнаульское начальство мое, кроме взносов, похоже, ничто не интересовало. Начнешь, при встрече или по телефону, рассказывать, какие мероприятия провел по охране и пропаганде памятников, на полуслове перебивают:

– А как со взносами? Сколько уже собрали?

В общем, уволился я «по собственному желанию» и попросился к Борису Хатмиевичу Кадикову в музей (он был тогда его директором). Борис Хатмиевич охотно принял меня и, за неимением свободного стола в комнате научных сотрудников (его там и поставить-то было негде), посадил меня к себе в кабинет. Там я и просидел ровно пять месяцев до переезда в Барнаул.

Даже вспомнить не могу, что сделал за это время полезного для музея. Занимался в основном тем же, что и раньше: ходил по

ветеранам войны и труда, писал о них статьи и публиковал в газете «Бийский рабочий». Борис Хатмиевич не спешил меня нагружать чисто музейной работой: оформлением стендов и выставок, проведением экскурсий по залам музея и пр. Давал время освоиться, поучиться у опытных музейщиков.

Личные дела мои сложились так, что я вынужден был покинуть Бийск и переселиться в Барнаул.

Что мне больше всего понравилось в Борисе Хатмиевиче, когда узнал его поближе? Ненавязчивая доброта, постоянная готовность помочь человеку, оказавшемуся в трудных житейских обстоятельствах. Эту его доброту я не раз испытал на себе.

Не помню случая, чтобы он хоть раз, как директор, позволил себе начальственный тон с научными сотрудниками, устроил разнос, хотя повод для этого, на мой взгляд, иногда был. Но Борис Хатмиевич, когда такое случалось, лишь взглядом, бывало покажет, что огорчен, расстроен случившимся. Похоже, он полагался на то, что провинившийся сотрудник сам осознает свой проступок и впредь не повторит. И, надо сказать, воспитательный метод этот действовал безотказно. Коллектив был дружный, сплоченный и авторитет Бориса Хатмиевича как руководителя и как человека непререкаем.

И еще мне понравилось: за пять месяцев, что просидел у него в кабинете, почти не было дня, чтобы к нему кто-нибудь не пришел поговорить как со знатоком истории Бийска, Горного Алтая, наконец, просто как с хорошим человеком. При этом говорил, рассказывал больше сам Борис Хатмиевич, и я, отложив свою писанину, слушал его в оба уха. Для меня это был ликбез по краеведению.

Однажды я завел с ним речь о том, что если бы все, о чем он так интересно рассказывает, записать да издать, получилась бы интересная книжка. Он лишь скупно улыбнулся в ответ:

– Некогда.

И дальше говорить на эту тему не пожелал.

Позже я понял, что дело было не в «некогда». Рассказывать Борис Хатмиевич мог сколько угодно, был бы хоть один слушатель. Но перед чистым листом бумаги его, похоже, сразу начинало клонить в сон.

В музее на каждого научного сотрудника была заведена папка, куда складывались его газетные публикации, тексты выступлений

по радио и телевидению, рукописи лекций и пр. В каждой папке (сам заглядывал) были какие-то накопления, у кого меньше, у кого побольше. Лишь папка Бориса Хатмиевича был пуста...

Рассказывали мне музейщики, что Борисом Хатмиевичем заинтересовался академик А. П. Окладников, известный исследователь Алтая, археолог, этнограф. Он попытался усадить его за написание диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук, добился для него продолжительного отпуска, позаботился о других условиях для работы. Борис Хатмиевич отпуск отгулял, а с диссертацией тянул до тех пор, пока его не оставили в покое. Он не только писать ленив, но и совсем не честолюбив, никогда не гнался ни за высокими должностями, ни за почетными званиями и степенями.

Признаться, я был приятно удивлен, увидев в издававшемся Бийским музеем «Краеведческом вестнике» за 2001–2003 гг. несколько публикаций за подписью Б. Х. Кадикова. В основном это были байки о бийских купцах, разные полуанекдотические случаи из их жизни, рассказанные ему бийскими старожилками, а он любил угощать ими слушателей. Но дело не в этом. Дело в том, что Борис Хатмиевич, выходит, перестал теряться перед чистым листом бумаги!..

Позже оказалось, что это не совсем так. Мне рассказали, как появилась одна из этих статей, а, может, и не одна. Появилась она так: пришел к нему журналист с диктофоном, разговорил его, потом его рассказ перенес на бумагу, и статья была готова!

Приставить бы к нему постоянного слушателя с микрофоном! Впрочем, что-то похожее сделали алтайские телевизионщики. Они вывезли Бориса Хатмиевича в Горный Алтай, к его любимым петроглифам, и там, на лоне природы, «разговорили»!.. Этот своеобразный и довольно продолжительный, очень ценный по содержанию «сериал» уже дважды передавался по местному телевидению. Хочется надеяться, что эта лента будет сохранена как память о выдающемся краеведе и еще не раз использована.

К сожалению, за тридцать лет, прошедших после отъезда из Бийска, в моей памяти мало что сохранилось, да и в музее я пробыл немного, а потому не могу рассказать о Борисе Хатмиевиче с такой полнотой, с какою хотелось бы. Вот почему решил дополнить мои заметки воспоминаниями людей, знающих его намного лучше меня.

ШМОЙЛОВ³¹ Эльзас Павлович, кандидат исторических наук:

«...К краеведению меня приобщили не только преподаватели Томского государственного университета, выпускником которого являюсь, сколько Борис Хатмиевич Кадиков. Удивляют его феноменальная память и обширные знания не только в археологии, но и в истории, географии, природоведении, естествознании. В университете у меня были научные руководители (по подготовке дипломного проекта – В. Г.), но фактическим руководителем и постоянным консультантом был Борис Хатмиевич. В отлично защищенном дипломном проекте главный вклад – его.

... Когда в 1971 году выходила в свет моя монография «Бийск вчера и сегодня», Б. Х. Кадиков был ее главным рецензентом, многие материалы к ней в фондах краеведческого музея помог собрать он же...

В становлении меня, как историка, роль Б. Х. Кадикова огромна. Он был для меня хорошим другом и советчиком.

Хотелось бы выделить еще одно благородное качество моего друга – его умение общаться с разными возрастными группами людей. Его знают учащиеся практически всех школ и специальных средних учебных заведений города, студенты вузов. В городе нет ни одного краеведческого кружка, где бы не выступал Борис Хатмиевич.

В общении с ним я часто задавал себе вопрос: в чем притягательная сила этого человека? И однозначного ответа не находил. В одной ситуации он поражал слушателей широкой эрудицией и энциклопедичностью своих знаний, в другой – простотой изложения этих знаний, в третьей – каким-то особым внешним и внутренним обаянием, в четвертой – убедительностью своих доводов и т. д.

Бывали случаи, когда мы в аудитории выступали вместе по проблемам краеведения. И всякий раз я ловил себя на мысли, с каким захватывающим интересом слушали его люди. Приемам ораторского искусства у него можно поучиться. Не думаю, что эти приемы он отрабатывает перед зеркалом, они являются результатом многолетнего общения с людьми, умения чувствовать аудиторию, вести ее за собой...»

³¹ Шмойлов, Э. П. *Сорок дружеских лет // Краеведческий вестник. 2002. № 10. С. 40–42.*

ЗАНИНА³² Наталья Ивановна, главный хранитель фондов Бийского краеведческого музея имени В. В. Бианки:

«...Нет, пожалуй, уголка в Горном Алтае, где не побывал бы Борис Хатмиевич. Разведка и раскопки поселений бронзового и раннего железного веков на озере Иткуль, здесь же, на Большом мысе – раскопки крупнейшего на Алтае могильника конца неолита, исследования на Усть-Ише, поиски памятников каменного века по рекам Бии, Катуня, Чемровка, Лебеди, Песчаной, Аную, Семе, Чемалу, Чаган-Узуну, Ирбис-Ту, Ак-Колю, Кара-Колю, Джазатору, Аргуту, Коксе, Бар-Бугазу, Юстыду, Чулышману, на плато Укок и др. Всего же за три года Б. Х. Кадиковым было открыто и разведано свыше 180 памятников эпохи камня, сдана в фонд музея коллекция из 3135 археологических предметов...

Результатом раскопок и дальнейших исследований явилось не только создание в Бийском музее новой экспозиции по истории Алтая, но и формирование крупнейшего в крае фонда по археологии. В составе фондов – уникальная по своему научному значению коллекция неолита, которая экспонировалась в 1995 г. в Южной Корее; коллекция эпохи бронзы и ранних кочевников; экспонаты эпохи владычества тюрок на Алтае.

Более 30 лет назад Б. Х. Кадиков начал изучать наскальные рисунки. С тех пор это направление является традиционным для музея. За эти годы были скопированы и сфотографированы сотни петроглифов. Едва ли на Алтае имеются места их нахождения, где не побывал бы Борис Хатмиевич. Сегодня в музее собран, систематизирован, обобщен и представлен в экспозиции уникальный материал – рисунки древнего человека. Великолепно сканированные, они помогают вводить посетителя музея в ту атмосферу, которая окружала древнего человека тысячи лет назад.

Выставка петроглифов, охватывающих более пяти тысяч лет человеческой истории, хорошо оформленная, побывала в Барнауле, Новокузнецке, Горно-Алтайске, Сростках.

Как настоящего исследователя, Бориса Хатмиевича отличает разносторонность интересов. Много сил и времени потрачено им на изучение топонимики Алтая. Занимаясь археологией, он понимал, что без знания топонимики нельзя получить представления о смене

³² Занина, Н. И. Память города // Галерея выдающихся людей г. Бийска. Бийск, 2002. Вып. 4. С. 55–57.

времен и народов, которые здесь происходили на протяжении десятков тысячелетий неоднократно.

Но не только глубокая древность привлекает Бориса Хатмиевича. Он много занимался и занимается этнографией алтайского (кумандинского) и русского населения Алтая, а также историей родного Бийска от его основания до наших дней...

Не будет преувеличением сказать, что лектора, экскурсовода Кадикова слышала, по меньшей мере, половина бийчан и жителей окрестных сел.

Исследователи из Москвы, Казани, Новосибирска и других городов едут зачастую не просто в Бийский музей, они едут к Кадикову!

Заслуги Бориса Хатмиевича получили широкое признание. В 1995 г. за музейную экспозицию «Бийск купеческий» ему была присуждена премия Демидовского фонда; в 1996 г. присвоено звание «Почетный гражданин Бийска» – за большой вклад в развитие культуры города, воспитание молодежи, многолетнюю творческую работу. Высоким званием отмечена и его научная деятельность – он избран членом-корреспондентом Петербургской академии наук и искусств; награжден знаком «Отличный работник Министерства культуры СССР».

Несмотря на возраст и проблемы со здоровьем, Борис Хатмиевич продолжает трудиться в родном музее старшим научным сотрудником...»

ЕСТЬ ТАКОЙ МУЗЕЙ!

Людмила Михайловна Остертаг теперь уже не часто появляется в своем музее и не потому, что давно на пенсии. Ноги подводят. В необходимых случаях ее подвозят до школы на машине.

Одним из таких случаев воспользовался и я: надо было кое-что уточнить по одному интересующему меня вопросу. Сидел, листал альбом и слушал, как Людмила Михайловна рассказывает о музее корреспонденту краевого радио, переходя с ним от стенда к стенду. Подивился, как молодо, увлеченно звучит ее голос, совсем не так, как при обычном разговоре. Впрочем, удивляться тут нечему: литературно-краеведческий музей 27-й школы г. Барнаула – не просто ее детище, а дело всей жизни, ее подвиг!

В 1947 г. она окончила эту школу, в 1951 – с отличием – Барнаульский педагогический институт, вернулась в свою школу и до самой пенсии, затем немало лет после пенсии, пока позволяло здоровье, преподавала русский язык и литературу. Вот и вся ее трудовая биография. Прекрасная, надо сказать, биография, а в соединении с историей музея – тем более!

Вот несколько записей из «Книги отзывов»:

«Материалы литературного музея настолько богаты и захватывающе интересны, что для изучения их требуются месяцы кропотливого труда.

А. М. Топоров, 1964 г.

Литературно-краеведческий музей в школе? Прекрасно! Вот бы везде были организованы такие музеи в школах! Сколько

любви и сердечности педагогов и учащихся выражено в создании этого чудесного уголка литературы в Барнауле! Спасибо от всех литераторов, друзья!

Г. Марков, первый секретарь Союза писателей СССР.
В. Пухначев, поэт. 20 августа 1969 г.

Большое дело проводите вы, юные поклонники нашей замечательной литературы! Особенно хорошо пропагандируете нашу алтайскую литературу. С удовольствием прослушали беседу о работе музея. Больших успехов вам, ребята, в организации музея, а также в творческих собственных начинаниях!

Учителя края, участники научно-практической конференции.
27 апреля 1970 г.

«Удивительно все, что собрано здесь, в литературном музее! Удивительно и волнующе. Великое спасибо вам за этот литературный подвиг!

В. Сидоров, писатель. 29 августа 1977 г.».

2

А началось так. Став преподавателем, Людмила Михайловна организовала литературно-творческий кружок. Обычный кружок, какие есть в каждой школе. И в 27-й нашлись ученики, пробующие сочинять стихи, рассказы. Завели рукописный журнал «Светлячок»... Но вот однажды одна восьмиклассница рассказала, что прочла роман Вилиса Лациса «Семья Зитаров», там описываются события, происходившие в Барнауле и на Алтае в годы революции и гражданской войны. Откуда латышский писатель знает об этом? Он что, здесь был?

Решили спросить об этом у самого писателя, а заодно обратиться к Анне Караваевой и Глебу Пушкареву с просьбой поделиться воспоминаниями о жизни в Барнауле.

Первым откликнулся Вилис Лацис.

«Дорогие друзья!

Я получил Ваше письмо, в котором Вы просите рассказать о моем пребывании в Барнауле и жизни на Алтае в годы моей ранней

юности. Мне, к сожалению, невозможно написать Вам пространное письмо, так как я недавно перенес тяжелое глазное воспаление и очень трудно писать. Зрение еще не совсем восстановилось. В коротких словах хочу рассказать следующее.

В Барнаул я приехал в ноябре 1917 г. – сразу после Великой Октябрьской социалистической революции и прожил в Вашем городе почти год. Жил на одной из Алтайских улиц, (кажется, 5-й), потом на улице Льва Толстого, почти на самом берегу Оби. Зимой учился в учительской семинарии³³, летом работал в типографии газеты «Заря Алтай» («Жизнь Алтай» – В. Г.). Потом переехал в Горный Алтай, где прожил до весны 1919 года, потом перебрался в сторону г. Кузнецка и прожил в алтайской тайге до лета 1921 года. Работал с отцом в лесу, рубили лес, корчевали пни, собирали хмель, ягоды и т. д. Два года проработал секретарем сельсовета. Тогда же начал писать рассказы, фельетоны, статьи. Кое-что было напечатано в сибирской латышской печати.

Этот период очень ярко сохранился у меня в памяти. Потом, став писателем, я написал ряд рассказов, роман «Семья Зитаров»...

Нетрудно представить, какую радость доставило кружковцам это письмо! День его получения – 10 декабря 1960 г. они решили считать датой основания своего музея, хотя фактически начали свою деятельность раньше: организовывали тематические выставки в классах и зале, проводили беседы и пр.

Лацис прислал книгу «Земля и море», фотографию. Напомню: он был автором широко известных романов «Сын рыбака», «Буря», «К новому берегу» и уже названного «Семья Зитаров», дважды лауреатом Государственной (бывшей Сталинской) премии. Переписка с ним продолжалась до последнего дня жизни писателя (1966), а позже – с его ближайшими родственниками.

Людмила Михайловна отыскала в краевом госархиве карточки Всероссийской переписи населения 1920 г., в которой участвовал Вилис Лацис, и фотокопию одной из них, заполненной им собственноручно, выслала ему. А кружковцы нашли дом, в котором жил Лацис. Он находится на улице Чкалова (бывшей 2-й Алтайской),

³³ Учительская семинария была открыта в Барнауле 1-го сентября 1915 г. и закрыта в декабре 1919 г., после восстановления советской власти. Готовила учителей для начальных школ.

210 и до наших дней сохранился. Это был долгий и увлекательный поиск, рассказ о котором занял бы здесь слишком много места. Его завершили только в 1968 г. Юрий Агеенко и Сергей Банин.

3

На письмо кружковцев откликнулся и Глеб Михайлович Пушкарев. В 1898 г., девятилетним, он с родителями переехал в Барнаул из Томска, здесь окончил реальное училище, здесь в 1909 г. в газете «Барнаульский листок» опубликовал первый рассказ; после революции был одним из руководителей местной писательской организации, в 1922 г. возглавил Алтайское отделение Сибкрайиздата. На этом посту, по словам Анны Караваевой, проявил «редкостную способность при тогдашнем бумажном голоде всегда что-то издавать».

И на самом деле, только в 1922 г. его стараниями вышли сборники стихов Александра Пиотровского «Алые паруса», Лидии Лесной «Жар-птица», пьеса Сергея Ляликова «Совесть проснулась», учебник географии Порфирия Казанского, «Русские сказки» с иллюстрациями А. О. Никулина; издал и два сборника своих рассказов: «У хлебов» и «Детвора».

Наиболее известная повесть Глеба Пушкарева «Реалисты» посвящена революционным событиям 1905–1907 гг. в Барнауле. Он подарил ее кружковцам с такой надписью: «Эта книга – путь моего становления в жизни, «страдания» в Барнаульском реальном училище. Пережито много, а вспоминается с теплой улыбкой».

В 1924 г. он был приглашен на издательскую работу в Новосибирск, тогда центр Сибирского края. Принял участие в становлении журнала «Сибирские огни», много лет возглавлял Новосибирскую писательскую организацию.

Глеб Михайлович очень серьезно отнесся к письму кружковцев, может, еще потому, что Барнаул был для него город не чужой. «Рад, искренне рад, – писал он, – что это не игра в «Музей», а серьезное дело и отвечать вам надо со всей серьезностью».

Он пригласил их в Новосибирск. «Здесь мы встретимся, поговорим. Приедете вы с фотоаппаратом и кое-что снимете...»

Кружковцы тоже очень серьезно отнеслись к первой своей литературной экспедиции: перечитали, сколько успели, произведения писателей, с которыми намеревались встретиться («вдруг спросят?»), учились вести записи бесед.

В Новосибирск выехали 25 июня 1961 г. вдесятером: Людмила Михайловна, Нина Будашкина, Лариса Грачева, Саша Калашников, Клава Кравцова, Лида Полтавец, Семен Мушер, Галя Цетлина, Коля Чувылкин и Валя Шатова.

Здесь и далее я буду называть учащихся по именам, как звали их в школьные годы. Надеюсь, они не обидятся на меня за это, хотя давно стали мамами и папами, а многие – бабушками и дедушками.

Глеб Михайлович встретил их сердечно, помог решить вопрос с жильем, устройством встреч с писателями. Сам уже неизлечимо больной (жить ему оставалось меньше двух месяцев) часами беседовал с кружковцами, причем не столько расспрашивал, сколько вспоминал. «На минуту задумается, пошевелит седоватыми бровями» (слова Людмилы Михайловны) и вот начинает рассказывать, как пришла к нему преподаватель совпартшколы Анна Караваева с рукописью романа «Золотой клюв», как будущий автор «Цусимы» Алексей Силыч Новиков-Прибой обходил барнаульских купцов, выпрашивая, покупая оберточную бумагу – розовую, желтую, голубую (о белой мечтать не приходилось) для издания литературно-художественного журнала «Сибирский рассвет» и «Библиотеки» с тем же названием.

Кружковцы еле успевали записывать.

4

История этих изданий такова. 8 апреля 1917 г., вскоре после Февральской революции, два крупных и богатых алтайских кооператива, пользующихся большим влиянием среди крестьян – Алтайский центральный кредитный союз и Алтайский союз кооперативов образовали Культурно-просветительный отдел для проведения работы на селе в связи с подготовкой к выборам в Учредительное собрание. В состав его правления вошли: И. Г. Зобачев (председатель), поэт и журналист П. А. Казанский и священник И. В. Серышев.

Наряду с выпуском предвыборных листовок отдел решил наладить издание книг. Спрос на них у крестьян после революции возрос, а издание, в связи с войной и революцией, резко сократилось. Учитывая, что толстая, а следовательно, дорогая книга спроса на селе не найдет, да и не под силу будет малограмотному мужику, решено было издавать книжки для народа, причем преимущественно

писателей-сибиряков, объемом в 16 страниц, зато по 30–35 названий в год и огромным по тому времени тиражом – 30 тысяч экземпляров.

Самое деятельное участие в этом приняла писательская организация, носившая шутовское название «Агулипрок», что означало: Алтайский губернский литературно-продовольственный комитет. Почему вдруг продовольственный? В ту голодную пору городские власти, чтобы немного поддержать пишущую братию, выделяли на их заседания, сверх пайка, бутерброды с чаем или кофе. Вот и пустил кто-то в оборот словечко «продовольственный». Народ-то был в основном молодой, неунывающий. А Порфирий Казанский (он же «Премудрая Крыса Онуфрий») даже сочинил шуточный гимн «Агулипрока»:

Свободной каше пятью-двойственной
Возжен искусства яркий свет.
Литературно-продовольственный
Мы учредили комитет.
Алтайский он. В нем при³⁴ вечерние
Любезны сердцу и уму.
Ликуй, Алтайская губерния, –
Губернский звание ему.
Под стать свободы прочим факторам
Сулит он нам великий прок.
Цвети в веках, на страх редакторам,
На славу нам – Агу-ли-прок!

В состав «Агулипрока» входили: Степан Исаков, Порфирий Казанский, Арсений Жилияков, Глеб Пушкарев, Артем Ершов, Александр Балин, Александр Пиотровский и, возможно, другие.

«Агулипрок» организовал при Культпросветотделе секцию, которая взяла на себя подбор произведений для «Библиотеки», их редактирование и пр. В декабре 1917 г. тиражом 38 тысяч экземпляров вышла первая книжка «Библиотеки» – рассказ Георгия Гребенщикова «В полях». Следом появились: «Санькин марал» Александра Новоселова, «Чуйские были» Вячеслава Шишкова, «Там, в горных долинах» Степана Исакова, «В тихих лесах» Арсения Жилиякова, поэтический сборник «Родному краю» Порфирия Казанского.

³⁴ Прения.

В марте 1918 г. Культпросветотдел был преобразован в самостоятельный Культпросветсоюз Алтайского края. Права его увеличились, но возможности, увы, уменьшились. Разруха, растущая дороговизна, вызванные войной и революцией, все более давали себя знать. В апреле 1918 г. вышла седьмая книжка «Библиотеки» – «В поисках Родины» Артема Ершова.

В мае 1918 г. в Сибири произошел контрреволюционный переворот. Советская власть пала. Культпросветсоюз уцелел, но работать стало еще труднее. Восьмую книжку – сборник рассказов Исаака Гольдберга «Большая смерть» удалось издать лишь в сентябре. А за весь 1919 год вышел лишь сборник рассказов А. С. Новикова-Прибоя «Две души».

И вот в такую-то тяжелейшую пору Культпросветсоюз задумал издавать еще и литературно-художественный журнал «Сибирский рассвет»! Щедрыми «спонсорами» вновь выступили алтайские кооперативы. Редактором согласился стать Степан Исаков.

Весть об этом вызвала большую радость у всех пишущих от Урала до Дальнего Востока. В редакцию хлынул поток рукописей.

Большую роль в становлении журнала сыграли писатели-«центровики» А. С. Новиков-Прибой и Павел Низовой³⁵.

Как они оказались в Барнауле?

В конце марта 1918 г., по распоряжению Совнаркома, из Москвы в Барнаул вышли три поезда с грузом мануфактуры, предназначенной в обмен на хлеб для голодающей столицы. Начальником одного поезда № 204 был А. С. Новиков-Прибой, а его жена Мария Людвиговна – завхозом другого. В Барнауле поезда простояли более трех недель: хлеб поступал медленно. Наконец, поезд № 204 двинулся в обратный путь и, несмотря на случившийся в Сибири контрреволюционный переворот, сумел добраться до Москвы. А другие два поезда выйти не успели. В Барнауле осталась и Мария Людвиговна с малым сыном.

В это время нарком просвещения А. В. Луначарский, видимо, не уяснивший масштабов переворота, решил направить в Сибирь группу писателей для проведения культурно-массовой работы. Новиков-Прибой с радостью ухватился за эту возможность выручить семью. Вместе с ним прибыл в Барнаул и его друг Павел Низовой.

³⁵ Низовой (наст. фам. Тупиков) Павел Григорьевич (1882–1940), писатель, автор романов «Океан», «Сталь», «Недра».

Но обратный путь был отрезан фронтами гражданской войны, и им пришлось здесь остаться до 1920 г.³⁶ Оба вошли в круг алтайских писателей, стали активными авторами «Сибирского рассвета», а Новиков-Прибой одно время даже исполнял обязанности редактора журнала «Сибирский рассвет». Восьмой, июньский, номер, например, вышел за его подписью.

Алтайские впечатления не прошли бесследно для его творчества. Они нашли отражение в рассказах «Зуб за зуб», «За городом», «Вековая тяжба». В журнале «Сибирский рассвет» опубликованы его рассказы «Шалый», «Две души», «На медведя», «Море зовет». По своим художественным достоинствам это наиболее значительные произведения прозы в журнале.

Очень плодотворным был алтайский период и в творчестве Павла Низового. Им опубликованы в «Сибирском рассвете» рассказы «На промыслах», «Часовня», «Тени», «Час девятый», а позже на алтайском материале написаны повесть «Язычники», рассказы «В горах Алтая», «Золотое озеро», «Крыло птицы», «В горном ущелье», «Звериным следом».

«Самая лучшая глава вписана в мою жизнь Алтаем», – отмечал он позже в автобиографии.

Среди создателей журнала достойное место занимает и бессменный председатель Культпросветсоюза Иван Григорьевич Зобачев. Вклад этого человека в развитие культуры Алтая и Сибири, а в первую очередь журналистики, мне кажется, еще не оценен. После изгнания колчаковцев он создавал совпартшколу, курсы красных учителей, был начальником губполитпросвета³⁷, а позже – редактором газет «Красный Алтай», «Ойротский край», «Звезда Алтая», журналов «Алтайская деревня», «Коммунар», «Коммунистическая ячейка», другом и советчиком многих писателей и журналистов Алтая.

«Иван Григорьевич, – вспоминает А. М. Топоров, – сам художественных произведений не писал, но все барнаульские беллетристы видели в нем человека, разбиравшегося в живописном слове, умного политического наставника и честного критика-друга...

³⁶ Выражаю искреннюю благодарность Людмиле Михайловне Остертаг за помощь в уточнении некоторых деталей пребывания А. С. Новикова-Прибоя в Барнауле.

³⁷ Губернский политико-просветительный отдел. Образован в декабре 1920 г. В его ведении находились библиотеки, избы-читальни, Народные дома, клубы, школы для взрослых, совпартшколы, школы ликвидации неграмотности для взрослых.

От тех давних лет в памяти сохранился образ человека простого, искреннего, скромного, готового в любую минуту прийти людям на помощь. А главное – он любил литературу как-то по-особенному чисто и бескорыстно...»

Выехав в конце 20-х гг. (теперь уже прошлого века) с Алтая, Зобачев более тридцати лет отдал журналистской работе; был редактором газет и журналов в Новосибирске, Минусинске, Улан-Удэ, Новокузнецке, Прокопьевске; в годы Великой Отечественной войны возглавлял сектор печати Новосибирского обкома ВКП(б), затем областной радиокомитет. Его заслуги отмечены орденом Трудового Красного Знамени, медалями, персональной пенсией союзного значения. Умер Иван Григорьевич Зобачев в 1975 г. в Новосибирске...

Первый номер журнала «Сибирский рассвет» вышел в январе 1919 г. тиражом 4500 экземпляров. Первоначально его планировали издавать два раза в месяц, но на первый же номер были израсходованы почти все запасы бумаги. Еще весной 1918 г. Культпросветсоюз закупил в Самаре пять вагонов бумаги, но вывезти ее помешал Чехословацкий мятеж. Пропали и 120 тыс. руб. задатка. Отчаянные попытки достать бумагу где-либо в охваченной гражданской войною, рассеченной фронтами стране кончились неудачей. А за границу путь был заказан. Бумагу для журнала добывали по крохам, где только можно, не считаясь с ценой. С третьего номера журнал стал ежемесячным, а тираж его сократился до 2500 экземпляров.

Журнал имел хождение не только в пределах Алтая. Он рассылался по 50–100 экземпляров в Иркутск, Омск, Новониколаевск и, вероятно, в другие города Урала, Сибири, Дальнего Востока.

В документах Культпросветсоюза отмечается, что уже в конце июля 1919 г. «по условиям текущего политического момента» проезд инструкторов «Союза» во многие районы Алтая стал невозможен. «Текущий политический момент», как нетрудно догадаться, заключался в том, что многие районы Алтая к тому времени были охвачены партизанским движением.

А вскоре и ездить стало некому: к сентябрю 1919 г. служащие «Союза» были почти поголовно мобилизованы в армию. Работу всех его отделов пришлось свернуть. Лишь издание «Сибирского рассвета» решено было продолжать до конца года, но и это не удалось. На последнем сдвоенном (№ 11/12), сентябрь–октябрь) номере

журнал прекратил существование. А с восстановлением советской власти в Барнауле та же участь постигла и Культпросветсоюз, как «наследие проклятого прошлого». Не посчитались с его заслугами.

5

Обо всем этом кружковцы узнали от Глеба Михайловича Пушкарева и Ивана Григорьевича Зобачева (к нему на дачу ездили Коля Чувылкин, Саша Калашников и Нина Будашкина).

Группа кружковцев побывала у Афанасия Лазаревича Коптелова на станции Издревой. Он тоже встретил их очень тепло, провел по своему саду, угостил фруктами и ягодами, напоил чаем с медом со своей пасеки, а главное – рассказал о 1-м съезде писателей СССР, делегатом которого был, подарил несколько своих книг.

Интересные встречи состоялись у кружковцев с автором книги «Горький и Сибирь» Саввой Елизаровичем Кожевниковым, редактором и составителем «Литературного наследства Сибири» Николаем Николаевичем Яновским, автором книги «Страницы литературного прошлого Алтая» Григорием Павловичем Раппопортом; побывали в гостях у вдовы поэта Ильи Мухачева Марии Максимовны; кроме книг мужа, она подарила им его чернильницу.

6

Нагруженные подарками, переполненные впечатлениями, кружковцы с триумфом вернулись домой из своей пятидневной поездки.

Еще до нее они строили планы создания в школе литературно-краеведческого музея. Теперь решили твердо: музеем быть!

Шаг навстречу им сделала директор школы Галина Иосифовна Юдалевич (сестра писателя М. И. Юдалевича). Да еще какой шаг! Она отдала им свой кабинет! Впрочем, «кабинет» – громко сказано. Это была комнатка площадью два на два метра. Сама Галина Иосифовна не любила сидеть в нем, больше времени проводила в учительской, где у нее был свой стол, или у кого-нибудь на уроке.

Но для кружковцев это был щедрый подарок. Они с энтузиазмом принялись за оформление музея. Среди них нашлись свои художники-оформители, свои фотографы и прочие умельцы. Назову наиболее активных: Тамара Федорова, Коля Чувылкин, Валя Шатова, Лида Полтавец, Ирина Жаркова, Люда Семенихина.

За короткий срок, используя каждый квадратный сантиметр площади стен, оформили аж шесть стендов, разместив на них фотографии писателей и некоторые их книги с пояснительным текстом. Стендам придумали названия в духе тех лет.

АЛТАЙ В ГОДЫ ДАВНИЕ. Ф. М. Достоевский, И. А. Куцевский, Н. М. Ядринцев, А. А. Караваева, П. А. Бородкин.

ПЕРВЫЙ НАТИСК БУРИ. «Мрачная повесть» и поэма «Егорка» И. И. Тачалова. Повесть «Реалисты» Г. М. Пушкарева. Фотокопия номера газеты «Барнаульские ежедневные телеграммы», выходившей в 1901–1908 гг.

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА. Книги В. Т. Лациса, А. С. Новикова-Прибоя, роман «Солона ты, Земля» Г. В. Егорова. Пьеса «Так добывалась правда» М. И. Юдалевича.

НАД АЛТАЕМ ЗАЖГЛАСЬ ЗОЛОТАЯ ЗАРЯ. Книги А. Л. Коптелова, Е. Н. Пермитина, И. А. Мухачева, П. В. Кучияка, «Крестьяне о писателях» А. М. Топорова.

ПОСВЯЩАЕТСЯ РОДНОМУ КРАЮ. А. Г. Баздырев, Л. И. Квин, И. П. Кудинов, М. И. Юдалевич. Альманах (ныне журнал) «Алтай».

НАШИ ВСТРЕЧИ.

Такова была первая «начинка» школьного музея. В дальнейшем она менялась, дополнялась, совершенствовалась.

Музей был открыт в сентябре 1961 г., но датой его основания, как уже говорилось, кружковцы решили считать 10 декабря 1960 г. – день получения письма от Вилиса Лациса.

Музей заметили. 12 ноября 1961 г. в «Алтайской правде» появилась статья В. Гусельникова «Хранители культурного наследия», а 14 октября 1962 г. там же – статья М. Орлова «Сокровища маленькой комнаты». Вскоре музею передали еще одну комнату такого же примерно размера, в 1967 г. одну, но большую, а при переселении школы в новое здание (1988) ему выделили тоже просторное светлое помещение, где он находится донныне.

Коротко о том, как работал музей при Людмиле Михайловне. Актив его состоял из 15–18 учеников старших классов и обновлялся с началом каждого учебного года. Они выбирали совет музея, совет директора сочтял тоже из учеников. Все вопросы решались коллегиально. Строгого распределения обязанностей не было, каждый выбирал себе дело по душе и способностям. У активистов было немало добровольных помощников из учеников младших классов.

Постоянной заботой кружковцев было пополнение музея новыми экспонатами. 13 апреля 1961 г. они даже поместили в «Алтайской правде» такое объявление:

«При 27-й средней школе г. Барнаула организуется литературно-краеведческий музей. Просим товарищей, которые встречались с жившими на Алтае писателями, у кого сохранились фотографии, письма и газетные материалы, относящиеся к развитию литературы в крае, помочь в создании музея».

Объявление помогло. Но и кружковцы не сидели сложа руки в ожидании, когда материалы сами потекут к ним.

«Сколько мы с ребятами облазили чердаков, – вспоминает Людмила Михайловна, – перерыли разного хлама, перелистали семейных альбомов!..»

Романтика поиска увлекла многих учеников. Однажды к Людмиле Михайловне прямо на урок прибежала девочка-шестиклассница.

– В нашем доме умерла бабушка, и родственники жгут какие-то книжки!

Кружковцы, к сожалению, туда опоздали. Зато им крупно повезло в школе-интернате для слабовидящих детей: библиотекарь, добрая душа, передала ребятам целых пять номеров журнала «Сибирский рассвет», рассудив, что в музее они нужней. Для сравнения: в краевом краеведческом музее имеется восемь номеров «Сибирского рассвета» из 12, в госархиве – два, а полный комплект есть лишь в краевой библиотеке. Но книг библиотеки «Сибирский рассвет» там лишь две, а в школьном музее – пять из девяти. Есть чем гордиться! И у каждой находки – своя удивительная история.

Немало людей откликнулось на призыв помочь в создании музея. Ученик Сережа Фурсов принес жетон, найденный еще до войны его бабушкой на территории спичечной фабрики. Такими жетонами награждались в 1899 г. выпускники городского училища.

Ученик Костя Зеров подарил музею томик стихов А. С. Пушкина издания 1887 г. Он же безотказно помогал в оформлении музея.

Бывшая ученица школы, учительница Вера Ивановна Максина, передала музею бронзовую медаль с изображением А. С. Пушкина, отлитую в Санкт-Петербурге в 1899 г. к столетию поэта. Эту медаль подарил ее родителям один из ленинградцев, проживавший у них в годы минувшей войны в эвакуации, а ему она досталась от отца.

Из документов известно, что таких медалей «по Высочайшему повелению», было отлито: три золотых (для царской семьи), 20 серебряных и 5000 бронзовых. Вручали их выпускникам 1899 юбилейного года, окончившим учебные заведения с отличием. В краевом госархиве найдена заявка начальника Алтайского округа на 20 бронзовых медалей, но были они получены или нет, выяснить пока не удалось.

Кружковцы немало и с увлечением потрудились в архиве, чтобы выяснить, как отмечалось столетие великого поэта в Барнауле. В том году, в частности, Иркутская улица была переименована в Пушкинскую.

Оригинальную открытку с изображением Льва Толстого подарила музею вдова учителя музыки и самодеятельного композитора С. В. Шаронова Ирина Ивановна. По виду она представляет собой 25-рублевую денежную купюру, но вместо императора на ней изображен Лев Толстой. Это как бы иллюстрация к бытовавшей в то время шутке, что в России – два царя. Так велик был авторитет писателя. Шаронов получил эту открытку в 1910 г. от товарища в качестве поздравления с Пасхой. Такой открытки, как выяснилось, нет ни в музее Л. Н. Толстого в Москве, ни в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге. Поэт Илья Фоянков, тогда корреспондент «Литературной газеты», даже опубликовал 15 мая 1968 г. в своей газете статью «Открытка из школьного музея».

Уникальным можно назвать и другой подарок Ирины Ивановны – книгу А. М. Топорова «Крестьяне о писателях» 1930 г. издания. После ареста автора органами НКВД она была повсеместно изъята и уничтожена. Дожив до реабилитации, А. М. Топоров нашел ее лишь в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина («Ленинке») в Москве и перепечатал на машинке для второго издания, осуществленного в 1964 г.

Так поступали тогда с книгами «врагов народа». Их убивали дважды. Сборника стихов «Песни борьбы и надежды» Порфирия Казанского, расстрелянного в 1938 г., не оказалось даже в «Ленинке», куда обращался Топоров, собиравший материал о жизни и творчестве поэта. А в музее 27-й школы этот сборник есть!

Большой редкостью являются и подаренные Ириной Ивановной так называемые фольклорные тетради С. В. Шаронова: «Песни приалтайских горнозаводских крестьян», «Песни и частушки», «Пословицы и поговорки», «На богов, на попов».

А. М. Топоров прислал в дар музею перепечатанные на машинке сборники стихотворений Ильи Мухачева и Александра Пиотровского, полученные им от старого журналиста и издателя В. М. Семенова.

Жительница Барнаула Римма Порфирьевна Зайцева, дочь крупного чиновника Алтайского округа П. Н. Соболева, передала в музей рукописи неопубликованных стихотворений Марии Георгиевны Васильевой-Потаниной. В дореволюционные годы она нередко публиковалась в сибирских газетах и журналах, в 1901 г. издала в Петербурге сборник стихов «Песни сибирячки». В 1911–1917 гг. была замужем за Г. Н. Потаниным. После развода жила в Барнауле (здесь она родилась); жила, рассказывают, в страшной нищете, ходила по городу босая, седая, оборванная. Как поэт, в советскую эпоху вписаться не сумела или не захотела.

Другое время – другие песни.
Пусть наши музы пока молчат.
Им стало душно, им стало тесно:
Так легковесно кругом кричат!
Что ж! Дало время мандат на темы,
Писать по воле уж не вольны.
Так вот все сразу, как по заказу,
Певцы в коммуны и влюблены.

А в одном из стихотворений, посвященном Г. Н. Потанину, есть такие горькие строки:

Как обидно! Тебя позабыли,
Стройкой нового заняты все.
А тебя ведь любили, любили...

Что верно – то верно. По словам Вячеслава Шишкова, в дореволюционные годы «Потанин пользовался по всей Сибири громадной популярностью, почти такой же, как Лев Толстой в России. Его называли дедушкой Сибири».

А в годы гражданской войны 80-летнего старика за несколько неосторожных высказываний большевики зачислили в реакционеры и пособники Колчака. Теперь его доброе имя полностью восстановлено.

Мария Георгиевна Потанина умерла в Барнауле 23 августа 1943 г. в возрасте 80 лет.

Лиза Николенко установила связь с проживавшей в Омске другой, тоже забытой теперь поэтессой Диной Рок (литературный псевдоним Раисы Николаевны Дрокиной, жены известного на Алтае борца за власть Советов Елисея Петровича Дрокина, именем которого названа улица в Барнауле). Она прислала воспоминания, фотографию, свою книжку «Незабываемые годы». А. М. Топоров отозвался о ней так: «Талантлива, но публиковалась мало».

Кружковцам удалось собрать некоторые сведения о членах литературного объединения при газете «Красный Алтай» в 1920-е годы: П. Любимове, П. Бутухте (Бобрышеве), К. Черепанове, нередко публиковавших в те годы свои произведения на страницах газеты «Красный Алтай».

Конечно, эти имена мало что говорят современному читателю. Они не вошли в энциклопедию. Но история алтайской литературы без них будет, на мой взгляд, неполной, а потому так ценны сведения, пусть даже неполные, что собраны в музее 27-й школы.

Марк Юдалевич подарил музею рукопись неопубликованной пьесы Порфирия Казанского «За Каменный пояс» – о походе Ермака в Сибирь. О ней с похвалой отозвалась литературовед С. П. Рожнева в сборнике «Литература Сибири и современность» (Новосибирск, 1984).

В музее можно услышать записи голосов Максима Горького, Вилиса Лациса, Адриана Топорова, Ильи Фонякова и даже песен, исполнявшихся Семеном Шароновым в 1910 г. А многие ли из школьных музеев могут похвастать коллекцией писем Вилиса Лациса, Сергея Залыгина, Ефима Пермитина, Максима Зверева, Глеба Пушкарева, Адриана Топорова?..

Но сбор всяких редкостей и диковин никогда не был для кружковцев самоцелью, а лишь пособием или чаще – побудительным мотивом при разработке тем для проведения экскурсий (занятий). Назову некоторые из них: «А. С. Новиков-Прибой на Алтае», «Жизнь Вилиса Лациса в нашем крае», «Максим Горький и Алтай», «Вячеслав Шишков – исследователь и писатель», «Адриан Топоров – человек интересной судьбы».

Темы выбирали добровольно, каждую из них разрабатывали два–три человека, используя при этом не только имеющийся материал, но и стараясь собрать новый.

Вот лишь один пример. В 1961 г. девятиклассница Алла Морозова изъявила желание поработать над темой «А. С. Новиков-Прибой на Алтае». Завязала переписку с его вдовой Марией Людвиговной, проживавшей в Москве. Та охотно согласилась помочь, прислала воспоминания о жизни в Барнауле, несколько редких фотографий мужа, две бандероли с книгами, в их числе сборник рассказов А. С. Новикова-Прибоя «Две души», изданный в 1919 г. в Барнауле, в серии «Библиотека «Сибирский рассвет», две книги Ивана Тачалова, подаренные ей автором: «Мрачную повесть» и «Дурацкую карусель» (этой книги нет ни в одной из алтайских библиотек).

Обе книги – с автографами. На «Дурацкой карусели»: «Скромной и незаметной, но самой милой и симпатичной женщине Марии Людвиговне Новиковой с искренним уважением И. Тачалов. 27 мая 1927 г., г. Москва». На «Мрачной повести»: «Симпатичнейшей и сердечнейшей Марии Людвиговне. Я сотни раз приходил к Вам холодный и голодный, но встречал тепло и привет и сотни раз подкреплял свои силы. С глубоким уважением автор И. Тачалов. 27 ноября 1928 г.».

Без сомнения, обе книги были очень дороги Марии Людвиговне: но тем не менее она решила, что место им в музее. На одной из них написала: «Дорогой Людмиле Михайловне Остертаг на память о чудесном, но несчастном человеке – Иване Тачалове».

Она сделала еще один подарок музею: 19 тетрадей с рукописями неизданных рассказов Арсения Жилякова, умершего в 1920 г., а также биографию писателя, написанную его женой.

По материалам, присланным Марией Людвиговной, Оля Макурина подготовила лекцию о жизни и творчестве И. И. Тачалова, Лена Петрова – альбом об А. С. Новикове-Прибое и передачу о нем на краевом телевидении; Алла Морозова – статью «Веги причудливой судьбы», опубликованную в «Алтайской правде» к 85-летию А. С. Новикова-Прибоя; вторую статью о нем под названием «Барнаульские страницы» опубликовала Алиса Чиликина тоже в «Алтайской правде».

На публикации и телепередачу откликнулись барнаульцы В. Дрошев, встречавшийся с А. С. Новиковым-Прибоем в 1937 г. в Крыму и А. Носкова³⁸. В доме ее родителей проживал писатель с женою. Современный его адрес: улица Т. Г. Шевченко, 120. Наташа

³⁸ К сожалению, полные их имена автору неизвестны.

Кузнецова сфотографировала его и фотографию выслала Марии Людвиговне. За все сделанное та выразила кружковцам искреннюю благодарность.

Так или примерно так шла разработка и других тем.

В марте 1961 г. кружковцы во главе с Людмилой Михайловной провели большой цикл радио- и телепередач по темам: «Алтай в художественной литературе» и «Писатели Алтая». Наиболее активное участие приняли в них Алла Немкова, Галя Девляткильдеева, Наташа Шестерикова, Борис Капустин, Нина Измestьева, Света Попова и др.

Немало статей кружковцев появилось в «Алтайской правде» и «Молодежи Алтая». Ну а публикаций самой Людмилы Михайловны, причем не только в местных изданиях, я насчитал около трех десятков, но далеко не уверен, что их столько, а не больше. Число же своих устных выступлений по материалам музея в различных аудиториях, она и сама, наверное, не знает. Они продолжают по сей день. Людмила Михайловна является почетным членом Клуба любителей алтайской старины, действующего при краевой библиотеке имени В. Я. Шишкова. Членам клуба особенно запомнились ее содержательные эмоциональные сообщения о писателе Максиме Звереве, композиторе и музыканте Семене Шаронове, о праздновании 100-летнего юбилея Александра Сергеевича Пушкина в Барнауле и Алтайском округе.

Старшеклассники, посещающие факультатив «Литературное краеведение», не раз выходили победителями на районных, городских и краевых конкурсах. Готовясь к 100-летию юбилею А. С. Пушкина, они заранее начали собирать материалы о том, как отмечалось 100 лет со дня его рождения в Барнауле и Алтайском округе, копались в архивных документах, дореволюционных газетах, завели даже переписку с Пушкинским домом и музеем «Лицей в Ленинграде».

И вот в 1997 г. на конференции в педагогическом институте с рефератом по этой теме выступил ученик 8-го класса Кропачев Алексей и занял первое место в своей возрастной группе.

В 1999 г. на юбилейной конференции в педагогическом университете (до декабря 1993 г. – институт) десятикласснице Елене Кули-

нич за доклад «Празднование 100-летия А. С. Пушкина в Барнауле и округе» было присуждено первое место среди старшеклассников. Более того, ей предложили повторить доклад на заседании кафедры филологического факультета – немалая честь для школьницы!

В том же году на районной конференции, в секции по литературе, Наталья Жилина вошла в тройку призеров за творческую работу «Основные мотивы лирики И. И. Тачалова».

В 2000 г. работа Соколова Алексея «Материалы о Л. Н. Толстом по барнаульским изданиям начала XX века («Алтайская газета», «Жизнь Алтая») и документам литературно-краеведческого музея 27-й школы» была признана лучшей на конференции и рекомендована на федеральную конференцию в г. Обнинске по программе «Юность. Наука. Культура». 15 февраля 2000 г. оргкомитетом и экспертным советом федеральной конференции ему вручено «Свидетельство лауреата» секции краеведения.

Питомцы Людмилы Михайловны многократно отстаивали честь школы, города и края и на многих других российских конференциях и конкурсах.

В июне 1968 г. на проходившем в г. Туле Всероссийском празднике школьников, посвященном 150-летию со дня рождения Л. Н. Толстого, за доклады о находках в краевом госархиве и школьном музее, связанных с жизнью и творчеством великого писателя, Таня Осолкова была награждена дипломом 1-й степени, а директор музея Эльвира Петухова – дипломом 2-й степени.

В июне 1974 г. трое кружковцев были участниками Всесоюзной конференции юных пушкинистов, проходившей в Ленинграде по случаю 175-летия со дня рождения А. С. Пушкина. В ходе конференции восьмиклассница Нина Купцова за доклад на секции «Пушкин и его современники в нашем крае» была награждена Почетной грамотой; такой же награды удостоилась Лена Василенко как лучшая из чтецов, а Слава Печурин завоевал 2-е место на конкурсе знатоков творчества Пушкина и был награжден дипломом и медалью.

В июне 1975 г. на Лермонтовских чтениях в Тарханах девятиклассница Ирина Турок была награждена дипломом 3-й степени за оригинальное сочинение «Печорин о Максиме Максимыче».

Летом 1976 г. в Волгограде на Всероссийском литературном празднике школьников, посвященном XXV съезду КПСС, десяти-

классница Таня Неплюева «за активное участие в поисковой работе» была награждена грамотой и дипломом.

В марте 1984 г. на проходившей в Москве конференции активистов туристско-краеведческих экспедиций пионеров и школьников «Моя Родина – СССР» директор музея десятиклассница Таня Банковская была награждена грамотой.

По окончании конференции делегация 27-й школы: Людмила Михайловна, Таня Варковская, Света Храмушева, Женя Чудимова, Марина Кекина, Света Попова, Люда Куртасова, Лилия Хамидулина, Инна Абрамова, Петя Харитонов, учительница литературы Тамара Николаевна Мацко – побывала в гостях у вдовы писателя Вячеслава Шишкова, Клавдии Михайловны. Она подарила музею шеститомное собрание сочинений мужа, медаль, отлитую к 100-летию писателя в его родном городе Бежецке. Ну и, конечно, напоила чаем, а на прощанье сфотографировалась с ними.

В июне 1990 г. активист музея Володя Притупов выезжал в Иркутск для участия в XV Всероссийском празднике «России верные сыны», посвященном 165-летию восстания декабристов. Вернулся оттуда с дипломом 3-й степени.

В 1968 г. в журнале «Уральский следопыт» (№ 12) Людмила Михайловна опубликовала статью «Рассказ о трех поисках» (дом, где жил Вилис Лацис в Барнауле; Пушкинская медаль; открытка-плакат с изображением Л. Н. Толстого). Вскоре из редакции пришло сообщение: «Жюри признало Вашу работу самой интересной. Едем к Вам. Готовьте конференцию».

Конференция состоялась 17 апреля 1969 г. в актовом зале школы. Руководили ею главный редактор журнала А. Г. Богачев и писатель Лев Квин, постоянный автор этого журнала. Кружковцы, как всегда, оказались на высоте. Сергей Коряков высказал свое мнение о стихах, опубликованных в журнале, Светлана Людиновская – о краеведческих материалах, Таня Курзина – об оформлении журнала, Аркадий Монастырский и Юрий Воронкин самым слабым в журнале отметили отдел сатиры и юмора, а также фантастику.

Сохранилась фотография зала, переполненная учениками всех возрастов. Глядя на нее, поневоле залобуешься: ни одного скучающего лица! Каким неподдельным жадным интересом светятся их глаза! Да, конференция удалась. Редактор А. Г. Богачев тепло поблагодарил выступавших за дельные замечания и вручил директору музея Тане

Бессмертной приз «За лучший поисковый материал» – красивой расцветки, искусно отполированную плитку уральского камня на подставке.

10

Добрые отношения установились у кружковцев с краевой писательской организацией. Нередкими и желанными гостями у них были Марк Юдалевич, Лев Квин, Георгий Егоров, Виктор Сидоров, Иван Кудинов, Леонид Мерзликин, Геннадий Панов. Выступали перед учениками, дарили книги, оставляли теплые записи в «Книге отзывов». Вот некоторые из них:

«Дорогие ребята! Мне очень понравился Ваш музей. Вы много поработали, собирая этот богатейший материал. И этот труд не забудут те, кто придет в школу после вас.

Георгий Егоров».

«Приятно побывать в гостях у друзей.

Хорошая вещь – Алтайский музей!

Марк Юдалевич».

А вот какую запись оставил в феврале 1964 г. 28-летний, сразу полюбившийся ученикам Геннадий Панов:

«Наивен тот, кто не бунтует,

Невинно став на якоря.

В ком быт обыденный бытует,

Как бунт бытует в бунтарях.

А я хочу гореть, не греться,

Я за такой бунтую быт,

В котором маленькое сердце

Звучит как музыка борьбы!»

В конце 1961 г. писатели пригласили кружковцев на свою краевую конференцию. По ее окончании в музей пришли гости конференции – московские писатели Леонид Соболев, Андрей Некрасов, Дмитрий Ковалев, Марк Соболев (из Иркутска). В разное время музей посетили Илья Фоняков (дважды), Елена Вечтомова, автор знаменитой песни «Орленок» Яков Шведов.

В 1964 г. состоялась памятная встреча с Адрианом Митрофановичем Топоровым. Кружковцев приятно удивило, каким бодрым и энергичным выглядел он в свои 73 года после пяти лет сталинских лагерей, как живо интересовался делами музея, радовался их успехам...

Алтайские писатели стали приглашать кружковцев на свои «понедельники». На них в неформальной обстановке обсуждались в частности, рукописи, намеченные к опубликованию в альманахе «Алтай» (с 1990 г. – журнал).

«Руководил «понедельниками» Марк Юдалевич, тогда еще молодой, черноволосый, с неистощимым запасом юмора, – вспоминает Юрий Николаевич Сорокин, бывший кружковец, ныне известный художник, искусствовед. – Нас, школьников, всегда первых выдерживал: «А вы что скажете?» «А ваше мнение?»»

Людмила Михайловна добавляет: «Помню, обсуждали стихи Бориса Каурова, рассказы Александра Баздырева, Льва Квина... Лев Израилевич всегда сам предлагал ребятам высказать свое мнение. Они сначала стеснялись, но потом разговорились. Активнее других выступали Юра Сорокин, Галя Цетлина, Иосиф Кудашкин...»

Жаль, заглохли те «понедельники» в краевой писательской организации! А ведь была от них несомненная польза для учеников, а еще больше – для товарищей писателей.

Жаль, давно не слышно и о добрых делах музея 27-й школы после ухода Людмилы Михайловны.

11

Кружковцы и сами пробовали, причем не без успеха, свои силы в литературном творчестве. Свидетельство тому – несколько выпусков (альбомов) рукописного журнала «Светлячок», заполненных рассказами, очерками, а еще больше – стихами. Высокую оценку им дал Адриан Топоров: «Произведения юных литераторов великолепны... Хочется видеть их напечатанными в центральных изданиях».

В центральные издания, насколько известно, они не попали, а в местных появлялись, и не раз. В 1964 г. в радиопередаче для молодежи прозвучало стихотворение Ларисы Савичевой «Романтики»:

Мы с тобой, мечта, с тобой, свобода,
Не дождется сытый нас покой.
Если помешает непогода,
С неба тучи мы сотрем рукой.
Что романтикам упитанное счастье,
Если есть на свете океан?

Не спугнет ни трудность, ни ненастье,
Только верь, как Коган, в Зурбаган!
Приходи, тебя мы в братство примем,
Будешь ты испытанный и наш.
Паруса романтики поднимем,
Курс на завтра, дерзких экипаж!

Последней строкой в течение целого года начинались радиопередачи для молодежи.

7 марта 1965 г. в газете «Молодежь Алтай» был опубликован гимн кружковцев (слова Гали Девляткильдеевой, музыка Бориса Капустина):

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ

Физики и лирики
Собрались помечтать.
Что ж... Пускай, коль охота.
Физикам и лирикам
Завтра в пять вставать:
У них впереди работа.
Но пускай мечтают до темноты,
До петухов пусть спорят.
Если в жизни будет
Больше мечты,
Значит, будет меньше горя.
Я, наверно, тоже
Опять и опять
Буду бродить по свету...
Только жизни лучшей,
Прошу тебя, мама,
Мне не советуй.
И пускай мечтаем до темноты,
До петухов пусть спорим.
Знаешь, если будет
Больше мечты,
Значит, будет меньше горя!..

Во время групповых выступлений на радио, телевидении кружковцы исполняли этот гимн. Ах как это, должно быть, молодо, зажигающе звучало!..

В 1966 г., на выпускном вечере в школе прозвучал «Светлый вальс» на слова Бориса Капустина:

Светлый вальс
Над притихшею школой звенит.
И звенит, все звенит, все звенит, все звенит.
Над землей
Все гудят и гудят провода.
Мы идем,
Что ж, прощай,
Может быть, навсегда, навсегда, навсегда...

Текст «Светлого вальса» был опубликован в «Алтайской правде» 25 июля 1966 г.

Хочется привести еще стихотворение Тани Мотиной:

Сижу над заголовками,
Типичными штамповками:
Там – «Юные гагаринцы»,
А там – «Основа радости»...
И тексты под штамповками
Стандартные, неловкие,
Трудов немногих стоили,
Нигде о них не спорили.
Кому-нибудь нужны они?
Кого-нибудь зажгли они?
Так и ложится в ряд она –
Нормальная серятина.

Может, Адриан Топоров не так уж и преувеличивал в своей оценке?..

«Светлячок» светил более 10 лет, потом, к сожалению, погас. Объяснить причину не могу...

Среди десятков его авторов чаще других встречаются: Тамара Прокопенко, Лариса Савинова, Юрий Сорокин, а больше всех – Борис Капустин. У него в «Светлячке» семь стихотворений и, по словам Людмилы Михайловны, еще не все туда записаны. Вот одно из них.

МОЦАРТ

Но однажды, но однажды,
Грациозный, как адажио,
В белой шляпе с плюмажем
Он придет в наш старый дом.
В перезвонах струн гитарных,
Старомодных и галантных,
Тонкий, хрупкий как фольга,
Удивительный Вольфганг.
Даст команду менюэтам,
Закружится по паркету,
Выполняя вензеля,
Веселясь и веселя.
Но окончено веселье,
Он подходит к клавесину,
Совершив полупоклон.
Таинство свершает он,
Грозный, яростный и нежный,
Утешая и дразня,
Защищая и казня.
Моцарт. Рвется. В мир. Из окон.
Скрипки смолкли.
Снова томен,
Изогнувшись в поклоне,
Машет шляпой из дверей
Наш манерный Амадей.
Вот скрипят ступени. Моцарт
Покидает старый дом...
Чу! Несется из тумана
Звук старинного рыдвана...

Борис Капустин единственный из кружковцев стал «настоящим» поэтом, автором трех сборников. К сожалению, он не смог полностью реализовать свой талант по причине, погубившей многих российских литераторов...

Лишь память осталась еще от одного прекрасного начинания. При музее одно время действовало нечто вроде факультатива или

лектория под названием «Эврика». На «Эврике» преподаватели школы читали популярные лекции по своим предметам, в дополнение к учебной программе: Анина Максимовна Рябова – по математике, Раиса Моисеевна Мовшович – по химии, Ирина Александровна Бычкова – по искусству и т. д. Приглашались и преподаватели педагогического института; выступала на «Эврике» директор краевого госархива Римма Степановна Скворцова. Ходить на эти лекции никого не приневоливали, но учеников в класс набивалось всегда битком...

12

В 1963 г. писатель Ефим Пермитин обратился в музей с просьбой помочь материалами о революционных событиях 1917–1919 гг. в Барнауле и на Алтае. Они были нужны ему для второй книги трилогии «Жизнь Алексея Рокотова», которую он теперь пишет. Таня Уткова и Света Перминова выслали ему выписки из старых газет, воспоминания старожилов о пожаре в Барнауле в мае 1917 г., а также книгу «Борьба за власть Советов на Алтае».

«Мои милые чудесные помощницы Таня и Света! – писал им Ефим Николаевич. – Большое спасибо Вам за все, что Вы для меня сделали. Меня бесконечно растрогала Ваша отзывчивость на мою доuku... В силу «писательской жадности», желая как можно точнее и ярче воспроизвести эпоху, я был буквально счастлив, как ребенок, получив даже самый незначительный факт, самую малую деталь о том времени...»

И в письме Людмиле Михайловне от 27 августа 1963 г. повторил: «Не знаю, как благодарить Вас за нужные мне материалы о барнаульских событиях. Так онигодились!.. Меня бесконечно растрогала и Ваша отзывчивость, и отзывчивость Ваших ребят на мою доuku!»

А вот письмо Николая Николаевича Яновского, которому, по его просьбе, были предоставлены полученные от Марии Людвиговны Новиковой рукописи Арсения Жиликова – 19 тетрадей, о которых уже говорилось:

«Большое спасибо! Теперь можно собрать все, что им написано, и соорудить небольшой монографический очерк о нем. Это я хочу сделать обязательно, а поэтому считаю присланные Вами сведения ценными».

В начале 1975 г. кружковцы получили от него 3-й том «Литературного наследия Сибири» с очерком о жизни и

творчестве Арсения Жилиякова. Там же прочитали: «Автор выражает благодарность вдове писателя А. С. Новикова-Прибоя Марии Людвиговне Новиковой и Литературному музею при школе № 27 в Барнауле, сохранившим архив А. С. Жилиякова и предоставившим возможность ознакомиться с ним».

Позже очерк был включен Н. Н. Яновским в его сборник «На переломе. (Из литературного прошлого Барнаула)», изданный в 1978 г. В примечании к нему он повторил указанные выше слова благодарности.

Журналист Владимир Гусельников во многом по материалам музея написал книгу «Счастье Адриана Топорова» (Барнаул, 1965). Уверен, что эти материалы привлекут внимание еще не одного писателя, историка, литературоведа.

О музее, славных делах его энтузиастов можно было бы еще много рассказать. Например, о поездке Людмилы Михайловны и Людды Николенко на 1-ю Всероссийскую конференцию организаторов школьных музеев и внешкольных учреждений, проходившую в Москве летом 1967 г.

Или о 1-й Всероссийской конференции юных туристов-краеведов летом 1971 г. в Пушкиногорье, делегатами которой были: Людмила Михайловна, Алла Дегтярева (директор музея), Надя Кузнецова и Таня Нефедова (две последних – из другой школы). На всю жизнь запомнили они, как двигались в колонне из 500 человек возлагать цветы на могилу А. С. Пушкина и не слышно было не только голосов, но даже звука шагов. Только пение птиц!.. Они привезли отсюда веточку от старой липы из аллеи А. П. Керн. Эта веточка до сих пор хранится в витрине музея как драгоценность. И когда близ нее кто-либо из учеников декламирует: «Я помню чудное мгновенье...», голос его звучит совсем по-особому.

Немало интересного и полезного довелось им увидеть и услышать при поездках в Ленинград, где побывали у Елены Андреевны Вечтомовой, в Ригу, к родственникам и поклонникам творчества Вилиса Лациса. Обо всем не расскажешь. Но и рассказанного, я думаю, достаточно, чтобы оценить по достоинству роль и значение музея не только для 27-й школы, но и для города, а также оценить подвижнический труд Людмилы Михайловны.

Очень хочется верить, что найдется в школе достойный продолжатель ее дела и мы еще не раз услышим о добрых делах литературно-краеведческого музея 27-й школы.

По-разному сложилась судьба питомцев Людмилы Михайловны, славных кружковцев. Одни пошли по ее дорожке, стали учителями русского языка и литературы: Света Кудинова, Лена Ликучева, Зоя Марченко, Люда Николенко (называю не всех). Другие предпочли иностранный язык: Алла Немкова, Лена Петрова, Надя Гломоздова.

Савинова Лариса окончила факультет журналистики Алма-Атинского госуниверситета, Николай Чувылкин – доктор химических наук, Ирина Турок, Тамара Петрова, Галя Зайцева – врачи, Таня Бессмертная – инженер, Юрий Сорокин – член Союза художников России. У каждого своя судьба, своя дорога...

Но одно, я думаю, их роднит: воспоминания о школьных годах и не в последнюю очередь – о литературно-краеведческом музее и связанных с ним встречах, поездках, выступлениях, участии в «Светлячке». Литература была для них не просто одним из учебных предметов, а чем-то гораздо большим. Была и осталась. Думаю, нет надобности напоминать о ее великом воспитательном значении. Благотворно отразилось оно и на питомцах Людмилы Михайловны, в чем немалую роль сыграл ее авторитет, человеческое обаяние.

«Я не встречал учителя, – говорит Юрий Сорокин, – который бы так выкладывался на уроках, как Людмила Михайловна».

Ему вторит Савинова Лариса: «Сколько ребят научила она не только грамотно писать, но и гордиться родным нашим языком, любить Пушкина и Гоголя, Льва Толстого и Максима Горького! Для меня литература стала навсегда не только любимым предметом в школе, но и во всей предстоящей жизни, и я благодарна за это Людмиле Михайловне...»

Уверен, под этими словами подпишется любой из ее учеников.

И это – ее след на земле. Счастье учителя.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова И. 204
Аверьянова А. И. 146
Агеенко Ю. 189
Айвазовский И. К. 86
Акарачкина Л. К. 179
Александр II 86
Анохин А. В. 41
Арбузов М. 84
Арбузова Н. 42
Ассанов Н. И. 80
Аухаген О. Э. 53, 55, 56, 57
Афонин 92
Бабин Н. 84
Баздырев А. Г. 196, 206
Байков 8
Баландин А. 84
Балин А. 191
Бальдауф Ф. 13, 15
Банин С. 189
Банковская Т. 204
Басин А. 22
Басина С. К. 22
Басов К. М. 85, 87
Бастрыгина 92
Бегер Ф. Ф. 18, 19
Бекаревич К. Я. 121
Бекетов А. Н. 70
Белинский В. Г. 24
Белоглазова 92
Беляев Н. И. 160
Бербанк Л. 101
Беспалов 77
Бессмертная Т. 205, 212
Бестужев А. 14
Бирюков В. Я. 121
Бичурин Н. Я. (Иакинф) 10
Блок А. 70
Бобрак И. Я. 41
Богачев А. Г. 204, 205
Богомолова 92

Болдырев В. Г. 102
Болдырев В. К. 34, 45, 46
Бонч-Бруевич В. Д. 63
Борисов А. Н. 50, 52
Бородаев В. Б. 152
Бородин М. В. 146
Бородкин П. А. 116, 117, 164, 166–175, 196
Брем А. 29, 70
Брокмиллер А. 26
Будашкина Н. 190, 195
Бунин И. А. 72
Бурнашев Т. С. 8, 15, 16
Бурнашева А. 15
Буторин 146
Бутухт П. (Бобрышев) 200
Бычкова И. А. 210
Ван Дейк А. 49
Варковская Т. 204
Василенко Е. 203
Васильев А. А. 99, 100
Васильева-Потанина М. Г. 57, 199, 200
Вахрушев Б. А. 92, 162
Вегман В. Д. 66, 145
Велижанин А. П. 67, 75, 99, 100, 113–129, 134, 141
Велижанин Г. А. 113–129
Венецианов А. Г. 10
Вергунов В. В. 128
Верещагин Б. В. 106
Верещагин В. И. 35, 67, 69–112, 141
Верещагина И. В. 106, 111
Ветринская А. Н. 40
Вечтомова Е. 206, 212
Вильконский [Волконский] 64
Винокурова О. М. 179
Виргинский В. С. 157, 177
Владимирский К. С. 110
Войнич-Сяноженский В. П. 121
Волкова Н. П. 168
Воронкин Ю. 205
Востоков А. Х. 6, 10
Вторых Н. М. 67, 101, 104
Галай Ю. 15

Геблер Ф. В. 18, 65, 139, 141
Герасимова 92
Гломоздева Н. 212
Гмелин И. 65
Гнедич Н. 14
Гоголь Н. В. 10, 212
Годунов Т. Ф. 133, 134
Голдырева 92
Голиков П. К. 169
Головкин Н. А. 7
Голубев П. А. 32, 33, 44
Гольдберг И. 192
Горбунов А. С. 129
Гордзялковский А. 84
Горетовский И. 141
Горький М. 200, 201, 212
Грачева Л. 190
Гребенщиков Г. 130, 191
Грейлих В. В. 101, 103, 104
Грибоедов А. С. 86
Грязнов И. 84
Гуляев А. С. 28, 34
Гуляев В. И. 22
Гуляев В. Н. 37, 39, 52
Гуляев Н. С. 22–42, 44
Гуляев С. И. 22–42, 139, 169
Гуляев С. Н. 39
Гуляева А. Ф. 30
Гумбольдт А. 10, 16, 179
Гуркин Г. И. 35, 39, 40, 41, 42, 65
Гусельников В. 211
Давидович Н. И. 99, 100, 101, 117, 118
Дагаев М. В. 121
Девляткильдеева Г. 202, 207
Дейхман Е. П. 9
Дектярева А. 211
Демидов А. Н. 50, 139
Данилевский В. В. 158, 177
Добейсен 15
Добролюбов Н. А. 24
Добрынин Б. Ф. 40
Докучаев В. П. 25

Домогацкий В. Н. 49, 51
Достоевский Ф. М. 163, 196
Дрокин Е. П. 200
Дрошев В. 202
Дубакина Е. Н. 100
Егоров Г. В. 196, 205
Ежов Н. И. 119
Ершов А. 191, 192
Ешин Л. П. 137
Жаркова И. 196
Жилин А. И. 109
Жилина М. 203
Жиляков А. 192, 201, 211
Жуков К. С. 121, 122
Жуковский В. А. 12
Журавлев 94
Журин Н. И. 44, 46, 74, 140, 141
Зазубрин В. 51
Зайцева Г. 212
Зайцева Р. П. 199
Залесов П. М. 9, 153, 157
Залесский П. М. 35
Залыгин С. П. 164, 170, 200
Занина Н. И. 184
Засс Ф. Е. 44, 45
Зверев Д. И. 45
Зверев М. Д. 46, 124, 200
Зверева О. Н. 124
Зеров К. 197
Зобачев И. Г. 190, 193, 194, 195
Зобнин Н. М. 44
Иванов Е. 84
Иванова 92
Ивачев П. А. 35
Игнатов 78
Измайлов А. Е. 6
Изместьева Н. 202
Изюмченко Н. Т. 60, 61, 63, 64, 65
Исаков С. 191, 192
Кадилов Б. Х. 180–185
Казakov 51
Казанский П. А. 65, 67, 98–100, 102, 130–136, 141, 189–192, 199

Казанцев И. 27
Калашников А. 190, 195
Камбалин 53
Камбалов Н. А. 99, 111, 179
Каменева О. Д. 117
Каминский А. 149
Кандинский В. В. 49
Канкрин Е. Ф. 16
Капустин Б. 202, 207–210
Караваева А. 187, 189, 190, 196
Карамзин Н. М. 9, 10, 12
Карев В. В. 52
Кастрен [М. А.] 65
Кауров Б. 206
Квин Л. И. 196, 204–206
Кекина М. 204
Керн А. 211
Киркинский А. П. 126, 127
Киров С. М. 149
Климентовский Н. 84
Климов Ю. А. 124
Ковалев Д. 205
Ковалевский Е. П. 16–19
Ковригин И. Н. 15
Кожевников С. Б. 195
Кожуховский 104
Колпаков Г. А. 118
Колчак [А.] 54, 102, 116, 127, 163, 200
Колядо Ф. Е. 168
Комаров В. Л. 70
Коненков С. Т. 49, 51
Конфедератов И. Я. 177
Кончаловский П. П. 49
Коптелов А. Л. 195, 196
Коркин А. М. 145, 146
Коровай Е. Л. 51
Коряков С. 204
Котта Б. 179
Кравцова К. 190
Краснов Г. А. 102
Кричман Е. А. 124
Кропачев А. 203

Крылов Г. В. 156
Крылов И. А. 12
Крылов П. Н. 95, 96
Крючков В. Г. 127
Кублицкий-Пиоттух А. Ф. 46
Кудашкин И. 206
Кудинов И. П. 196, 205
Кудинова С. 212
Кузнецова Н. 202, 211
Кузюкин 146, 147
Кукарцев 92
Кулибин А. И. 12–21
Кулибин В. А. 19, 20
Кулибин И. П. 12
Кулибин И. С. 20
Кулибин К. А. 19, 20
Кулибин Н. А. 19, 20
Кулибин П. И. 13, 20, 21
Кулинич Е. 203
Кульвановский А. 116
Купцова Н. 203
Курзин М. И. 49, 51, 52, 65
Курзина Т. 204
Куртасова Л. 204
Кучияк П. В. 196
Кущевский И. А. 196
Кюхельбекер В. 14
Лазарев И. К. 127
Лаксман [Э. Г.] 70
Лапин А. А. 58
Лапин С. 27, 28
Лаулин М. С. 9, 153, 157, 158
Лацис В. 187, 196, 200, 201, 204, 212
Левашов В. 162
Лебедев В. П. 101, 103
Ледебур [К.] 70
Ленин [В. И.] 50, 146
Лермонтов М. Ю. 86, 115, 204
Лесная Л. 189
Лесневский А. А. 49
Ликучева Е. 212
Липец Р. 171

Литвинов С. В. 153
Логинова 92
Лосенко А. П. 49
Лубяных И. 84
Лукин А. Г. 79, 81, 82
Луначарский А. В. 49, 64, 192
Любимов П. 200
Людиновская С. 204
Ляликов С. К. 65, 189
Ляликова 65
Макаров В. М. 52
Максина В. И. 198
Малешевский П. С. 76, 77, 80
Маляева 115
Мамонтов Е. М. 91, 132, 162, 164, 170, 173
Марков Г. 187
Мартынов 86
Марченко З. 212
Маслов Л. Л. 38
Матвеев В. 84
Мацко Т. Н. 204
Машков И. И. 49
Медведев 105
Менделеев Д. И. 25
Менье Г. 29, 65
Мерзликин Л. С. 205
Михайлов В. П. 35
Мичурин И. В. 107
Мовшович Р. М. 210
Монастырский А. 205
Мордвилко Л. К. 108
Морозова А. 201
Мотина Т. 208
Моцарт В. А. 209
Мушер С. 190
Мухачев И. 195, 196
Мягков М. И. 49
Надольская Н. А. 52
Надольский С. Р. 51, 52
Насонова В. С. 168
Невоструев В. 84
Недзвецкий А. И. 44

Некрасов А. 205
Некрасов Н. А. 24
Немкова А. 202, 212
Ненаживин А. 84
Неплюева Т. 204
Нефедова Т. 211
Низовой П. 192, 193
Никитин А. А. 12
Николаев В. И. 62
Николаев М. 162
Николай I 17
Николенко Л. 200, 211, 212
Никулин А. О. 49, 51, 114, 189
Новиков-Прибой А. С. 190, 192, 193, 196, 201, 202, 211
Новикова М. Л. 192, 201, 211
Новицкий 109
Новоселов А. 191
Носкова А. 202
Няшин Г. Д. 101, 123, 137–143
Ободовский В. К. 58
Оверко Л. А. 114
Овсянкин И. Е. 44, 45
Одинцов Н. 22
Окладников А. П. 182
Орлов М. 196
Осколкова Т. 203
Остертаг Л. М. 186–212
Островский А. Н. 25
Паллас [П.] 70
Панов Г. 205
Пасынков Я. 146, 147
Перминов П. Р. 127
Пермитин Е. Н. 170, 196, 200, 210
Петлин И. 8
Петренко В. С. 114
Петров В. И. 137
Петрова Е. 201, 212
Петрова Т. 212
Петухова Э. 203
Печурин С. 203
Пиотровский А. 189, 191
Плотников Н. 96, 109

Побединский А. 146
Погодаев С. И. 103
Поздняк А. К. 118
Покровский С. П. 128
Ползунов И. И. 25, 62, 132, 142, 153, 154, 157, 158, 161, 162, 164,
171, 172, 174, 177, 178
Полтавец Л. 190, 196
Пономарев Б. Н. 160
Попов Е. 139
Попов С. П. 121, 122, 127
Попова С. 202, 204
Потанин Г. Н. 29, 57, 62, 199
Поярков Ф. Н. 26
Присягин И. В. 169
Притупов В. 204
Прокопенко Т. 209
Прутков К. 12
Пугачев [Е.] 10
Пуссен Н. 49
Пухначев В. 187
Пушкарев В. М. 76–78
Пушкарев Г. М. 187, 189, 191, 195, 196, 200
Пушкин А. С. 6, 10, 14, 162, 197, 198, 202–204, 211, 212
Пшеницын 8
Радлов В. В. 29, 62, 65
Разливаева 92
Раковский Х. Г. 117
Раппопорт Г. П. 195
Распутин В. 162
Родд Е. Г. 75
Рожнева С. П. 200
Розен М. Ф. 148–152
Рок Д. (Дрокина Р. Н.) 200
Романовская 128
Ропет И. П. 73
Рубенс П. П. 49
Руднев Н. М. 126
Рылеев К. 14
Рычков П. И. 10
Рябова А. М. 210
Сабардин С. К. 99, 100
Савельев Н. Я. 62, 133, 153–158, 177

Савинова Л. 209, 212
Савичева Л. 206
Салтымаков 136
Салынский А. 170
Санников 8
Селиванов П. 84
Семенихина Л. 196
Семенов В. М. 199
Семенов В. Ф. 107
Семенов-Тянь-Шанский П. П. 25, 29, 30
Семьянов П. Е. 35, 59–68
Сергеев А. Д. 17, 176–179
Серышев И. В. 190
Сиворонов 66
Сидоров В. 187, 205
Симонов К. 160
Скворцова Р. С. 168, 210
Словцов И. Я. 29, 30
Смирнов А. И. 38, 39, 126, 128
Соболев Л. 205
Соболев М. 205
Соболев П. Н. 56, 57, 58, 141, 199
Сокол-Черниловский Н. П. 127, 128
Соколов А. 203
Сорокин А. 84
Сорокин Ю. 206, 209, 212
Сотников А. Е. 166
Спасский Г. И. 6–11
Сперанский М. М. 8, 10
Спиридонова М. А. 117
Срезневский И. И. 24, 29
Сталин [И. В.] 53, 97, 115
Старосельников 122
Стрижков Ф. В. 133, 153, 154, 157, 158
Строльман А. П. 84
Сумневич Г. П. 109
Сухов П. 145
Таскин А. 13, 15
Тачалов И. 163, 196, 201, 203
Титов Н. С. 58
Тихонов К. 84
Тишкина Т. В. 23, 134

Толстой Л. Н. 25, 61, 64, 198, 203, 204, 212
Топоров А. М. 186, 193, 196, 198–201, 206, 208, 211
Третьяк И. Я. 146
Троицкий Ю. Л. 31, 42
Троцкий Л. Д. 117, 146
Трушин В. И. 160
Тузовский П. Н. 60, 61, 63, 64, 65
Тупиков П. Г. см. Низовой
Турков А. 161
Турок И. 204, 212
Уатт В. Г. 26
Ужгин И. Н. 146
Усатых В. С. 173
Ушаков 92
Фальк Р. Р. 49
Федоров Е. А. 156, 170
Федорова Т. 196
Фоняков И. 198, 200, 206
Фрезе А. 18
Фролов К. Д. 139, 153, 154, 157, 158
Фролов П. К. 8, 9, 49, 133, 153, 157, 158
Хакин В. 123
Хамидулина Л. 204
Харитонов П. 204
Харкеевич Ф. 123
Хвостов В. С. 6
Хемницер И. И. 30
Хлытчиев С. Г. 162
Храмушин С. 204
Худяшев А. В. 48–52
Цаплин М. К. 169
Цветаева М. 117
Цетлина Г. 190, 206
Циркунов Ю. Г. 144–147
Черепанов К. 200
Черных Александр 84
Черных Алексей 84
Чиликина А. 202
Чувылкин Н. 190, 195, 196, 212
Чугунов В. 79
Чудимова Е. 204
Чургутанов А. 22

Чургутанова Н. И. 22
Шангин П. И. 133, 139
Шапошников А. И. 98, 121
Шаронов С. В. 198–200
Шатова В. 190, 196
Шведов Я. 206
Швецов С. П. 33, 43–47, 55, 63, 74
Швецова-Лаврова М. В. 44
Шемелев В. И. 61
Шер Н. Б. 44
Шереметьев А. И. 121
Шестерикова Н. 202
Шленев Н. А. 18
Шмойлов Э. П. 183
Штильке В. К. 44, 59, 60, 66, 72, 139, 173
Шишков В. 191, 199, 201, 204
Шленев Н. А. 18
Шорр М. Л. 127
Щеглов Н. 15
Щеголихина 92
Щуровский Г. Е. 17
Элисберг М. П. 118
Эфрон С. Я. 117
Юдалевич Г. И. 195
Юдалевич М. И. 159–166, 170, 171, 195, 196, 200, 205, 206
Юркин И. Я. 127
Юхнев П. М. 53–58
Ядринцев Н. М. 29, 45, 139, 196
Языков Н. 13, 14
Якушкин П. И. 24
Яновский Н. Н. 210, 211
Яренский А. А. 66
Ярославцев П. Г. 153
Ярцов С. А. 9
Яхонтов В. М. 137

Составила В. Олейник

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	4
Его знал Александр Пушкин	6
Историограф Кольвано-Воскресенских заводов	12
Отец и сын Гуляевы	22
«Статистика сильнее динамита...»	43
Мечта художника Худяшева	48
Страх	53
Артель «Краевед»	59
«С природой одною он жизнью дышал...»	69
Отец и сын Велижанины.....	113
Поэт и краевед Порфирий Казанский (1885–1938).....	130
Трудная судьба краеведа	137
Архивист, краевед	144
Не сдавшийся	148
«Поиски – моя страсть...»	153
«В Алтай я врос корнями...»	159
«Хранитель алтайской старины	166
Сергеев Алексей Дмитриевич (1930–2002).....	176
Кадиков Борис Хатмиевич	180
Есть такой музей!.....	186
Именной указатель	213

Василий Федорович Гришаев
Алтайские краеведы

Редакционный совет:

В. С. Олейник, д.и.н. В. А. Скубневский, Л. В. Фарафонова

Набор текста: М. В. Сигарева

Компьютерная верстка: В. П. Иванов

Сдано в набор 19.03.2010 г. Подписано в печать 24.08.2010 г.
Гарнитура Times. Формат 62x90/16. Усл. п. л. 14,55.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 700 экз. Заказ 3327.

Отпечатано в типографии
ОАО «Алтайский дом печати»
656049, г. Барнаул, ул. Большая Олонская, 28.

